Бестселлер по версии The New York Times для поклонников Дженни Хан и Кейси Уэст

Кэти Котуква

99 дней

Ранить чувства легко –
исправить ошибку
иногда невозможно

99 дней
Кэти Котуньо

Аннотация
Кэти Котуньо. 99 дней
День 1
День 2
День 3
День 4
День 5
День 6
День 7
День 8
День 9
День 10
День 11
День 12
День 13
День 14
День 15
День 16
День 17
День 18
День 19
День 20

День 21
День 22
День 23
День 24
День 25
День 26
День 27
День 28
День 29
День 30
День 31
День 32
День 33
День 34
День 35
День 36
День 37
День 38
День 39
День 40
День 41
День 42
День 43
День 44
День 45
День 46

День 47
День 48
День 49
День 50
День 51
День 52
День 53
День 54
День 55
День 56
День 57
День 58
День 59
День 60
День 61
День 62
День 63
День 64
День 65
День 66
День 67
День 68
День 69
День 70
День 71
День 72

День 73
День 74
День 75
День 76
День 77
День 78
День 79
День 80
День 81
День 82
День 83
День 84
День 85
День 86
День 87
День 88
День 89
День 90
День 91
День 92
День 93
День 94
День 95
День 96
День 97
День 98

День 99
Благодарности
Об авторе

Аннотация

Вернувшись в родной городок Стар-Лейк, Молли Барлоу не ожидала, что бывшая лучшая подруга так и не простила ее. Конечно, Джуллия Доннели имеет на это полное право, ведь Молли разбила сердце ее брату. Похоже, теперь девушку ждет не самое приятное лето, но, в конце концов, это всего лишь 99 дней, после которых с прошлым будет покончено навсегда.

Кэти Котуньо
99 дней

Katie Cotugno
99 Days

© 2015 by Alloy Entertainment and Katie Cotugno
© О. Медведь, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Эта книга для девочек.

День 1

В первый вечер после моего возвращения в Стар-Лейк Джулия Доннелли закидывает наш дом яйцами, и поэтому я понимаю, что никто ничего не забыл.

— Настоящая торжественная встреча, — говорит мама, выйдя из дома на лужайку, встает рядом и обводит взглядом жидкую склизкую жижу, стекающую с кособокой викторианской сирени. По всем окнам дома размазаны желтки. В кустах валяется скорлупа. Сейчас немногим больше десяти утра, а все это уже начинает попахивать гнилью и серой и запекаться на раннем летнем солнце. — Им, наверное, пришлось идти за этими яйцами в Costco.

— Ты можешь перестать? — Мое сердце колотится. Я уже забыла, точнее, попыталась забыть, какой была моя жизнь до того, как год назад я сбежала отсюда: распланированный с беспощадной точностью террор Джулии с целью привлечения меня к ответу за все мои тяжкие преступления. Ноги в ботинках на шнуровке вспотели. Оглядываюсь на спящую улицу за пределами длинной

обдуваемой ветром подъездной дорожки, отчасти ожидая увидеть, как она проезжает мимо на древнем семейном «Бронко» и любуется своей работой. — Где шланг?

— Ох, оставь. — Маме, конечно же, совершенно все равно. Вскинув голову с копной волнистых светлых волос, она дает мне понять, что я слишком остро реагирую. Когда дело касается мамы, все не так уж важно: президент США мог бы закидать ее дом яйцами, сам дом мог бы *сгореть*, и это было бы для нее сущим пустяком. *Это отличная история*, говорила она мне, когда я ребенком приходила сообщить о какой-нибудь несправедливости: что в школе все по-прежнему или что меня последней выбрали для игры в баскетбол. *Запомни это, Молли. Однажды я придумаю отличную историю*. Мне ни разу не приходило в голову спросить, кто из нас будет рассказчиком. — Я попрошу Алекса прийти днем и убрать это.

— Ты смеешься? — визгливо спрашиваю я. Мое лицо покраснело и покрылось пятнами. В данный момент мне лишь хочется уменьшиться до размеров пылинки, но я ни за что не позволю маминому разнорабочему смывать с дома наполовину готовый омлет только из-за того, что все в

городе считают меня шлюхой и не преминут напомнить об этом. — Мам, я спросила, где *шланг*.

— Следи, пожалуйста, за тоном, Молли. — Она качает головой. Я чувствую ее запах, спрятавшийся между запахами яиц и сада: духи с ароматом лаванды и сандала, которыми она пользовалась с моего рождения. Мама совсем не изменилась с тех пор, как я уехала: по серебряному кольцу на каждом пальце, тонкий черный кардиган и порванные джинсы. Ребенком я считала маму самой красивой женщиной в мире. Когда она ездила в турне и читала свои романы в магазинах Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анджелеса, я лежала на животе в гостиной Доннелли и рассматривала авторские фотографии на обложках всех ее книг. — Даже не смей меня обвинять. Не я сделала это с тобой.

Я поворачиваюсь к ней, стоя на траве — находясь в том месте, куда ни за что на свете не хотела бы возвращаться.

— А кого мне тогда *обвинить*? — спрашиваю я. На секунду я позволяю себе вспомнить то холодное противное чувство, когда, учась в одиннадцатом классе, увидела в апреле статью в «Пипл». Там были самые ужасные и шокирующие сцены из романа и блестящая фотография моей

мамы, на которой она прислонилась к столу: *последний роман Дианы Барлоу «Дрейфующая» был основан на сложных отношениях ее дочери с двумя местными парнями.* Пришло понимание, что теперь все тоже будут об этом знать. — Кого?

На мгновение мама кажется очень уставшей, даже старше, чем я думаю: какой бы эффектной она ни была, она удочерила меня в возрасте сорока лет, и теперь ей ближе к шестидесяти. Но потом она моргает, и усталость исчезает.

— Молли…

— Слушай, не надо.

Я поднимаю руку, чтобы остановить ее; мне совершенно не хочется это обсуждать. Хочется оказаться в каком-нибудь другом месте, не здесь. Девяносто девять дней между сегодняшним и первым днем первого семестра в Бостоне, напоминаю я себе. Пытаюсь глубоко вдохнуть и не сдаться непреодолимому желанию рвануть к ближайшей автобусной станции настолько быстро, насколько позволят ноги. Разумеется, не так быстро, как они смогли в прошлом году. Девяносто девять дней, и я уеду в колледж.

Мама стоит во дворе и смотрит на меня: она как всегда босиком, темные ногти и тату розы на лодыжке — этакий микс Кэрол Кинг и первой

леди байкерской команды. *Однажды это станет отличной историей*. Она сама мне это *сказала, призналась* в том, что последует, так что нет никаких причин через столько времени недоумевать, что я рассказала ей самый важный секрет в своей жизни, а она написала об этом бестселлер.

— Шланг в сарае, — наконец отвечает она.

— Спасибо.

Сглатываю вязкий ком в горле и направляюсь на задний двор, морщась из-за неприятного пота, собравшегося на пояснице. И, спрятавшись в сине-серой тени дома, позволяю себе заплакать.

День 2

На следующий день я прячусь в своей комнате с закрытыми занавесками, ем лакричные конфеты и смотрю на ноутбуке странные документальные фильмы на Netflix, точно раненый беглый преступник из последней трети фильма Клинта Иствуда. Вита, мамина строптивая старая кошка, входит и выходит, когда ей вздумается. Здесь все точно так же, как я оставила: сине-белые обои в полоску, яркая желтая чашка, пушистое серое одеяло на кровати. Над столом, прямо возле доски с приколотым расписанием занятий по легкой атлетике висит фотография. Ее сделали в фермерском доме Доннелли, на ней — Джулия, Патрик, Гейб и я, мой рот открыт от смеха. Рядом — картина, нарисованная маминым другом-дизайнером, когда я была еще ребенком. Даже расческа, которую я забыла взять с собой во время безумного побега из Стар-Лейк после выхода статьи, все еще лежит на комоде, словно ждет, что я приползу сюда с кучей колтунов в волосах.

Я не могу отвести взгляда от этой фотографии, к ней как будто прикреплен какой-то магнит,

притягивающий мое внимание с другого конца комнаты. Наконец вытаскиваю себя из кровати и снимаю ее, чтобы рассмотреть поближе: она была сделана летом перед девятым классом, на семейной вечеринке. Мы с Патриком тогда встречались. Вчетвером — я и тройка Доннелли — мы устроились на старом убогом диване в сарае за домом, Джулия отпускает какую-то шутку, а Патрик обвил меня рукой за талию. Гейб смотрит прямо на меня, хотя до произошедшего я никогда этого не замечала. Держа в руках эту дурацкую фотографию, я словно сыплю соль на рану.

Я знаю, что Патрика этим летом нет дома — тайком слежу за ним на Фейсбуке. Он участвует в какой-то волонтерской программе в Колорадо, расчищает заросли и учится бороться с лесными пожарами. Он об этом мечтал с тех пор, когда мы маленькими детьми бегали по лесу за домом его родителей. Так что столкнуться с ним в городе в любом случае невозможно.

И, наверное, нет никаких причин из-за этого расстраиваться.

Кладу фотографию на стол картинкой вниз и прячусь обратно под одеяло, скинув Виту на ковер — в мое отсутствие эта комната принадлежала ей и собаке, о чем совершенно ясно намекнул

налипший слой шерсти. В детстве мне казалось, что я — принцесса, спрятанная на третьем этаже башни маминого старого, заселенного привидениями дома. Теперь же, через неделю после выпускного, я снова так себя чувствую — запертой в волшебной башне, откуда совершенно некуда выбраться.

Достаю из пакетика последнюю конфету, и в этот момент кошка запрыгивает на лежащую рядом подушку.

— Уйди отсюда, Вита, — приказываю я, снова скидываю ее и закатываю глаза, когда она, дернув хвостом, важно выходит за дверь. Мне кажется, она почти сразу же покажется снова.

День 3

Вита не показывается.

День 4

Имоджен тоже. Когда я узнала о своем приговоре провести в Стар-Лейк все лето, мысль о встрече с ней была единственным, что придавало мне терпения, но пока мои сообщения «*Привет, я вернулась*» и «*Давай погуляем*» остались без ответа. Возможно, она тоже меня ненавидит. Мы с Имоджен дружили с первого класса, и в конце одиннадцатого она довольно сильно меня поддержала: сидела вместе со мной в школьной столовой, тогда как все остальные за нашим столом загадочно исчезли, а перешептывания превращались во что-то похуже. Правда в том, что я не предупредила ее о том, что уехала в Бристоль — частную школу для девочек, спрятавшуюся, точно ракетная база, посреди пустыни возле Темпе, штат Аризона.

Точнее, смоталась под покровом темноты.

К следующему дню я уже девяносто шесть часов находилась без человеческого общения, поэтому, когда мама стучится в дверь и сообщает, что придет уборщица, я достаю из стопки вещей, уже скопившихся на полу, чистые шорты.

Мои футболки и нижнее белье все еще лежат в огромной спортивной сумке. Вероятно, ее все же придется распаковать, хотя, по правде говоря, я бы лучше три месяца жила на чемодане. Присев на корточки, замечаю под стулом старые кроссовки. Шнурки все еще завязаны с последнего раза, когда я их надевала: в тот день, когда вышла статья, все случилось внезапно. Я считала, что каким-то образом смогу обогнать национальную публикацию. И убежала настолько резко и быстро, насколько смогла.

Меня стошнило на пыльной обочине дороги.

Уф. Изо всех сил стараюсь выбросить это воспоминание из головы, хватаю фотографию с троицей Доннелли — она все еще лежит на столе изображением вниз — и засовываю подальше в ящик комода. Затем зашнуровываю ботинки и еду в центр Стар-Лейк на старом «Пассате».

На улице достаточно прохладно, чтобы открывать окна, но, направляясь к небольшому островку цивилизации, который представляет из себя центр города, даже через выстроившиеся вдоль дороги сосны чувствую слегка заплесневелый запах озера. Главная улица города небольшая и находится в беспорядке, повсюду закусочные и запущенные продуктовые магазины, а роллер-

дром не открывался с самого 1982 года. Примерно с тех пор сюда никто не приезжает отдохнуть. В шестидесятых и семидесятых прибрежная полоса озера с бесконечной зеленой ниткой гор Катскилл была популярным местом отдыха, но, сколько я себя помню, в Стар-Лейк всегда сохранялась атмосфера того города, каким он был до этого. Словно, отправляясь на веселый отдых, ты по ошибке попадаешь на медовый месяц бабушки и дедушки.

Я ускоряюсь, проезжая мимо пиццерии Доннелли, и чуть опускаюсь на сиденье, будто я — член уличной банды, пока не останавливаюсь у кофейни «Френч Роуст». Там с девятого класса работала Имоджен. Открываю дверь навстречу запаху свежемолотых зерен и какой-то мрачной песне на радио. Здесь почти пусто, наступил период затишья. Имоджен стоит за стойкой, темные волосы падают на глаза, но вот она поднимает голову на звон колокольчиков, и на ее симпатичном лице отражаются вина и паника, которые она быстро прячет.

— О господи, — произносит подруга, придя в себя, обходит стойку, быстро и аккуратно обнимает меня. Затем, придерживая за плечи, выпрямляет руки, точно двоюродная бабушка, желающая

посмотреть, как я выросла. И это в буквальном смысле мой случай: после отъезда в Аризону я набрала семь килограммов. И хоть она ничего не говорит, я чувствую, как она оценивает меня. — Ты здесь!

— Я здесь. — Мой голос звучит странно и фальшиво. На ней тонкое платье, поверх которого надет фартук, сбоку на руке темно-синее пятно, словно она допоздна рисовала пером один из портретов — так же, как в детстве. Я каждый год покупаю ей на день рождения новый набор навороченных маркеров. А в Темпе я зашла в интернет-магазин и оформила доставку. — Ты получила мои сообщения?

Имоджен то ли кивает, то ли качает головой — непонятно.

— Да, мой телефон в последнее время как-то странно себя ведет, — говорит она, голос в конце повышается, будто она не уверена. Затем подруга как всегда изящно пожимает плечами, хотя со средней школы роста в ней сто восемьдесят сантиметров. И при этом ее никогда не дразнили. — Надо купить новый, этот совсем уже плох. Идем, сделаю тебе кофе.

Она огибает стойку, проходя мимо подставки с чашками для желающих посидеть на продавлен-

ных диванах, и передает мне стаканчик навынос. Я не уверена, намек это или нет. Она отмахивается, когда я пытаюсь расплатиться.

— Спасибо, — говорю я, беспомощно улыбаясь. Не привыкла перекидываться с ней парой слов. — Так что, школа дизайна?

Я видела в Инстаграме ее фотографию, на которой она улыбается в толстовке Род-Айлендской школы дизайна — значит, осенью она уедет туда. Когда слова срываются с губ, я понимаю, как дико, что я узнала об этом таким образом. Когда-то мы рассказывали друг другу все — точнее, почти все.

— Осенью мы станем соседями, Провиденс и Бостон.

— Ох, да, — как-то отрешенно произносит Имоджен. — Кажется, там час езды, да?

— Да, но час не так уж много, — неуверенно отвечаю я. Между нами словно река, и я не понимаю, как выстроить мост. — Слушай, Имоджен… — начинаю я, а потом неловко замолкаю. Мне хочется извиниться, что пропала с радаров, хочется рассказать о маме и Джулии, о том, что я здесь еще на девяносто пять дней и боюсь. О том, что мне нужны союзники. Мне хочется рассказать Имоджен все, но не успеваю я вымолвить хотя бы слово, как из кармана ее фартука доносит-

ся предательский сигнал входящего сообщения.

Вот тебе и неисправный телефон. Имоджен густо краснеет.

Я глубоко вдыхаю.

— Ладно, — говорю я, пряча за ухо непослушные, волнистые каштановые волосы, и в этот момент открывается дверь. В кофейню протискивается целая компания женщин в одежде для йоги, которые принимаются заказывать низкокофеиновые напитки с обезжиренными сливками.

— Увидимся, хорошо? — спрашиваю, пожав плечами. Имоджен кивает и машет на прощание.

Я выхожу к припаркованной машине, целенаправленно игнорируя огромную вывеску «МЕСТНЫЙ АВТОР!» на стекле небольшого книжного магазина через улицу. «По невероятно низкой цене в $6.99!» — плюс мое достоинство — можно приобрести миллион копий «Дрейфующей» в мягкой обложке. Я столько внимания уделяю тому, чтобы игнорировать ее, что лишь в последнюю секунду замечаю засунутую под дворники записку. Это послание от Джулии, написанное розовым маркером на оборотной стороне меню китайского ресторана: *грязная шлюха.*

Меня на секунду бросает в холодный пот, который потом сменяется горячим потоком стыда; накатывает дурнота. Тянусь и вытаскиваю меню из-под дворника, бумага намокает в моем кулаке.

Ну, конечно, вот он, пристроился у светофора в конце квартала: большой оливковый «Бронко» семьи Доннелли. Патрик помял его в десятом классе осенью, когда сдал задом в почтовый ящик. На этой машине учились ездить все трое детей этой семьи, в нее мы забивались в одиннадцатом классе, когда Гейб подвозил нас в школу. Черные волосы Джулии блестят на солнце, загорается зеленый, и она уносится прочь.

Я заставляю себя сделать три глубоких вздоха, затем сминаю меню и кидаю на пассажирское сиденье машины. Еще два отправляются туда же, и только потом я выезжаю на дорогу. Крепко сжимаю руль, чтобы руки перестали дрожать. Джулия стала моей подругой еще до того, как я познакомилась с ее братьями. Наверное, логично, что именно она ненавидит меня больше всех. Помню, как столкнулась с ней здесь же вскоре после выхода статьи. Когда она повернулась и увидела меня с латте в руке, на ее лице отразилась неподдельная ненависть.

— Какого черта я везде тебя встречаю, Молли? — полным недовольства голосом спросила она, как будто и правда хотела понять, как решить эту проблему, чтобы это не происходило из раза в раз. — Ради бога, почему ты просто не свалишь?

Я отправилась домой и тем же вечером позвонила в Бристоль.

Но теперь мне некуда сбежать: хочется лишь поскорее добраться до дома, спрятаться под одеяло и смотреть документальные фильмы про глубокий океан или что-то подобное. Тем не менее я заставляю себя остановиться на заправке, чтобы заполнить пустой бак и набрать лакричных конфеток.

Я не могу провести так все лето. Правда?

Я как раз вставляю для оплаты кредитку, как на мое плечо опускается огромная рука.

— Убирайся отсюда! — произносит глубокий голос. Я разворачиваюсь и с колотящимся сердцем готовлюсь к драке, но потом понимаю, что это восклицание, а не приказ.

И понимаю, что оно исходит от *Гейба*.

— Ты *дома*? — с недоверием спрашивает он, по его загорелому лицу расползается широкая улыбка. На нем потертые шорты цвета хаки, оч-

ки-авиаторы и футболка из Нотр-Дама. Кажется, он рад меня видеть больше, чем кто-либо еще.

Я не могу сдержаться: начинаю плакать.

Гейб не моргает.

— Эй, эй, — мягко произносит он, обнимает меня и стискивает. От него пахнет кусковым мылом с фермерского рынка и высушенной на веревке одеждой. — Молли Барлоу, почему ты плачешь?

— Не плачу, — протестую я, хотя бесцеремонно размазываю сопли по его футболке. Отстраняюсь, вытираю слезы и качаю головой. — О господи, не плачу, извини. Позорище какое. Привет.

Гейб продолжает улыбаться, пусть даже немного удивленно.

— Привет, — говорит он, тянется и ладонью вытирает мне щеку. — Добро пожаловать обратно. Как дела? Вижу, ты наслаждаешься своим возвращением в теплое лоно Стар-Лейк.

— Ага. — Шмыгаю носом и беру себя в руки. Господи, я и не понимала, что так сильно нуждалась в дружеском плече, это даже смешно. Ладно, признаюсь, понимала, но не думала, что так сорвусь. — Все просто здорово. — Засовываю руку в открытое окно машины и отдаю ему смятое меню. — Вот это, например, приветственная открытка от твоей сестры.

Гейб разглаживает бумагу и смотрит на нее, затем кивает.

— Странно, — говорит он голосом спокойным, как гладь озера посреди ночи. — Этим утром она положила такую же и на мою машину.

Мои глаза округляются.

— Серьезно?

— Нет, — отвечает Гейб и улыбается, когда я кривлюсь. Его глаза темнеют. — Но правда, ты в порядке? Хреново и ужасно с ее стороны так делать.

Я вздыхаю и закатываю глаза — из-за себя, из-за ситуации, из-за тошнотворной абсурдности созданного мною бардака.

— Все… неважно, — отвечаю я, пытаясь говорить спокойно или близко к тому. — Я в порядке. Что есть, то есть.

— Но это несправедливо, тебе не кажется? — спрашивает Гейб. — В смысле, если ты — грязная шлюха, то и я тоже.

Я смеюсь. Ничего не могу поделать, хотя очень странно слышать от него эти слова. После произошедшего мы ни разу это не обсуждали, даже когда вышла книга — и статья, — и мир начал рушиться на моих глазах. Возможно, прошло достаточно времени, чтобы это теперь казалось ему

пустяком, впрочем, он, похоже, такой один. Видит бог, для меня это все еще совсем не пустяк.

— Это уж точно, — соглашаюсь я, а потом смотрю, как он сминает меню и кидает его через плечо, но бумажка приземляется в семи шагах от мусорки. — А ты знаешь, что раскидываешь мусор? — спрашиваю я, усмехнувшись.

— Добавь это к списку, — говорит Гейб. Кажется, его совершенно не волнуют такие оплошности в соблюдении законов. В выпускном классе он был президентом школьного совета. А мы с Патриком и Джулией развешивали по школе его предвыборные плакаты. — Слушай, люди ведут себя по-скотски. Моя сестра ведет себя по-скотски. И мой брат… — Он замолкает и пожимает плечами. Его каштановые волосы локонами прикрывают уши: они светлее, чем у брата с сестрой. Волосы Патрика почти что черные. — Ну, мой брат это мой брат, но его все равно здесь нет. Чем завтра занимаешься, работаешь?

— Я… пока ничем, — признаюсь я и тут же смущаюсь своей отчужденности: мне стыдно, что здесь практически никто не хочет меня видеть. У Гейба всегда был миллион друзей. — В основном прячусь.

Гейб кивает. А потом говорит:

— Как думаешь, завтра ты тоже будешь прятаться?

Я сразу же вспоминаю, как мне было десять или одиннадцать, и я наступила у озера на стекло, а Гейб донес меня на спине до дома. Вспоминаю, что мы целый год врали Патрику. Мое лицо опухло от слез, и в голову как будто запихнули что-то из ваты.

— Я не знаю, — наконец отвечаю я, но при этом заинтригована. Может, все дело в постоянной боли от одиночества, но встреча с Гейбом подсказывает мне, что что-то произойдет, на пыльной дороге покажется поворот. — Возможно. А что?

Гейб улыбается мне, как церемониймейстер, как человек, подозревающий, что я в предвкушении, и желающий удовлетворить его.

— Заберу тебя в восемь, — вот и все, что он говорит.

День 5

Гейб приезжает минута в минуту и, дважды ударив по клаксону, дает понять, что ждет снаружи. Я быстро сбегаю по лестнице, ботинки шумно стучат по паркету. Мои волосы распущены.

— Ты куда-то идешь? — кричит из кабинета мама. Она удивлена, что вполне естественно, так как до этого момента мой круг общения состоял из Виты, Оскара и маленького робота от Netflix, дающего рекомендации на основе уже просмотренного. — С кем?

Мне не хочется ей говорить — порыв соврать сродни рефлексу. Нет желания снова становиться материалом для книжного клуба Опры. А потом решаю, что мне все равно.

— С Гейбом, — объявляю я, голосом бросая ей вызов. И, не дожидаясь ответа, выхожу за дверь.

Он ждет меня на подъездной дорожке, в магнитоле играет диск Боба Дилана. Музыка такая звонкая и знакомая. Его родители были хиппи: Чак носил волосы до плеч, пока Патрику и Джулии не исполнилось пять, и мы оба выросли под такую музыку, звучащую в их доме.

— Привет, незнакомка, — говорит он, когда я сажусь на пассажирское сиденье. — Уже разрушила сегодня какие-нибудь дома?

Я фыркаю.

— Пока нет, — уверяю его, закатив глаза, и пристегиваюсь. И только выдохнув, понимаю, что весь день нервничала из-за этого момента. Конечно, можно было и не переживать — это всего лишь Гейб, которого я знала еще с детского сада; Гейб, мой сообщник по преступлению. — Но понимаешь, еще рано.

Мы выезжаем за пределы города и едем пятнадцать минут до грузовика с хот-догами, стоящего на парковке у обочины дороги, куда в детстве нас возили его родители. Стоянка окружена гирляндами, столы липкие от влажности и слишком толстого слоя глянцевой краски. Семьи шумными компаниями едят мороженое. В коляске суетится ребенок; на детской площадке на фоне последней синевы сумерек играют мальчик и девочка. Рука Гейба касается моей, пока мы стоим в очереди. И я думаю, он стал шире в плечах и более красивым со времени нашей последней встречи — целых два года назад, перед его отъездом в Нотр-Дам. Он теперь поразительно высокий.

Мы садимся на свободный столик, мои ботинки

и стильные кожаные шлепки Гейба встали на скамейке рядышком. Он берет огромный бумажный пакетик с луковыми кольцами, в воздухе повисают аромат жареного теста и дымка от гриля. С того момента, как Патрик заявил, что больше не хочет меня видеть, я ни к одному парню не сидела настолько близко, как сейчас к Гейбу. Я ни с кем не встречалась в Темпе.

— Так почему ты вернулась? — спрашивает Гейб.

Делаю глоток лимонада и отмахиваюсь от зависшего над коленом комара.

— Закончила школу, — отвечаю я, передернув плечами. — После выпуска мне было некуда деваться. Я, наверное, могла бы сбежать, но…

— Не можешь прятаться, — заканчивает Гейб, ссылаясь на вчерашний разговор на заправке. Мы с минуту сидим в уютном молчании — странно вот так находиться рядом с ним. До произошедшего из всех Доннелли я была наименее близка к Гейбу. Не ему я рассказывала свои секреты: все изменилось, когда наши отношения с Патриком полетели к чертям. Я никогда не делилась с ним всем, что меня беспокоило. Наверное, логично, что теперь он единственный, кто будет со мной общаться.

Мы едим хот-доги, и Гейб рассказывает про школу в Индиане, где изучает биологию, как он проводит время этим летом и что работает в пиццерии, чтобы помочь маме.

— Как она? — спрашиваю я, вспоминая толстый серый хвостик и легкую улыбку Конни. После смерти Чака она не ушла в себя, а пошла вперед, вскинув голову. Когда мне было четырнадцать, у папы Гейба, Патрика и Джулии случился сердечный приступ прямо за столом, посреди спора Гейба и Патрика по поводу того, чья очередь поливать из шланга их моторную лодку «Салли Форт». Следующим летом Конни продала эту лодку. И теперь сама управляет пиццерией.

— В порядке, — отвечает Гейб, и я улыбаюсь. Мы разговариваем обо всяких пустяках: о костюмированной вечеринке, на которую он ходил пару недель назад, где все парни оделись своими мамами, и о том, что смотрим по телевизору.

— Ого, — смеется Гейб, когда я делюсь по-настоящему искрометными фактами про сухой закон и трансконтинентальную железную дорогу, которые почерпнула из документальных фильмов. — Ты серьезно проголодалась по человеческому общению, да?

— Заткнись, — смеюсь я, и он с виноватой

усмешкой предлагает мне последнее луковое кольцо. Я гримасничаю, но все равно его беру — ведь не скажешь, что он не прав.

— Итак, — говорит Гейб, все еще улыбаясь. У него голубые, как озерная вода, глаза. На другом конце парковки заводится машина и выезжает на дорогу, прорезая летнюю темноту ярким светом фар. — Как бы там ни было, Молли Барлоу, я рад, что ты вернулась.

День 6

— Прости, ты *улыбаешься*? — спрашивает следующим утром мама, недоверчиво глядя на меня с другой стороны кухонного островка.

Я улыбаюсь в чашку кофе и не отвечаю.

День 7

Следующим утром я просыпаюсь с уже узнаваемым зудом в теле, который давно не испытывала; некоторое время остаюсь лежать под одеялом, вдруг пройдет. Солнечный свет льется в окно. В воздухе пахнет прохладой и влажностью Стар-Лейк. Я дремлю десять минут. Снова проверяю.

Нет. Он еще на месте.

Наконец вылезаю из кровати и, достав из нижнего ящика шкафа старые потрепанные леггинсы, морщусь из-за того, что они туги в талии, впиваются в нежную мягкую кожу. Кривлюсь и принимаюсь распутывать узлы на шнурках кроссовок, которым, в буквальном смысле, уже целый год.

Возможно, я уже через четыреста метров рухну замертво, свалюсь на краю дороги, как толстый сплющенный енот.

Но я хочу бегать.

Когда я спускаюсь, мама пьет кофе на кухне, но благоразумно решает не комментировать мой внезапный выход из трехэтажной башни и молча наблюдает, как я пристегиваю к ошейнику

Оскара кожаный поводок.

— Полегче с ним, хорошо? — вот и все, что она говорит. Вероятно, она впервые за всю жизнь попросила кого-то быть полегче с кем-то. — Он маловато тренируется.

— Не волнуйся, — бормочу я, засовываю наушники и иду к задней двери. Машу Алексу, который обрезает рододендроны, и направляюсь по подъездной дорожке к улице. — Я тоже.

Я занималась бегом всю среднюю школу и первые три года старшей; в десятом классе Бристоль пытался завербовать меня в команду по бегу — вот так я про них и узнала. Но к тому моменту, как после произошедшего я уехала в Темпе — это был самый долгий, самый быстрый бег во всей моей жизни, — с карьерой бегуна было покончено. Выпускной год я провела на трибунах, чаще всего без движения. Теперь я чувствую себя бледным, рыхлым Железным Дровосеком, со скрипом возвращающимся к жизни.

Я бегу параллельно шоссе по каменистой велодорожке, которая в итоге сужается и становится Стар-Лейк-роуд. Мы с Патриком всегда бегали этим маршрутом — когда было так же тепло, но еще и зимой, когда замерзали берега озера и хрупкие на вид ветки сосен покрывались снегом.

Он получил в десятом классе на Рождество яркий зеленый свитер, и я помню, как наблюдала за ним — он выделялся, словно какая-то экзотическая птица, — пока мы неслись по однообразному серому пейзажу. Я наблюдала за ним все время, за его быстрым изящным телом. Тогда мы с Патриком всерьез занимались бегом, но чаще всего наши забеги вокруг озера были предлогом остаться в одиночестве. Мы встречались с прошлой осени, но все до сих пор казалось новым, волнующим и удивительным, будто никто до нас не чувствовал такого.

— Гейб сказал, он и Софи Табор купались здесь осенью голышом, — сказал он мне, когда мы завершили круг, и его рука коснулась моей, спрятанной в перчатку.

Я засунула наши руки в карман куртки, чтобы согреться.

— Правда? — спросила я, отвлекаясь на его настолько близкое присутствие. А потом поморщилась. — А ты не считаешь «купание голышом» отталкивающей фразой? Мне она кажется какой-то неприятной. Как *влага*.

— Или *трусики*.

— Не говори про *трусики*, — требую я.

Патрик улыбнулся мне, наши плечи соприкаса-

лись, пока мы шли по замерзшему берегу озера. Сквозь зимние облака пробивался слабый ореол солнечного света. — Но нам стоит попробовать.

— Что? — непонимающе спросила я. — Искупаться голышом? — Посмотрела на корку снега, покрывающую землю, затем перевела взгляд на него. — Да, стоит.

— Ну, не сейчас, — пояснил Патрик, сжимая мою руку в кармане. — Спасибо, но мне хотелось бы дожить до выпускного, не отморозив хозяйство. Но когда будет теплее, да. Стоит.

Я заинтригованно и с любопытством посмотрела на него, окруженного морозным белым светом; меня пронзила дрожь. Пока что мы только целовались.

— Этим летом, — согласилась я и встала на цыпочки, чтобы чмокнуть его в уголок рта.

Патрик повернул голову и обхватил мое лицо руками.

— Люблю тебя, — тихо сказал он, и я улыбнулась.

— И я тебя.

Не знаю, что выбивает из меня дух: это воспоминание или физическая нагрузка, но уже через полтора километра нам с Оскаром приходится остановиться и немного пройтись. Дороги здесь

прячутся в лесах и петляют, изредка проезжает машина. Деревья нависают над асфальтом, но я все равно потею в футболке с треугольным вырезом; утренний воздух начинает прогреваться. Когда мы проходим мимо съезда к гостинице Стар-Лейк, я импульсивно тяну поводок и иду по знакомой гравийной дорожке к полянке, на которой сутулится старый отель. Вдали виднеется Катскилл со сверкающим у подножия озером.

Я работала в покосившейся гостинице целых три лета, выдавала полотенца на берегу озера и стояла за кассой в небольшом сувенирном магазине в лобби — так делали многие из нашей школы: обслуживали столики в столовой или преподавали в бассейне уроки плавания. Патрик и Джулия навещали меня между сменами в пиццерии; даже Имоджен однажды работала тут несколько месяцев в десятом классе, когда «Френч Роуст» закрыли на ремонт. Здесь все выглядело запущенным: выцветший ковер со столистными розами и старомодный лифт, который перестал работать еще до моего рождения. Это место находилось на грани закрытия и, кажется, все же закрылось: на главной парковке пусто, а лужайка испещрена гусиными какашками. На проседающем крыльце жутковато покачиваются на ветру

кресла-качалки. Но внутри горит свет, и когда я толкаю главную дверь, она распахивается в пустое лобби с той же самой выцветшей мебелью в цветочек.

Я собираюсь развернуться и уйти — здесь страшно, настолько заброшенным кажется это место, — как в лобби, точно в чертовом «Сиянии», выбегает маленький мальчик в кроссовках с подсветкой, подпрыгивает на одном из обитых парчой диванов, а затем устремляется в коридор, ведущий в столовую. Я громко ахаю.

— Фабиан! Фабиан, разве я не просила тебя здесь не бегать? — В лобби выходит высокая женщина за тридцать, в обтягивающих джинсах и футболке полицейского управления Нью-Йорка, и резко останавливается, когда видит зависшую в дверном проеме меня, похожую на затаившегося психа. — О, вы новая помощница? — спрашивает она, глядя за мое плечо в коридор, куда убежал Фабиан. Кажется, она раздражена. Ее лицо окружают крепкие пружинистые кудряшки. — Вы опоздали.

— О, нет. — Я смущенно качаю головой. Странно, что я сюда вошла. Не понимаю, зачем, вернувшись в город, появляюсь в тех местах, где меня не хотят видеть. Я как будто обзавелась новым

хобби. — Извините. Я здесь раньше работала. И не знала, что вы закрыты.

— Снова открываемся этим летом, — говорит женщина. — Под новым управлением. Мы должны были открыться в День поминовения, но это было несбыточной мечтой. — Вижу, как она рассматривает мою потную одежду и кроссовки, влажный хвостик и лицо в красных пятнах. — Чем вы занимались?

Одну безумную секунду думаю, что она говорит про Гейба и Патрика — вот насколько глубоко укоренилась вина, кажется, даже эта незнакомка может ее почувствовать, — но потом я понимаю, она имеет в виду мою работу здесь, и объясняю.

— Правда? — говорит она заинтересованно. — Мы ищем сотрудника. Личного помощника для нового владельца. Вообще-то, мы его уже наняли, но она опаздывает, а ты здесь. Я приму это за знак. Я сейчас только и делаю, что вижу знаки. Мои дети из-за этого очень нервничают.

Я улыбаюсь, ничего не могу с этим поделать. Я не искала работу — особенно такую, где вполне возможно столкнуться с кучей ненавидящих меня, — но в этой женщине есть что-то победоносное, что разжигает жажду предвкушения, которую я почувствовала, когда столкнулась в

тот день на заправке с Гейбом.

— А кто новый владелец? — спрашиваю я.

Женщина широко улыбается в ответ, будто у нее есть секрет, которым она хочет поделиться, и радуется, что я сейчас здесь.

— Я. — Она вытягивает гладкую загорелую руку и уверенно пожимает мою. — Пенсильвания Джонс. Зови меня Пенн. Можешь начать с завтрашнего дня?

День 8

В свой первый рабочий день в качестве помощника Пенн я ищу и обобщаю четырнадцать сотен списков дел, которые она составила, а потом растеряла по всей территории, написала на салфетках в баре и прикрепила к холодильнику на кухне. На доске у бассейна написано «ХЛОР». И когда мне кажется, что я нашла их все, они умещаются на семи листах с обеих сторон.

— О, слава богу, — говорит Пенни, когда я стучусь в дверь ее кабинета и отдаю их. Рабочий стол похоронен под кучей заказов на поставку и чеков. В уставшем голосе слышится нью-йоркский акцент. Она сказала мне, что вместе с детьми — шестилетним Фабианом и маленькой девочкой Дези, которой не больше четырех и которая за все время, пока я находилась в комнате, не произнесла ни слова, — переехала сюда из Бруклина прошлой весной. Об их папе она ничего не говорила, а я и не спрашивала. — Так. Я просмотрю их после встречи с персоналом, хорошо? Идем, я попросила собраться в лобби в два часа. Хотела взять пончики. Я тебе говорила или это просто

крутится весь день в моей голове?

— Вы говорили, — напоминаю я и следую за ней из офиса в темный коридор, обшитый деревянными панелями. — Я сбегала за ними на ланче.

— Ох, ты молодец, — говорит Пенн, но я больше не слушаю ее, застываю в высоком арочном дверном проеме. На стульях и диванах, расставленных вокруг большого камина, сидят пара десятков людей. Их лица такие знакомые, что я в буквальном смысле не могу двигаться: Элизабет Риз, секретарь школьного совета три года подряд; Джейк и Энни, которых я знаю еще с детского сада и которые столько же встречаются. Она подталкивает его, заметив меня, и ее безупречно выщипанные брови взлетают до линии волос. Она демонстративно отворачивается.

Я думаю о записке на лобовом стекле — *грязная шлюха* — и чувствую, как сильно покалывает кожу. Мне кажется, что все присутствующие здесь тоже ее видели или писали ее, или считают меня такой, хотя не делали ни того, ни другого. Именно так было до моего отъезда. Джулия однажды позвонила ко мне домой и, притворившись работницей центра по планированию семьи, сказала, что они получили положительный результат по моему анализу на ЗППП, и я помню,

как была ей благодарна, потому что свидетелем тому стала лишь моя мама. Возможно, я заслужила то, что все повернулись ко мне спиной после выхода книги и статьи, словно я страдала от какой-то заразной социальной болезни. Но это не значит, что я снова хочу пройти через это.

Если Пенн и заметила, что на меня все смотрят — а они смотрят: кто-то беспокойно ерзает, девочка, с которой я в одиннадцатом классе ходила на английский, что-то шепчет, прикрыв рот рукой, — то ничего не говорит.

— Все получили пончик? — начинает она.

Встреча проходит быстро, она приветствует их в новой гостинице и рассказывает, как пользоваться древними табельными часами. Я проверяю, кто еще здесь. Шеф-повар средних лет и его су-шеф, с которыми я познакомилась этим утром, когда они подготавливали кухню, горничные, которые проветривали гостевые комнаты, распахнув настежь окна. На кожаном диване в ряд, точно птицы на проводе, примостились три подружки Джулии из команды поддержки, три одинаковые французские косы перекинуты через их тонкие плечи. Я стараюсь стоять прямо и не увядать под их взглядами, полными презрения, как страдающее от засухи растение: та, что слева,

смотрит на меня и довольно отчетливо проговаривает губами слово «*шлюха*». Я скрещиваю руки на груди, чувствуя себя совершенно голой. Мне хочется выскользнуть из собственной кожи.

Позже я выхожу с пончиком на заднее крыльцо с видом на озеро, ковыряю обсыпку и пытаюсь взять себя в руки. Девушка моего возраста в шортах и кроссовках поливает из шланга шезлонги, рыжие волосы убраны в неопрятный пучок. Она вздрагивает, когда видит меня, на лице отражается тревога.

— Дерьмо, — говорит она, смотрит на часы, а затем снова на меня, светлые брови сходятся на переносице. — Я пропустила встречу? Черт, я точно пропустила встречу.

— Я… да, — виновато сообщаю я ей. — Но все нормально. И я думаю, там еще остались пончики.

— Ну, в таком случае… — говорит она, откидывает шланг и, поднявшись на крыльцо, протягивает руку. Ее бледная кожа покрылась розовым загаром. — Я Тесс, — представляется она. — Главный спасатель, точнее, буду им, когда здесь будут купаться. Сейчас я просто повелительница шланга. — Она морщит нос. — Извини, в моей голове звучало не так мерзко. Ты только

что вышла на работу?

Я громко смеюсь — впервые за весь день, и это вроде как меня пугает: звучит незнакомо.

— Первая смена, — сообщаю ей. — Типа того. Я Молли, помощница Пенн.

Объясняю, что раньше работала здесь, потом уехала и просто вернулась на лето. Во время рассказа откусываю большой кусок пончика.

Тесс кивает.

— Вот почему я тебя не узнала, — говорит она. — Я живу здесь всего год. Переехала в выпускном классе. — Она показывает на пончик. — Там и правда еще остались?

— Остались, — обещаю я, открываю шаткую сетчатую дверь и прохожу вслед за Тесс в прохладную темную гостиницу. — Даже есть медвежьи когти.

Тесс фыркает.

— Хотя бы этого мне хватило, — говорит она, когда мы идем через старомодную столовую, с потолка которой свисает полдесятка пыльных медных люстр. — Не понимаю, как я считала работу в отеле гламурной. Просто мой парень уехал на лето, поэтому я такая: «Отдайте мне все часы, я буду работать все время и откажусь от общественной жизни».

— Это очень похоже на мой план, — соглашаюсь я, осматриваясь в поисках мерзких друзей Джулии и опустив ту часть, где отказ от общения с людьми — не совсем мой выбор. Мне уже нравится Тесс; меньше всего мне хочется признаться в том — или, хуже того, чтобы кто-то рассказал ей, — что я ее дружелюбная соседка-блудница и разрушительница семей. — Где твой парень? — спрашиваю вместо этого.

Когда мы доходим до лобби, там уже пусто; Тесс берет из коробки шоколадный пончик с глазурью и откусывает.

— Он в Колорадо, — произносит она с набитым ртом, тянется к салфетке и глотает. — Извини, я такая неряха. Он кто-то вроде волонтера по борьбе с пожарами. Наверное, смотрел фильм по Lifetime про пожарных десантников. Я даже не знаю.

Она шутит, но я в этот раз не смеюсь; мое сердце находится где-то в окрестностях выцветшего ковра столовой. Его сменило что-то холодное, липкое и влажное в моей груди.

Он не смотрел фильм по Lifetime, отрешенно думаю я. *Он с самого детства хотел бороться с лесными пожарами.*

— Твой парень… — начинаю я, а потом замол-

каю, не могу этого произнести. Такого не может быть, ни за что. Ни за что. — В смысле, как его…

Тесс легко и беззаботно улыбается мне. На ее верхней губе осталось немного глазури.

— Патрик Доннелли, — отвечает она, в ее голосе явно слышатся интонации, которые появляются, когда говорят про любимую песню, фильм или человека. — А что, ты его знаешь?

Он был моим лучшим другом. Был моей первой любовью. Я занималась сексом с его старшим братом. Я разбила его сердце.

— Да, — наконец говорю я, тянусь за еще одним пончиком и выдавливаю слабую улыбку. — Знаю.

Воцаряется тишина, Тесс все еще улыбается, но глаза смотрят озадаченно. И тут она все понимает.

– *Молли,* — произносит она, словно мое имя — ответ на вопрос в игре «Счастливый случай», словно оно крутилось в ее голове, но она не могла подобрать слово. Словно проиграла. — Ого, привет.

— Привет, — отвечаю я, неловко махнув, хотя она стоит прямо передо мной. Господи, и зачем я добивалась того, чтобы выйти из дома? — Извини. Я не пыталась вести себя чудаковато. Не

знала…

— Да, я тоже.

Тесс проглатывает оставшийся кусок пончика, как шот виски, морщит нос и кладет на пустой столик смятую салфетку. Мы молчим. Я представляю, как она звонит Патрику в Колорадо: «*Знаешь, я сегодня утром познакомилась с твоей дрянной бывшей*». И нарочно не представляю, что он скажет ей в ответ.

— Было приятно познакомиться, — наконец говорю я Тесс, мне впервые с моего возвращения очень хочется сбежать. Интересно, подружилась ли она с Джулией. Интересно, помогала ли забрасывать мой дом яйцами. Было глупо хотя бы на секунду почувствовать надежду. Было глупо вообще соглашаться на эту работу. — Я… Наверное, еще увидимся.

— Наверное, — кивает Тесс и тоже неловко машет мне, когда я направляюсь к коридору, ведущему на кухню. Я представляю, как остаток дня буду ощущать ее взгляд мне в спину.

В конце рабочего дня я сижу за стойкой регистрации в лобби и составляю список журналов и сайтов для размещения рекламы. Открывается дверь гостиницы, и заходит Имоджен.

— Эм, привет! — говорит она, заметив меня и

явно озадачившись — такое же выражение лица было у нее в кофейне тем утром, будто я удивила ее, причем не в хорошем смысле. — Ты снова здесь работаешь?

Я киваю, убираю волнистые волосы за уши и пытаюсь улыбнуться. Меня бесит эта неловкость между нами, словно кусочки пазла намокли, деформировались и теперь друг другу не подходят. До моего отъезда Имоджен никогда не относилась ко мне, как к изгою.

— Через пару недель большое открытие, — отвечаю я. — Игры и фейерверки. Ты пришла записаться на забег на трех ногах?

Имоджен качает головой и одаряет меня снисходительной улыбкой, какой улыбаются ребенку, который спрашивает, работает ли у тебя холодильник.

— Вообще, я приехала за своей подругой Тесс. — На ее платье, спереди застегнутом на пуговицы, нарисованы листочки. — Она тоже здесь работает. Мы собирались взять еду и, возможно, съездить в Силвертон посмотреть фильм.

Я прикусываю щеку изнутри — *конечно*, они дружат, конечно, так и должно быть. На секунду мне вспоминается любимый мамин фильм «Всё о Еве», в котором молодая актриса полностью

перенимает личную жизнь другой женщины.

— Я познакомилась с Тесс, — говорю я. Мне ужасно хочется узнать у Имоджен, серьезные ли у них с Патриком отношения: вместе ли они с прошлого сентября, любит ли он ее больше и сильнее, чем любил меня. — Она милая.

— Хочешь поехать с нами? — спрашивает Имоджен высоким и неуверенным голосом. — Мы, возможно, просто поедем в кафе, но ты могла бы… присоединиться к нам.

Господи, никогда не слышала такого приглашения.

— Мне надо кое-что здесь закончить, — отвечаю ей, качая головой. Я по ней скучаю. Не могу этого отрицать. Детьми мы всегда носили одинаковые прически. — Но мы можем как-нибудь поужинать вместе, ты и я. Наверстать, а? Я принесу торт, ты погадаешь мне.

Мама Имоджен увлекалась картами, сколько я ее знала; подруга получила на свой тринадцатый день рождения собственную колоду. Она все время мне гадала, медленно и аккуратно раскладывала карты на моем пушистом покрывале. При перевороте они тихонько щелкали: четверка мечей, семерка пентакли. Повешенный. Солнце. Я всегда расплачивалась с ней немецким шоколад-

ным тортом из кафе на главной улице, который я считаю сухим, рассыпчатым и отвратительным — что торт, что кафе, — но Имоджен любит его больше всего.

Она пожимает плечами в ответ на мое приглашение, прямая челка раскачивается, когда она шевелит головой.

— Я теперь особо этим не занимаюсь, — говорит она. — Я имею в виду карты. Но конечно, давай поужинаем.

Я собираюсь предложить день, как мы обе замечаем идущую по лобби Тесс, которая держит кусок арбуза. Имоджен так быстро уходит, что я даже не успеваю попрощаться.

— Мне пора, — кричит она через плечо. Дверь в гостиницу захлопывается.

День 9

На следующий день я возвращаюсь из гостиницы без сил. Большую часть дня помогала очистить столовую от старой мебели, чтобы утром вынесли уродливый старый ковер — такая работа пришлась мне по душе, потому что не надо было разговаривать. Хочется лишь принять душ, а затем рухнуть лицом на кровать, но мама, в джинсах, шелковом топе и босиком, режет на кухне лимоны для холодного зеленого чая, который пьет литрами во время работы над книгой. Она выросла в этом доме, с самого детства ходила по этим скрипучим полам из широких паркетных досок. Она родилась в хозяйской спальне наверху.

Я родилась в окружной больнице Фаррагута, Теннесси, у пары моложе моего возраста на данный момент. Они не смогли меня оставить: *тот день, когда Молли въехала в этот дом*, стал основной сказкой на ночь. «Я выбрала тебя, — нравилось говорить моей маме, когда мы обе лежали под одеялом, мои маленькие ножки касались ее коленей, а волосы беспорядочной

лавиной лежали на подушках. Ей не нравилось плести мне косы или пучки. — Я выбрала тебя, маленькая Молли. Больше всего на свете мне хотелось быть твоей мамой».

Диана Барлоу никогда не испытывала трудностей в придумывании небылиц.

Ладно, *возможно*, я слегка предвзята. Но мне всегда казалось смешным, что у мамы, которая так хотела ребенка, совершенно отсутствовал материнский инстинкт. Я не приравниваю ее к высокомерной женщине из «Цветов на чердаке» — она никогда не вела себя заносчиво или безжалостно, всегда говорила, что любит меня, и я ей верила, — но ей надоедала детская суета, например, когда мы весь день напролет с Патриком и Джулией громко кричали во дворе. Она словно проснулась однажды и, обнаружив в своем доме какое-то незнакомое создание из книги, не знала, что с ним делать. Возможно, это логично — она же хотела ребенка.

И этот ребенок превратился в… Ну, в меня.

— Ты грязная, — отмечает она, кидая лимон в кувшин и ставя его в холодильник. — Что они там заставляют тебя делать?

— Бороться со свиньями.

Мои мышцы болят. Наверное, от меня воняет.

Наливаю воду из-под крана, когда струя становится холодной. После моего отъезда она поработала над кухней: сменила электроприборы и столешницы, и я достаю из кладовой с новой раздвижной дверью банку арахисового масла. Мама не писала книгу уже пять лет, после того как украла мой худший секрет и превратила его в бестселлер. Вышедший перед этим роман, «Летние девочки», оказался полным провалом. И она злилась, когда не писала, бродила по дому, как животное в слишком маленькой клетке; помню, как я ликовала, когда она снова закрылась в своем кабинете, и как она радовалась, что вернулась к работе. «Я выбралась из тупика!» — похвасталась она, отсалютовав мне однажды за завтраком чашкой кофе. Я понятия не имела, что для этого она использовала меня.

— О, очень смешно, — говорит она, качая головой и еле заметно улыбаясь. — Правда, я думала, что ты работаешь помощницей, а не занимаешься физическим трудом.

Пожимаю плечами, делаю большой глоток воды и достаю из ящика ложку.

— Я делаю все, что ей нужно.

— Ты можешь вообще этим не заниматься, Молли. — Мама поворачивается лицом ко мне. —

Можешь не работать этим летом, я же тебе говорила. Это твое последнее лето перед колледжем; ты должна расслабляться, а не заправлять кровати за десять долларов в час.

— Я не заправляю кровати, — спорю я. — А даже если бы и…

— Тебе *вообще* не стоит работать, — заявляет она, и мне приходится приложить усилия, чтобы не закатить глаза. Она всегда напоминала мне об этом. Когда вышла книга и начался настоящий ад, она решила, что, озвучив мои темные секреты, сделала щедрый жест в моих интересах. Кажется, ей не приходило в голову, что меньше всего мне было нужно ее вознаграждение. — Это твои деньги.

— Это деньги Эмили Грин, — сердито парирую я. Эмили — главная героиня «Дрейфующей», красивая мямля, попавшая в дурацкий раздутый любовный треугольник, — ужасающе кривая версия меня, отвратительная и исковерканная, но узнаваемая для тех, кто довольно внимательный. — Они мне *не* нужны.

Под звук наших повышенных голосов с кухни смывается Вита; я с громким стуком ставлю стакан на стойку, и мы обе морщимся.

— Они мне не нужны, — повторяю я в этот раз

потише. Мама качает головой. Глубоко вдыхаю, чувствуя проникающие в окно запахи сосен и озерной воды. И пытаюсь вспомнить, было ли это место хоть когда-нибудь моим домом.

День 10

На следующий день во время ланча я отправляюсь по поручениям Пенн и подпеваю Джони Митчелл, про диск которой совсем забыла. На улице просто здорово: погода подходит для холодного кофе, поэтому на обратном пути паркуюсь у «Френч Роуст», чтобы купить латте. Уже выйдя из машины, замечаю Гейба в шортах и кепке «Янкиз», устроившегося на одной из скамеек на террасе, и неосознанно останавливаюсь, потому что он пьет мокко с Элизабет Риз из гостиницы.

Я на секунду замираю посреди тротуара, чувствуя себя обманутой, но тут же говорю себе, что это смешно. Конечно, он может пить кофе с кем угодно. Элизабет была на класс старше меня, Патрика и Джулии, а значит, на год младше Гейба; она состояла с ним в ученическом самоуправлении и всегда носила на одной руке кучу браслетов, серебристых и позвякивающих. Кажется, теперь она учится в университете Дьюка. Она симпатичная.

Девушка смеется, сидя на деревянной скамейке, и ударяет Гейба по жилистому бицепсу — пройти

можно только мимо них, и Гейб, конечно же, замечает меня и машет.

— Привет, Молли Барлоу, — непринужденно здоровается он, кивнув головой в кепке. Элизабет Риз вообще ничего не говорит, просто поджимает блестящие губы и отворачивается.

Я быстро и смущенно бормочу: «Привет», а затем проскальзываю в темную безопасность прохладной кофейни.

Имоджен сегодня не работает, но я все равно задерживаюсь внутри. Щеки пылают, и надеюсь, что эти двое исчезнут к тому моменту, как я выйду. Мне везет на пятьдесят процентов: Элизабет ушла, но Гейб встает и идет за мной к обочине.

— Эй, — говорит он, тянется и нежно, но настойчиво хватает меня за предплечье. — Молли, подожди.

— Я *работаю*. — Я слишком остро реагирую — и *понимаю* это, — но чувствую, что вот-вот заплачу. Ощущаю себя уставшей, раздраженной и снова такой одинокой, что даже Гейб теперь для меня — гиблое дело. Это моя вина, моя идиотская вина; я сделала свой выбор. Но правда в том, что он кажется несправедливым.

— Есть время пообедать? — спрашивает Гейб, не испугавшись окутавшего меня ядовитого

облака, тяжелого, как сигаретный дым. — Я тут думаю перекусить.

Я рефлекторно смотрю на часы.

— Не особо.

— Мы по-быстрому, — обещает он. — Ты же должна есть?

Я качаю головой.

— Гейб… — Какого черта? Я говорю раздраженно и капризно и даже не могу четко сформулировать, почему: то ли дело в такой ответной реакции Гейба, то ли в интересе, с которым он смотрел на Элизабет, когда я подъехала к «Френч Роуст». Ревновать его — чистое безумие. Я даже не знаю, из-за чего ревную. Наверное, из-за того, что я какой-то ужасный зеленоглазый монстр, оберегающий единственного человека, который рад меня видеть после моего возвращения сюда. Или, возможно, из-за того, что его внимание мне нравилось в другом, более серьезном смысле. — Только быстро, — предупреждаю я его спустя минуту. — И не в пиццерии.

Гейб улыбается.

— Не в пиццерии, — говорит он.

Мы проходим квартал до «У Банчи», кафе с жирными бургерами в красных пластмассовых корзинках и громко звенящим в углу аппаратом с

клешней для вытаскивания игрушек — основной спрос у отдыхающих в городе семей.

— Могу я задать тебе вопрос? — начинаю я, как только мы делаем заказ. Сейчас половина первого, и в кафе шумно, дешевые столовые приборы стучат по белым тарелкам. Поет Лоретта Линн, на кухне перекрикиваются повара. Я делаю вдох. — Это, в принципе, не мое дело, и я ничего такого не думаю, но ты встречаешься с Элизабет Риз?

Гейб улыбается. Кажется, он удивлен, густые брови чуть выгибаются. У него самые-самые голубые глаза.

— Нет, — медленно отвечает он, на щеке появляется ямочка, про которую я забыла. Да, Гейб красив до безобразия. Так говорили все девчонки, но я никогда до определенного момента этого не замечала. — Я… *точно* не встречаюсь, нет. А что?

— Просто интересно. — Я увиливаю и откусываю бургер. Затем, проглотив, говорю: — Понимаешь, это во избежание дальнейшего скандала, которые следуют за мной, куда бы я ни пошла.

— Ага, — усмехается Гейб, — куда бы мы с тобой ни пошли, ты имеешь в виду?

Он едва заметно кивает за плечо: у зеркального окна собралась толпа подружек Джулии. Они смотрят на нас, словно мы — Бонни и Клайд,

только что ограбившие банк, и пистолеты еще дымятся в наших руках.

— Ага, — отвечаю я, по позвоночнику вновь взбирается вызывающая зуд волна стыда. Господи, что я вообще здесь делаю? Я съеживаюсь, представляя руку Гейба на моей обнаженной груди. Вспоминая его теплые губы на моих губах. Я думаю о выражении лица Патрика, когда он узнал про нас, словно предпочел бы тысячу лет одиночества, чем снова меня видеть, и отодвигаю тарелку.

— Не обращай на них внимания, — советует Гейб, меняя мою картошку фри на несколько своих луковых колец. Его загорелая рука касается моей, когда он тянется через стол за бутылкой кетчупа. А затем меняет тему. — Не знаю, чем ты занимаешься на этой неделе, но у моего приятеля вечеринка, если хочешь потусоваться, — говорит он мне настолько обыденно, что я на мгновение не могу понять, розыгрыш это или нет. — Познакомишься с новыми людьми.

— Не знаю, — снова осторожничаю я и морщусь от волны смеха, доносящейся от столика у окна — там сидит Микаэла из гостиницы и с ней две девочки, лица которых кажутся мне знакомыми. В этом городе необязательно знать меня, чтобы

ненавидеть. Я не хочу повторения того, что было до отъезда в Бристоль, когда при моем появлении в классе резко обрывались разговоры, а на зеркале в туалете ярким блеском писали: *«Молли Барлоу слаба на передок»*. — А в Стар-Лейк можно познакомиться с новыми людьми?

Гейб кивает — *справедливое замечание*.

— Возможно, нет, — признает он. На нем кепка и зеленая футболка пиццерии Доннелли, рыжие волосы на руках ловят льющийся внутрь солнечный свет. — Но есть и крутые ребята.

— О, да? — Выгибаю брови. — Вот как?

— Вот так. — Гейб улыбается. — Он живет прямо возле озера — можешь взять с собой купальник. Будет весело.

Я открываю рот, чтобы отказаться, но кто-то достаточно сильно пинает заднюю ножку моего стула, и я рукой подталкиваю стакан из «Френч Роуст». Хорошо, что он пустой, но оставшийся лед рассыпается по столу; я вскидываю голову и вижу Микаэлу, которая направляется к двери и машет мне, не поворачиваясь.

— Упс, — воркует она, вся такая сладкая, как пирог с песочной крошкой, приправленный ядом.

Осторожнее, хочется огрызнуться мне, но Микаэла уже выходит за дверь. Гейб ругается и

тянется за салфеткой, чтобы убрать лед. Я очень явно чувствую привкус железа, словно неосознанно прикусила язык.

Я унижена.

Но еще в ярости.

Закрываю глаза, а когда открываю их, Гейб пристально наблюдает за мной, будто готов уловить какой-то сигнал. Будто готов позволить мне вести. Я глубоко вдыхаю и выдыхаю.

— Так когда вечеринка? — спрашиваю я.

День 11

Телевизоры в номерах гостиницы — сплошь огромные монстры из 80-х, с торчащей антенной и ручками настройки по бокам, поэтому я утром прозваниваю магазины, чтобы приобрести к новым. Хотя выделенного Пенн для этого бюджета едва хватит на то, чтобы оплатить вынос старых. Я пытаюсь придумать наилучший способ заставить ее вообще отказаться от этой идеи (*Ближе к природе! Общайтесь с семьей подальше от сурового взгляда потребительства! У представителей городской богемы нет телевизоров, и у нас тоже!*), как вдруг вижу на пороге кабинета Дези, зависшую как привидение. Ее худое тело прижимается к раме из темного дерева. Понятия не имею, сколько она уже ждет. Я здесь больше недели, но так и не услышала от нее ни слова.

— Привет, Дез, — тихо и осторожно решаюсь сказать я, словно пытаясь не напугать олененка. Ее волосы заплетены в миллион косичек по всей голове, единственный звук, что она издает, — клацанье пластмассовых шариков. Она красивая. Глаза темные и огромные. — Маму ищешь?

Дези качает головой, но ничего не говорит. На ее футболке изображена Даша-путешественница. Малышка оттягивает подол, будто ей скучно или она расстроена, но я понятия не имею, что ей нужно.

— Хочешь порисовать? — снова пытаюсь я. Для этого на книжной полке лежит коробка с карандашами шестидесяти четырех цветов, а еще стопка учебных тетрадей и несколько настольных игр, но в ответ лишь тишина. Мы смотрим друг на друга. Я думаю. А потом тянусь к сумочке и, достав упаковку лакричных конфет, протягиваю ей угощение.

Дези улыбается.

День 12

Приятель Гейба Райан — знакомый его знакомого из колледжа и наследник трастового фонда лет двадцати с хвостиком. Он живет в, вероятно, нелегально установленном передвижном доме на дальней стороне озера. Гейбу пришлось остаться в пиццерии на вечерний наплыв посетителей, поэтому он пишет, что мы встретимся на вечеринке, и я специально опаздываю, чтобы не показаться раньше него. Около половины десятого паркую свой «Пассат», в воздухе повис запах ночной воды — мрачный и загадочный. На песчаном участке берега горит костер.

— Эй, — кричит Гейб и пробирается сквозь толпу, как только замечает меня. Он держит два красных стаканчика и, обняв в знак приветствия, протягивает мне один. Волнистые волосы прикрывают его уши, а на лице отражается то ли обеспокоенность, то ли что-то другое — мне сложно понять. Из маленьких колонок айпода играет какая-то бряцающая музыка, возможно, *Vampire Weekend*. — Ты это сделала.

— Сделала, — улыбаюсь, отметив удивление на

его лице. — Думал, я тебя кину?

Гейб пожимает плечами и, стукнув стаканчиком по моему, ухмыляется.

— Возможно.

— Ну, — я стараюсь говорить увереннее, чем чувствую себя, — вот я здесь.

Делаю большой глоток кислого пива. Здесь шумно, народу больше, чем я ожидала: девчонки в шортах и коротеньких майках, парни в шлепках. На старой двери, уложенной на двух козлах, играют в бирпонг.

Только я собираюсь спросить, откуда все эти люди, как какой-то парень без рубашки и в ковбойской шляпе, что кажется мне нелепым, кладет руку на плечо Гейба.

— Архангел Гавриил, — произносит он нараспев, как диджей на радиостанции. — Кто тут у тебя?

— Архангел Гавриил, серьезно? — фыркаю я и протягиваю руку. — Это… просто нечто.

— Самое смешное, что он на это откликается, — доброжелательно продолжает парень. — Я Райан, это мое пристанище. Идем, ребятки, там есть еда.

— Есть еда, — иронизирует Гейб, словно мы никак не можем отказаться от такого предло-

жения, поэтому идем за Райаном к грилю. Все мероприятие проходит подозрительно весело, через двор протянуты гирлянды, и с каждым дуновением ветерка доносится слабый запах травки. Гейб вкладывает руку в мою, чтобы я не потерялась, пока мы протискиваемся сквозь толпу, и я стараюсь не вздрогнуть от контакта. Его ладонь теплая и сухая.

Я ошибалась, полагая, что в Стар-Лейк не с кем знакомиться. Ребята здесь чуть постарше; когда я была в девятом классе, они учились в выпускном и разъехались по колледжам, когда «Дрейфующая» ударила по школе, словно ураган. Мы с Гейбом переспали, когда я была в десятом классе, летом он уехал в Нотр-Дам, и весь одиннадцатый класс я провела с Патриком, настолько сильно стараясь притворяться, что между мной и его братом ничего не было, что иногда забывала, что это произошло.

Кажется, здесь все знают Гейба, его зовут с разных сторон, все хотят заполучить его внимание. Он ведет меня сквозь толпу, положив руку на поясницу, и знакомит с длинноволосым парнем, изучающим в университете штата Пенсильвания садоводство, и девушкой по имени Келси с огромными тоннелями в ушах, которая работает

в городе в модном сувенирном магазине.

— Что будешь изучать? — спрашивает она, когда узнает, что я в конце лета еду в Бостон.

Я собираюсь объяснить ей, что пока не знаю, но Гейб по-дружески ударяет меня по руке и показывает, как Райан и парень, которого вроде бы зовут Стив, плещутся в озере, словно пара лунатиков.

— Что скажешь, Молли Барлоу? — спрашивает он, выгнув брови. Кажется, он выпил пива на пару банок больше меня. И сейчас похож на озорника. — Не хочешь присоединиться?

— Эм, нет, — отвечаю я, усмехнувшись. Даже если бы был хоть малейший шанс, что я стану щеголять в купальнике перед кучей незнакомцев в нынешнем состоянии, то я его не взяла. — Я пас, спасибо.

Гейб кивает.

— Уверена? — поддразнивает он и подходит ближе. — Может, тебе просто надо помочь?

Исключено.

— Даже не думай, — выдавливаю я и отступаю, хохотнув. Давно со мной никто не флиртовал.

— Прости, что такое? — спрашивает Гейб. — Я тебя не слышу. Кажется, ты попросила поднять тебя и сбросить с пирса.

— Я тебя убью, — предупреждаю я, но в этот

момент Келси говорит: «О-оу!», и Гейб приступает — подхватывает меня и перекидывает через плечо, будто я ничего не вешу. — Тебя ждет насильственная смерть! — обещаю я, но правда в том, что я едва могу говорить, так сильно смеюсь. Я чувствую запах дыма от костра и чистого хлопка от футболки Гейба, когда он идет к пирсу. Стив и Райан улюлюкают в озере, кто-то хлопает в ладоши. Я уверена, что все смотрят на нас. Странно то, что мне все равно. — И много боли!

— Прости, что? — спрашивает Гейб. — Я все еще тебя не слышу.

— Молотком! — заявляю я, колотя его по спине. Мне кажется, он этого не сделает, но все равно собираюсь шлепнуть его по заднице, когда он резко останавливается и ставит меня на ноги.

— Тебя напугал молоток, да? — говорю я, задыхаясь из-за смеха, волосы превратились в беспорядок и свисают на лицо. Но когда я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него, Гейб не смеется. Слежу за его взглядом и в этот момент замечаю, что в свете костра за нами наблюдает Тесс. Оранжевые искры взлетают в воздух.

И рядом с ней Патрик — *мой* Патрик.

Мы просто целую минуту смотрим друг на друга, разделенные песчаным, поросшим кустарни-

ками расстоянием, его серые глаза сосредоточены на моих. Он стал выше с тех пор, как я видела его в последний раз. На щеке ярко-фиолетовый синяк. Я открываю рот и снова закрываю, чувствуя себя так, будто оставила свое сердце где-то там, на обочине дороги, истекающее кровью и бьющееся. Грудь словно сжимается в огромный кулак.

Патрик переводит взгляд с меня на Гейба, затем обратно и слегка качает головой.

— Вы сейчас надо мной *прикалываетесь*? — спрашивает он. Выражение его лица до того, как он отворачивается, как бы говорит, что он увидел что-то отвратительное, например, разлагающийся труп или лужу блевотины.

Или меня.

Желание смыться оживает, точно какое-то взбесившееся животное кусает меня за пятки. Я как можно быстрее добираюсь до машины, стараясь не переходить на бег и не привлекать к себе еще больше внимания. Но в процессе подворачиваю лодыжку и спотыкаюсь, кое-как удерживая равновесие. Мне хочется лишь убраться отсюда и больше ни с кем не разговаривать. В какой-то момент вспоминаю, что была в толстовке; не знаю, что с ней произошло. Снова и снова нажимаю на кнопку открытия дверей, и в этот момент меня

догоняет Гейб.

— Молли, — говорит он, хватает за руку и разворачивает к себе лицом. Он очень взволнован. — Эй, подожди.

— Ты прикалываешься? — смотрю на него, разинув рот и неосознанно повторяя слова его брата — поверить не могу в то, что сейчас здесь произошло. Как можно было так беспечно попасться в ловушку? Чувствую себя идиоткой. Чувствую себя той, кем меня, вероятно, называют. Грязной шлюхой. — Ты думаешь, что я останусь здесь еще хоть на секунду?

Гейб делает шаг назад, точно подозревает, что я сейчас вырву ему горло.

— Хорошо, — говорит он, вскинув обе руки в знак капитуляции. — Это было плохо. Но послушай меня секундочку, ладно?

— Угу, — выдавливаю я, тяжело дыша. Неровный край ключей впивается в ладонь. — Это все как-то подозрительно. Ты знал, что он здесь, явно это знал, и просто… ты подставил меня, Гейб. Я не понимаю, почему…

— Я тебя не подставлял, — говорит он, качая головой. Кажется, ему обидно, что я так о нем думаю. — Молли, эй, прекрати, это же я. Я бы так не поступил. Я знал, что он дома, но не думал, что

покажется здесь. И я знал, что если скажу тебе, то ты вообще не выйдешь.

— Ты прав, — отрешенно говорю ему. — Не вышла бы.

— Но я этого хотел.

— Потому *соврал*? — Что-то здесь определенно не так. Я вдруг вспоминаю, что Патрик все время на это жаловался — что Гейб представляет из себя самого милого парня на свете, пока получает, что хочет. И мне не нравится, что это затронуло меня. — Ты хотел, чтобы я пришла, поэтому соврал?

Лоб Гейба морщится.

— Я не врал, — спорит он. — Клянусь, я собирался сказать тебе в конце вечера. Просто… Мы хорошо проводили время, ты хорошо проводила время, и я знал…

— Да. — Я перебиваю его и обхватываю себя руками, в данный момент чуть больше беспокоясь из-за отсутствия толстовки, так как ощущаю себя до смешного обнаженной. — Какое-то ерундовое оправдание, Гейб.

Парень выдыхает и трет шею сзади.

— Ты права, — говорит он через минуту. Сквозь деревья до нас доносятся шум вечеринки, смех. — Ладно. Ты права. Я облажался. Мне очень жаль.

Было глупо с моей стороны. Слушай, почему бы нам не свалить отсюда, не попить кофе? Я даже не знаю, что сейчас открыто, но позволь мне загладить свою вину.

Я качаю головой, обнимая себя чуть сильнее. Продолжаю представлять отразившееся на лице Патрика отвращение.

— Я просто хочу уехать, — тихо говорю ему. — С меня хватит на сегодня, ясно?

Гейб снова выдыхает, но не спорит.

— Напиши, когда будешь дома, — вот и все его слова. А я не говорю ему, что без понятия, где вообще находится это место.

День 13

Я пополняю свой запас лакричных конфет и, благодаря документальному фильму Кена Бернса про Гражданскую войну, весь следующий день познаю подробности похода генерала Шермана к морю, одетая в спортивные штаны и кофту с длинным рукавом, хотя на улице двадцать градусов. Я даже добираюсь до 1864 года и только потом выхожу пописать. До отъезда в Бристоль я никогда не увлекалась документальными фильмами, но моя соседка по комнате, напоминающая хорька брюнетка по имени Карла, которая развесила вокруг своей кровати простынь, чтобы скрыть, чем занимается, на удивление щедро поделилась своим паролем на Netflix. Вероятно, она думала, это убережет меня от какого-нибудь безумия типа завести с ней разговор. Тогда я начала прокладывать свой путь сквозь хор убаюкивающих, в основном британских, рассказчиков, излагающих тонкости различных пугающих и странных событий, как природных, так и нет: Аляскинский пограничный рубеж, Стив Джобс, Арийское братство. Знание немного напоминало

силу. Казалось способом сохранить контроль.

Сегодня я жду удаляющегося по гравию шороха шин маминой машины и только потом крадусь вниз за тостом с авокадо. После приезда сюда я питалась в основном кукурузным сиропом и сладким. Чувствую, как на щеке расцветает прыщ. Вожусь с модной кофеваркой и смотрю в окно на двор, пока она плюется на гранитную стойку. Оскар шумно вздыхает, лежа на черно-белом плиточном полу. Бывало, когда я находилась не в духе, Патрик рассказывал дурацкие шутки, пока я не приходила в себя. *«Что сказал бизон, когда подвез своего ребенка в школу?» («Пока, сын»*[1]) и «*Зеленое и с колесиками?» («Трава, я соврал про колесики»).*

Вспоминаю его лицо, когда он впервые меня поцеловал. Вспоминаю его лицо, когда он увидел меня прошлым вечером. Беру кофе и тост, забираюсь под одеяло в обнимку с ноутбуком и стараюсь вообще ни о чем не думать.

---

[1] Примечания: 1
Игра слов: Bye, son и Bison (бизон).

День 14

Не уверена, работает ли Патрик после своего возвращения в Стар-Лейк в магазине, но не могу выкинуть из головы мысль, что должна его увидеть. Поэтому на следующий день обнаруживаю его за древней кассой, как и два года назад, оформляющего три больших пирога с дополнительной порцией сыра для дамы среднего возраста.

«Пиццерия Доннелли» втиснулась между грязной прачечной и обувным магазином на главной улице и находится там, сколько я себя помню: Конни и Чак влюбились еще в школе и открыли магазин через год после свадьбы. Чак всегда мечтал владеть пиццерией, а Конни, ее девичья фамилия — Чиаволелла, научила его готовить. Здание довольно неухоженное, большое зеркальное окно красуется витиеватыми желтыми буквами, а крыша — непрокрашенной деревянной черепицей. На стене возле туалетов висит, вероятно, единственный в штате Нью-Йорк работающий таксофон. Все столы укрыты красно-белыми прорезиненными скатертями. Стены украшают фотоколлажи спортивных команд из

школьной газеты.

Патрик замечает меня не сразу. Он склонился над кассой, и волнистые волосы падают ему на глаза. Когда мы были в первом и втором классах, девчонки все время пытались до них дотронуться. Патрика это бесило.

Я смотрю на него с секунду. Если не считать вчерашнюю вечеринку, после той статьи в «Пипл» мы ни разу не оказывались в одном месте. Это Джулия показала ему статью — она любит все, связанное со знаменитостями, по крайней мере, любила. Она оформила подписку на «Пипл», «Ю-эс Уикли» и «Лайф&Стайл» и придерживалась строгих убеждений касательно достоверности информации. Тем утром я проснулась под четырнадцать пропущенных от нее, а еще серию сообщений, приправленных таким количеством неверия, злости и многочисленных «какого черта», что пришлось перечитать их дважды, чтобы понять, какого черта произошло.

А произошло то, что меня наконец-то поймали.

Позже тем днем показался Патрик с выдернутой из журнала Джулии страницей с неровными и рваными краями. Посреди фотографии моей мамы в ее кабинете пролегала складка, прямо по

центру ее лица.

— Это правда? — тихим голосом спросил меня Патрик. «Бронко» работал на холостых на подъездной дорожке у нашего дома. Шел дождь, холодная изморось. Выхлопная труба испускала дым в сырой серый воздух.

— Так, — ответила я дрожащим голосом, подняв руки, чтобы успокоить его. Я видела статью утром и весь день пряталась в комнате. Знала, что грядет. Мне стоило первой к нему прийти и столкнуться с неизбежным. Но я вместо этого струсила и заставила его прийти ко мне. — Так, мы можем просто…

— Молс. — Патрик выглядел растерзанным, словно внутри него взорвался снаряд со шрапнелью. Как человек, вернувшийся домой и обнаруживший на его месте кратер. — Я спросил, это правда? Ты… — Он растерянно потряс темными волнистыми волосами. — В смысле, с *моим братом*?

— Ты должен меня выслушать, — сказала я вместо ответа. — Выслушаешь?

— Я слушаю. — Голос Патрика уже опасно равнодушный, словно где-то в глубине души он знал, что последует, и хотел к этому подготовиться. Его глаза стали цвета стали. — Да или нет, Молс?

— Патрик, — сказала я и даже не смогла ему ответить. — Пожалуйста.

Тогда Патрик отступил на шаг, будто я ударила его. На его ресницах и волосах собирались капли дождя.

— Ладно, — медленно сказал он, а потом быстро рявкнул: — Мне нужно… да. Мне нужно свалить отсюда.

— Патрик, — снова сказала я и, схватив его за руку, попыталась остановить, но он стряхнул ее и быстро залез в машину, нажал на газ и сорвался с места, как человек, который не собирался так надолго задерживаться. Я стояла на лужайке под дождем и смотрела, как он исчезал вдали. Мое сердце и история унеслись прочь.

Теперь я жду, задержав дыхание, когда он увидит меня, и ищу на полках под стойкой лакричные конфеты. Конни специально заказывала их, потому что знала о моей одержимости, но их нет в том месте, где они раньше лежали, — между желейными конфетами и батончиками «Марс». Я изучаю взглядом, что же еще здесь изменилось, и в тот момент, когда дама забирает коробку с пиццей и уходит, остаемся лишь мы вдвоем, я и Патрик. Мы смотрим друг на друга, словно находимся на противоположных сторонах озера.

— Привет, — хрипло говорю я, будто не разговаривала с самой вечеринки. — Слышал какие-нибудь слухи?

Патрик не улыбается, просто качает головой и тянется под стойку за новым мотком кассовой ленты. Он вообще не разговаривал со мной после выхода статьи, даже не приближался, и именно ужасающее одиночество после его потери сподвигло меня сбежать в Бристоль, а не грубость других людей.

— Чего тебе, Молли? — спрашивает он, открывает аппарат и вставляет ленту. Синяк под глазом почти исчез, стал желтовато-зеленым.

— Что случилось? — спрашиваю я вместо ответа, засовываю руки в карманы шортов и делаю полшага вперед.

Патрик пожимает плечами, закончив возиться с лентой, захлопывает крышку и отрывает разноцветный кончик.

— Ударил кое-кого, — безэмоционально произносит он. — А потом получил в ответ.

Меня это удивляет: Патрик ни разу в жизни не ввязывался в драки. Конни и Чак постоянно твердили о разрешении конфликтов без применения насилия. И заставляли нас решать споры, используя куколки ручной работы.

— Ты поэтому вернулся домой? — спрашиваю я.

— Ага, — отвечает Патрик без пояснений, — поэтому.

— Понятно. — Киваю и задаюсь вопросом, кем же он теперь стал, раз бросает то, о чем так долго мечтал, словно это какой-то пустяк. Интересно, это я его таким сделала? — Слушай, Патрик. Я просто… между мной и Гейбом ничего нет, ясно? Я лишь хотела, чтобы ты это знал. Я вернулась домой на лето, влачила жалкое существование, и он пригласил меня на эту вечеринку, но это не… Мы не…

Замолкаю, не зная, как продолжить. Когда нам было двенадцать и тринадцать, Патрик всегда говорил о серьезном, сидя спиной к спине, будто легче, когда не смотришь друг на друга. Интересно, что случилось бы, попроси я о таком сейчас.

Но он поднимает руку, чтобы остановить меня.

— Слушай, Молс, — говорит он, в точности повторяя мой тон. Это прозвище он дал мне еще в детстве, в садике, так же меня называл его папа. — Дело вот в чем: можешь развратничать с моим братом хоть каждый день, если хочешь. Мне все равно.

Отступаю, будто в этот раз меня ударил Патрик

и завтра утром я проснусь с заплывшими глазами. Все тело колет, и меня бросает в пот. Патрик спокоен, как удав, и переключается на вошедшую молодую семью с таким натренированным безразличием, словно я его вообще не прерывала. Словно меня вообще здесь не было.

День 15

— Уже закончила на сегодня? — спрашивает Пенн в конце рабочего дня. Дети бредут вслед за ней по коридору для сотрудников к выходу, ведущему на боковую парковку. Фабиан дважды в неделю и днем в субботу занимается каратэ и шагает по линолеуму в безупречно белом кимоно. Дези тихо следует за ним, крошечная ручка вложена в мамину.

— Все сделано, — говорю ей, набирая комбинацию цифр на шкафчике — одном из тех, что установлены в коридоре. Они небольшие, как в спортзалах и на катках, туда влезают моя холщовая сумка и экстренный запас лакричных конфет, и больше ничего.

— Есть успехи с телевизорами?

— Пока нет, — качаю головой, — но я над этим работаю. О, еще, помните, что у вас завтра встреча с тем парнем из… — Внезапно замолкаю и смотрю на содержимое шкафчика. Влезает сумка и больше ничего, да… и это «больше ничего» в данный момент — длинная полоска из десятка презервативов, которые я точно не могла сюда

положить.

Пенн останавливается в нескольких шагах от меня и вопросительно смотрит.

— Встреча с тем парнем из… — напоминает она.

— О! Эм, — говорю я, засовывая презервативы в сумочку, затем достаю ее, молясь, чтобы Пенн — или, не дай бог, дети — не увидела их мельком. Смотрю на щели на дверце: они достаточно широкие, чтобы просунуть в них пакетик из фольги. — Со стекольщиком, насчет разбитых окон на втором этаже. Вчера днем я подтвердила встречу.

— Умница, — говорит Пенн, все еще с сомнением глядя на меня. А потом: — Ты идешь?

— Ага, — выдавливаю я. Фабиан наваливается на дверь, солнечный свет заливает коридор. — Идем.

Я машу на прощание Пенн и детям и иду к машине. Она прячется под сосной, под которой я оставила ее утром, только теперь на ее боку красуется длинная рваная царапина.

Кто-то хорошенько прочертил ключом по водительской двери, оставив глубокую белую борозду. Точнее, не кто-то.

Это все Джулия.

– *Черт* побери, — громко говорю и так сильно ударяю ладонью по окну, что загружающиеся в похожую на космический корабль машину Пенн и дети тревожно вскидывают головы.

— Ты выругалась, — довольно кричит с заднего сиденья Фабиан, размахивая ногами в кроссовках. Пенн нажимает на пульт и запирает детей внутри.

— Потеряла ключи? — кричит она и идет через парковку в мою сторону. — Молли?

— Нет, просто… — пристыженно и смущенно качаю головой. Не хочу, чтобы она подходила ближе. Мне претит мысль, что Пенн это увидит, словно по куче презервативов и царапине на машине сможет узнать всю грязную историю.

В итоге, скорее всего, именно выражение моего лица, а не царапина выдает меня.

— Ого, — говорит Пенн, переводя взгляд с меня на нее и обратно. — Молли. Ты знаешь, кто это сделал?

Я вдруг думаю о руках Джулии, об узловатых костяшках, которые она ненавидит, и о неоновом маникюре, ярко-розовом или ярко-желтом. Ей нравилось красить мои ногти. Помню повисший в воздухе ее комнаты химический запах лака — тогда в доме Доннелли еще действовало правило,

что я могу ночевать у них, если сплю с Джулией. Мы вдвоем ложились валетом, и ее ледяные лодыжки касались моей руки.

— О господи, этого матраса мало для нас обеих, — пожаловалась она однажды ночью, когда перекатилась на бок и треснулась локтем о тумбочку. Бутылочки с лаком протестующе загремели. Джулия выругалась.

— Я предлагала сходить за спальником! — оправдалась я.

Джулия демонстративно вздохнула.

— Нет, все в порядке, — сказала она, а потом состроила рожицу, давая мне понять, что вовсе не злится. — Давай быстрее выходи за моего брата, чтобы толкать его, хорошо?

Я выгнула брови, удивившись таким словам. Мы с Патриком даже не обсуждали это. Вероятно, оба слишком боялись.

— О, так вот каков план? — поддразнила я.

— Таков план, — подтвердила Джулия и вытянула руки над головой, коснувшись пальцами изголовья. — Вы подарите мне миллион племянниц и племянников и шокируете всех рассказом о том, что познакомились еще в утробе, и это будет одновременно и тошнотворно, и мило. Конец.

Я фыркнула.

— Что? — Джулия приподнялась на локтях и уставилась на меня в темноте, ее голос стал подозрительно серьезным. — Ты думаешь, этого не случится?

Джулия была забавной. Отчасти взрывоопасная, отчасти — безнадежный романтик, но до этого момента я не думала, что она говорит всерьез. *Конечно*, я размышляла о долгосрочных отношениях с Патриком. Мы уже долго встречались.

— Нет, я этого не говорила, просто…

— Расслабься, чудачка, — улыбнулась Джулия, плюхнулась обратно на подушки и накинула одеяло на плечи. Ее волосы, точно сине-черный шторм, рассыпались по матрасу. — У меня нет для вас жуткой папки с вырезками из свадебных журналов. Просто я рада, что ты есть у Патрика, вот и все. Я рада, что вы есть друг у друга.

Я подумала о поцелуе на ночь за ушком, который подарил мне Патрик несколько минут назад. О том, что он дышит по другую сторону стены. Прошел почти год после смерти Чака, и их желание держать все в себе почти сошло на нет.

— Я тоже рада, что мы есть друг у друга, — сказала я.

— Отлично. — Она похлопала меня по голени

через одеяло. — Только постарайся не разбудить меня, когда будешь выбираться из комнаты.

— Ох, *ужас*! — Я хихикала, и Джулия тоже; последним, что я запомнила перед тем, как заснуть, был ее смех.

— Молли? — Пенн все еще с любопытством наблюдает за мной, будто знает, что здесь замешано нечто большее. — Эй. Ты в порядке?

Я уверенно киваю — впервые солгала ей. Но вижу, что она не купилась.

— Это всего лишь случайность, — говорю я, смаргивая щипание в глазах и носу. — Некого винить, кроме себя.

День 16

Следующим утром, на обратном пути с пробежки, захожу во «Френч Роуст» — неловко это или нет, но мне нужно с кем-то обсудить, что здесь происходит. И Имоджен, пожалуй, единственная во всем Стар-Лейк, кто не аплодировала тайком Джулии за ее издевательства. Я полностью намерена сдаться ей на милость, но, когда врываюсь в кофейню, она отдыхает за одним из длинных деревянных столов, сидя напротив Тесс и разложив на столе карты Таро в форме кельтского креста.

Первый порыв — развернуться и выйти, кожа нагревается под футболкой. Я не видела Тесс с той вечеринки, с которой сбежала так быстро, будто мои волосы пылали. Наши смены практически не пересекаются и не будут до открытия гостиницы, а когда я замечала утром ее имя в расписании, то весь день пряталась в кабинете, точно политический диссидент в посольстве, ищущий убежища. Хуже встречи взглядами с Патриком была только возможность увидеть его с новой девушкой. Тесс — живое, дышащее доказательство того, что я не могу починить сломанное.

— Привет, Молли, — кричит Тесс прежде, чем я успеваю сбежать. Очевидно, ее манеры куда лучше моих. На ней большие очки в пятнистой оправе, и она ковыряет фруктовый салат, глядя на карты, которые переворачивает Имоджен.

Та виновато поднимает голову при моем приближении и машет. Помню, как она сказала: «*Я теперь особо этим не занимаюсь*». Она имела в виду, что не занимается этим для меня.

— Привет, девочки.

Жалко улыбаюсь, смотрю на выложенные на столе старшие арканы — справедливость и суд, умеренность и сила — и гадаю, на какой вопрос Тесс получила ответ, есть ли то, в чем она не уверена. Интересно, какие у них с Патриком отношения, рассказывает ли он ей дурацкие шутки, когда она тревожится. Укладывает ли он ее спать, когда ей снится плохой сон. Ощущаю знакомую боль в груди, словно мышца, которая зажила неправильно, снова порвалась. *Он двинулся дальше*, молча напоминаю я себе. Все двинулись дальше.

Кроме меня.

У Патрика теперь новая девушка. У Имоджен новая лучшая подруга. Бристоль должен был стать великим новым стартом, но реальность

такова, что там я тоже была привидением. Я затаилась. Делала домашнее задание. Была замкнута. Я считала проведенное в частной школе время тюремным заключением, и по большей части оно мне подходило.

Но сейчас, проведя дома две недели, я понимаю, что все еще отбываю срок.

— Могу после этого и тебе разложить, — предлагает Имоджен, перевернув четверку кубков и положив ее на стол. Вероятно, это оливковая ветвь, но я слишком истощена и обижена, чтобы взять ее. Качаю головой и поднимаю кошелек. С опозданием понимаю, что ничего не расскажу ей про Джулию. Мне здесь совершенно не с кем поговорить.

— Мне пора бежать, — говорю ей, желая снять нас обеих с крючка — я потеряла ее, была беспечна, как и потеряла все, что у меня было. Тут и карты не нужны, чтобы это понять. Я уже осознаю, что я — дура.

День 17

На следующий день Гейб приходит в гостиницу с двумя стаканами кофе и моей толстовкой, оставленной на вечеринке.

— Держи, Золушка, — говорит он. Фабиан, убежавший в кабинет Пенн, чтобы радостно объявить о приходе ко мне парня, в открытую подглядывает за нами из-за обитого парчой дивана в лобби.

— Золушка потеряла туфельку, — сообщаю Гейбу, разворачиваю Фабиана за плечи и отправляю его найти сестру, подтолкнув между лопаток. — А не грязную толстовку для бега, полученную в девятом классе.

Гейб улыбается.

— Спасибо, но я знаком со сказкой.

— Спасибо *тебе*, — исправляю я, — что забрал ее и все такое.

Занимаю себя пластиковой крышкой на стакане, дольше нужного возвращая ее на место. Знаю, нет никаких причин смущаться Гейба — если я шлюха, то и он тоже, верно? — но вся жизненная сила, сподвигшая меня согласиться

прийти на вечеринку, как будто стерлась под напором произошедшего за последние дни. Во мне словно совсем не осталось сил бороться. Думаю, никто не подкидывал презервативы в шкафчик Гейба.

— Эй, ты чего? — Гейб, точно прочитав мои мысли, делает шаг ко мне и наклоняется, чтобы поймать взгляд. — Мы в одной лодке, помнишь? Ты и я. — Он трет шею и качает головой. — Слушай, знаю, тебя завалило дерьмом, когда все стало известно, и мне стоило сказать все намного раньше. Отстойно, что я этого не сделал. Но ты и я этим летом и в любое время — мы в одной лодке.

Я улыбаюсь, сама того не желая, и довольно краснею. Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз кто-то находился со мной в одной лодке, но не получается. Возможно, на треке.

— Правда? — поддразниваю я, губы кривятся. — Партнеры в стыде и унижении?

— Именно. — Гейб легко смеется. Не могу понять, то ли с него всякая беда, как с гуся вода, то ли он родился политиком, мастером закручивания сюжета и пиара. Патрик никогда таким не был: все его чувства всегда отражаются на лице, как знак на трассе, никаких секретов. Это мне нравится в нем больше всего, точнее, нравилось.

— Слушай, — говорит Гейб, устроившись на краю дивана, словно тусуется здесь каждый день. — Будучи грязными испорченными подлецами, как насчет сбежать отсюда? Куда-нибудь прокатиться?

– *Гейб*. — Качаю головой, хотя все еще улыбаюсь ему, и эта улыбка мне все больше кажется не просто дружеской. Сейчас мне хочется сказать «да», равно как и отказаться. — Я работаю.

Гейб выгибает брови.

— Иногда же надо делать перерыв, верно?

— Я… да. — Менее, чем через час, но все не так просто. Не может все быть так просто, вот и все. — Твоя семья меня ненавидит, — напоминаю ему. — Если мы оказываемся друг к другу ближе, чем на пятьдесят шагов, — это катастрофа. Думаю, весь Стар-Лейк совершенно не против того, чтобы я оставалась в своей комнате и все лето смотрела документальные фильмы. В смысле, я жду не дождусь фильма про фермеров, выращивающих огромные тыквы ради денежных призов, поэтому…

— Так что? — Гейб терпеливо смотрит на меня, как человек, готовый подождать. В лобби тихо, солнце льется в недавно протертые французские двери в дальнем конце, на полке высокого ками-

на вновь расставлены пышные растения. — Что думаешь?

Я громко выдыхаю вместо ответа.

– *Почему*?

Гейб смеется.

— Потому что ты мне нравишься. Ты всегда мне нравилась, а теперь ты — социальный изгой, значит, свободна.

Я фыркаю.

— Это грубо, — ругаюсь я, игнорируя комплимент. Игнорируя «всегда» и все, что это может означать. — А что случилось с «мы в одной лодке»?

— Я тоже социальный изгой! — сразу восклицает Гейб, что звучит абсурдно, но и почему-то подкупающе. Он широко и довольно улыбается, когда я начинаю хохотать. — Идем, — говорит он, словно чувствует, что я сдалась. — Никто не увидит, можешь пригнуться на сиденье, пока не доберемся до шоссе. Замаскируйся.

— Очками с приделанным носом, — предлагаю я, качаю головой и улыбаюсь. *К черту все*, говорит тихий голос в моей голове — тот же голос, что, возможно, посоветовал сходить на вечеринку. В этом городе почти все меня ненавидят или относятся ко мне с равнодушием. Все, кроме… — *Гейб*.

– *Молли*, — говорит он, в точности повторяя мой тон, — доверься мне.

И… я доверяюсь.

Мы едем час до Мартинвейла с открытыми окнами, впуская внутрь ветер; ощущение избавления от старого бодрит.

— Значит биология, да? — спрашиваю его, тянусь через центральную консоль и коротким ногтем щелкаю по брелоку Нотр-Дама, болтающемуся из зажигания. Я думала, поездка получится напряженной или полной неловкости. Но все отлично. — Кем будешь, безумным ученым или вроде того?

— Ага, именно. — Гейб отпускает руль и разводит руки, словно монстр Франкенштейна, его теплое плечо при этом натыкается на мое. — Буду заниматься секс-роботами. И секретными экспериментами над ящерицами. — А потом продолжает, пока я смеюсь: — Нет. Я посещаю подготовительные медицинские курсы.

— Серьезно? — Это почему-то меня удивляет. Я всегда считала Джулию мозгом семьи Доннелли. У Гейба имелся характер. У Патрика душа. — Курсы какого рода?

— Кардиологические, — тут же отвечает он, затем выдыхает и качает головой. — Наверное,

причина немного банальна и очевидна, да? «Дамы и господа, отец этого пацана умер от сердечного приступа, посмотрите, как он работает над своими проблемами самым очевидным в мире способом».

Никогда не слышала, чтобы Гейб говорил о папе. Не знаю, почему-то считала смерть Чака скорее потерей Патрика, чем кого-либо другого. Наверное, потому, что больше чувствовала ее от него, потому что Патрик был моим любимым Доннелли, и где-то глубоко в подсознании я считала его и любимчиком Чака. Вот что было самым замечательным в Чаке, вот почему на его похороны пришли шестьсот человек: все считали себя его любимчиками. Вот таким он был человеком.

— Не самым очевидным, — говорю я Гейбу, склонив голову, чтобы посмотреть на него. Солнце отбрасывает пятна на кожу его щек и лба. Его нос очень прямой. — Самым очевидным было бы присоединиться к группе.

Он смеется.

— Это верно, — признает он и включает поворотник, чтобы свернуть с дороги. — Нет ничего хуже.

Мы обедаем в бургерной быстрого обслуживания не так далеко от выезда — в пакетиках из

вощеной бумаги полно картошки фри, а в высокие пластиковые стаканы налит чай со льдом. Пока ем, меня одолевает застенчивость, когда я смотрю на широкие белые бедра, торчащие из-под шортов. Бегаю я или нет, но бекон в бургере, возможно, никак не способствует похудению.

— Какие новости? — спрашивает Гейб, подтолкнув меня в плечо — так говорила его мама, имея в виду: *о чем думаешь?* Качаю головой и сминаю пакетик от картошки в маленький шарик.

— Твоя сестра поцарапала мою машину ключом, — признаюсь я.

Гейб смотрит на меня, открыв рот.

— Подожди, что? — спрашивает он, голубые глаза становятся огромными. Мы сидим на открытом багажнике его машины, ноги болтаются над бампером, но он вдруг соскакивает. — Господи, Молли. Когда?

— На работе, — бормочу я, снова опуская взгляд на колени и прячась за занавесом длинных волнистых волос. Я никому не рассказывала об этом и, признавшись Гейбу, словно сорвала пластырь: чувствую себя хорошо и одновременно крайне отвратительно. Не понимаю, как стала таким человеком, одной из тех девчонок, что вечно купаются в драме. Человеком, романтический

мусор которого в буквальном смысле переполняет целую книгу. Два года назад разобраться в себе мне помогал Патрик. Теперь приходится делать это самой.

И Гейб здесь совсем не помощник: когда я выглядываю из-за водопада своих волос, на его лице отражается злость, но она точно направлена не на меня.

— Слушай, — говорит он, — я с ней разберусь, хорошо? Это же… это реальное дерьмо. Джулии иногда все сходит с рук. И я в последнее время пытался не давить на нее из-за… — Гейб замолкает и качает головой. — Неважно. Я с ней разберусь.

— Нет, нет, нет, — протестую я, тоже спрыгивая с багажника. Господи, станет только хуже, если в это ввяжется Гейб. Наверное, это логично, а может, и нет, но с тем, что происходит между мной и Джулией — между мной и Патриком, между мной и Гейбом, надо справиться мне самой. — Все в порядке, — вру я, желая этого ради нашего же блага. Тянусь и касаюсь его теплой руки под локтем. — Правда, не надо. Я с этим разберусь.

Гейб закатывает глаза, но не спорит. Мне это нравится — что он, кажется, доверился мне. Что не пытается убедить, будто ему лучше знать. Я прослеживаю за его взглядом до деревьев; он

припарковал машину багажником к лесу, к широкому пространству непрерывной зелени. Я уже забыла, как скучала по этому, находясь в Темпе.

— Ладно, — говорит он, отводит руку назад и, прикоснувшись к моей и сжав ее, отпускает. Моя рука гудит до самого сгиба, как будто я ударилась локтевой костью. — Но я… Я знаю, что с момента возвращения сюда твоя жизнь стала сплошным балаганом. И понимаю, что это во многом моя вина.

Я качаю головой и готовлюсь не согласиться.

— Все не так…

Гейб кривится.

— Так и есть, — говорит он.

Я на мгновение вспоминаю, как его теплый рот касался моего. И понимаю, что с Гейбом чувствую себя в безопасности, словно его универсал — машина для бегства, и мы ночью отправимся к границе. Довольно заманчивая идея.

— Хорошо, — наконец соглашаюсь я. — Так и есть.

— В одной лодке, помнишь? — Гейб пожимает плечами, солнце играет на более светлых, каштаново-янтарных, прядях его волос. Он садится на багажник «Вольво», снимает несколько волосинок собачьей шерсти и бросает их на землю. — Я

не сделаю ничего, что тебе не по душе, это твое родео, но… в одной лодке.

— Мое родео? — Я сажусь рядом, упираюсь на руки за спиной и поворачиваюсь к нему. — Хорошо.

— Хорошо, — повторяет Гейб. Затем тоже отводит руки за спину. Его мизинец касается моего. Я оглядываюсь и смотрю на наши соседствующие руки, мои обкусанные кутикулы и светлые волоски на его запястьях. Представляю, что он повзрослел и окончил медицинские курсы, и вот на операционном столе лежат пациенты, и он засовывает руку в их грудные клетки и чинит их разбитые сердца.

День 18

Гостиница открывается через несколько дней, и Пенн пашет на всю катушку: этим утром она заставила нас с Дези чистить ватными палочками детали лепнины, затем прервала нас на полпути, чтобы мы опробовали на кухне три разных кетчупа. Я вымотана, руки и плечи словно выжали. Я так устала, что машу в ответ заносчивой Микаэле, когда иду по коридору к табельным часам, но она разворачивает руку и вместо этого показывает неприличный жест.

— Доброй ночи, сучка, — произносит она нараспев, дверь за ее спиной захлопывается.

— Здорово, — бормочу я и закатываю глаза, хотя чувствую, как к лицу приливает знакомый жар стыда. Мне хочется поехать домой и завалиться спать, ни с кем больше не разговаривая, но, забрав из шкафчика сумку и направившись к выходу, вижу Тесс, которая отмечает карту.

— Тяжелый денек? — спрашивает она, хотя сама выглядит довольно утомленной — могу только представить, чем она сегодня занималась в бассейне, может, терла зубной щеткой

плиточные швы или типа того. На Тесс шорты и футболка гостиницы со старым логотипом, которую, наверное, она откопала где-то в отеле. Волосы убраны в спутанный пучок на макушке. Она не похожа на супермодель, не настолько высокая или необычайно привлекательная. Оттого ее сложнее ненавидеть.

— Тяжелый денек, — повторяю я, отмечаю карту и возвращаю ее в соответствующую прорезь. Табельные часы были сделаны еще в шестидесятых. Я поднимаю руку, чтобы помахать на прощание, чувствуя себя рядом с ней неловко, но Тесс тоже поднимает руку, поэтому я останавливаюсь.

— Слушай, Молли, — говорит она, передергивая широкими спортивными плечами. В руке держит наполовину съеденный персик. — Я, наверное, просто хотела сказать… — Она замолкает. — Господи, это так неловко. Это очень неловко, правда?

Я улыбаюсь.

— Немного, — признаюсь.

— Хорошо, — говорит Тесс. — Ну, мы в этом деле вместе, так что начну без прелюдий. Я лишь хотела сказать, я ощущаю, что между нами происходит что-то странное, но так как мы вместе

работаем и после открытия будем постоянно видеться, что бы ни случилось до моего переезда сюда, ты не делала мне ничего плохого, понимаешь? И хотя… — Она снова замолкает и морщит нос. — Надеюсь, у тебя ко мне такое же отношение.

Сейчас я чувствую себя невероятно благодарной и неожиданно выросшей на пять сантиметров.

— Я думала, ты меня *ненавидишь*, — выпаливаю я и смотрю на нее, моргая под ярким освещением служебного коридора. — В смысле, из-за…

— Я читала книгу, — признается Тесс. — И я имею в виду, Патрик рассказал мне…

Я перебиваю ее кивком.

— Да…

— Но я точно не ненавижу тебя. Честно говоря, я немного тебя боялась.

— Серьезно? — Не верю своим ушам. — Почему? У меня нет друзей! Ты разве не заметила, что у меня нет друзей?

— У тебя есть Гейб, — отмечает Тесс. А потом как будто понимает, что использовала не самый лучший пример. — И ты любимица Пенн. Просто, не знаю, ты уже давно знаешь этих парней, Имоджен…

— Все совсем не так. — Я качаю головой. — Как

бы раньше ни было, сейчас все совсем не так.

— Ну, неважно. — Тесс улыбается, затем доедает персик и кидает косточку в мусорную корзину. — Значит, у нас все хорошо? Я не хотела все чертово лето заниматься такой ерундой, как в «Дрянных девчонках», я так никогда не поступаю. У нас все хорошо?

— Все *хорошо*, — говорю ей и искренне улыбаюсь. Даже если Патрик будет ненавидеть меня до конца жизни, я рада, что у него есть Тесс. — Да, у нас все хорошо.

День 19

В столетнем театре Силвертона устраивают «Лето Спилберга», и ухмылка Гейба на падающем с козырька свету кажется яркой и кривоватой.

— О, я тебе кое-что принес, — говорит он, пока мы идем по парковке, роется в кармане шортов и достает пластмассовые очки с приделанными к ним носом и пушистыми синтетическими усами. — Чтобы не обнаружили.

Я громко смеюсь, когда мы заходим в лобби, и забираю их. Кончики его пальцев касаются моих.

— А ты смешной, — говорю ему. — Теперь меня никто не заметит.

— Никто. — Гейб усмехается и тянется за кошельком, когда мы подходим к кассе. — Я заплачу, — легко произносит он и отмахивается от моей попытки заплатить.

— Уверен? — спрашиваю я, повесив маскировку на ворот футболки. До этого момента мы платили каждый за себя, даже когда делали что-то вместе — обедали в «У Банчи» или ели хот-доги в первый вечер. И я не понимаю, что стоит за сменой пра-

вил. *Это не свидание*, твердила я себе во время подготовки к вечеру, но нанесла за уши каплю ванильных духов и накрасила глаза.

Гейб позволяет мне заплатить за попкорн, и мы устраиваемся на потрепанные красные сиденья, с краев которых свисают малиновые нитки. В прохладном воздухе пахнет прогорклым маслом и солью. Театр старый, и ряды жмутся друг к другу: колено Гейба упирается в спинку кресла перед ним, и сидящая там девушка разворачивается и бросает на него неодобрительный взгляд, но потом понимает, какой он симпатичный, и улыбается.

Гейб смущенно качает головой.

— Смотри, я как чертов Андре Гигант, — бормочет он мне и тихонько фыркает. — Знаешь, сколько прошлой зимой меня просили отойти назад в баре Индианы? Там проходила вечеринка в честь «Игры престолов», и я заслонял драконов.

Я смеюсь.

— Жизнь — тяжелая штука, — говорю ему, и он специально хмурится и притворяется, словно не знает, что делать с локтями. Все это смотрится глуповато, с такой его стороной я не была знако-

ма: я все время приравнивала его к Джо Кулу[2], а не к застенчивому и неуверенному в чем-то человеку.

— Это свидание? — выпаливаю я, когда тухнет свет, и щурюсь, чтобы понаблюдать за выражением его лица. Он удивлен. — В смысле, прямо сейчас? Ты и я?

— Я не знаю, Молли Барлоу, — отвечает он и качает головой, словно считает меня головоломкой. — А ты этого хочешь?

Хочу ли я этого?

— Я… — тоже не знаю, почти говорю ему, но тут свет выключается полностью, и звучит знакомая старая музыка. Гейб тянется к моей руке в темноте. И вместо того, чтобы перевернуть ее, потирает кончиком указательного пальца внутреннюю часть моего запястья и точку пульса. В итоге каждый нерв моего тела сосредотачивается в этом самом месте, словно от обезболивающего крема, которым тренер заставлял нас мазать колени после тренировки по бегу. Это Гейб. Это Гейб, и я уверена, что это свидание — мне нравится, что это оно, нравится неясное внутреннее чувство, которое испытываю с ним наедине, хотя

---

[2] Примечания: 2
Джо Кул (Joe Cool) — альтер эго Снупи.

театр заполнен больше чем наполовину. Такое впечатление, что это преступно, и если кто-то увидит, нас отправят в наручниках в тюрьму. А еще приятно, легко и правильно.

Всю первую треть фильма пальцы Гейба играют с моим запястьем, вырисовывают на нем круги. Интересно, чувствует ли он, как под моей кожей пульсирует кровь? Я задерживаю дыхание и чувствую, как при его прикосновении мое сердце начинает биться быстрее в предвкушении, напоминая пролистывающего главы маминого романа безумного фаната, которому не терпится узнать, что произойдет дальше.

А дальше происходит вот что: ничего.

Герти и инопланетянин смотрят «Улицу Сезам». Гейб тянется за попкорном. Я жду, когда он снова возьмет меня за руку, но этого не происходит, он откидывается на спинку и сидит так до конца фильма, скрестив руки на груди, словно так было весь вечер, словно это всего лишь дружеские посиделки.

Щекотливая ситуация.

Я могла бы сама взять его за руку. Мне не двенадцать, я не отношусь к амишам и не живу в 1742 году, и я бог знает сколько раз тянулась к руке Патрика, когда мне этого хотелось. Но внезапное

отстранение Гейба заставляет меня посмотреть на все по-другому, блеск сходит на нет, и туман в голове рассеивается настолько, что я наконец вижу вечер таким, какой он есть, и таким, каким — нет.

Похоже, я ошибалась.

Не понимаю, почему меня это так расстраивает.

Я беру себя в руки, когда включается свет и зрители начинают потихоньку выдвигаться в узкие проходы, и улыбаюсь, как ни в чем не бывало. Эта улыбка все лето предназначалась всем, кроме Гейба.

— Было весело, — радостно говорю я, и мой тон настолько фальшиво веселый, что можно было бы добавить: «…бро». Гейб лишь кивает. Я беру сумку и иду за ним к выходу, убеждая себя, что нет причин разочаровываться.

— Ты в порядке? — спрашивает он, и я тут же поднимаю голову. Мы проходим через боковую дверь и вдвоем идем по узкому тротуару снаружи театра. Фонари парковки отбрасывают оранжевые пятна на бетон, а все остальное погружают в тень. Он легонько ударяет меня по руке. Мои волосы тут же встают дыбом. — М-м?

— Угу. — Мы останавливаемся. На парковке

хлопают двери машин, оживают двигатели. Я сглатываю. — Я в порядке. Просто…

Гейб перебивает меня.

— Слушай, — говорит он, — я не хотел вводить тебя в заблуждение. Разговором о свидании. Ты долгое время встречалась с моим братом, я понимаю. И не пытаюсь вести себя, как сволочь.

Подождите.

— Что? — спрашиваю я. — Нет, нет, нет, ты не вводил меня в заблуждение. В смысле, — качаю головой, — это я подняла тему свидания, помнишь? Наверное, это я ввела тебя в заблуждение.

— Уверена? — спрашивает Гейб и медленно и непринужденно делает шаг в мою сторону. Я словно инстинктивно поднимаю голову. Он совсем меня не касается, но я почему-то чувствую его везде. Между нами вибрирует столько атомов, что кажется, воздух должен гудеть.

— Угу, — отвечаю я и чувствую, как улыбка и нечто похожее на расслабление расползаются по моему лицу. — Я точно не в заблуждении.

— О, точно? — Гейб осторожно обхватывает мое лицо. Тепло его тела проникает ко мне сквозь наши футболки. — А теперь?

Улыбка превращается в усмешку.

— Нет, — отвечаю я.

— А теперь? — снова спрашивает он и целует меня прежде, чем я могу ответить.

День 20

Поцелуй с Гейбом разжигает во мне пожар, о существовании которого я не знала. Следующим утром, когда я просыпаюсь, все как будто внезапно выплескивается, словно это лето наконец показало кусочек надежды из своего кармана. Я марширую к «Френч Роуст», точно генерал на битву, точно Гейб отпечатал на моем сердце знак мужества. И впервые за долгое время чувствую себя храброй.

— Дело вот в чем, — говорю Имоджен, прислонившись к стойке, на которой она протирает кофеварку эспрессо. Ее волосы убраны в опрятный пучок. В кафе пусто, если не считать парня в больших наушниках у двери. — Знаю, ты очень на меня злишься, и у тебя есть Тесс, потому я тебе, наверное, больше не нужна, но, — глубоко вдыхаю и признаюсь, — мне сейчас очень нужна подруга, Имоджен.

Она с секунду смотрит на меня, не моргая и держа тряпку в руке. Затем громко смеется.

— Нужна *подруга*? — спрашивает она, качая головой, будто ждала этого момента, будто учу-

яла меня за километр. — Серьезно? А что насчет прошлого года, Молли? Я вступалась каждый раз, как кто-то вел себя дерьмово с тобой, а ты даже не попрощалась. — Она с широко открытыми глазами отбрасывает тряпку на стойку, словно красный плащ на корриде. — У моей мамы прошлой осенью был рак кожи, ты знала? Ей пришлось вырезать огромный кусок своей спины, она не могла ходить, двигаться и так далее, а я даже не могла поделиться с тобой, настолько была напугана, потому что ты убежала и ни разу не позвонила. А теперь ты вернулась, и Патрик здесь. Да, я понимаю, для тебя это, возможно, странно, но не знаю, хочу ли стоять сейчас и слушать, как ты говоришь, *что тебе нужна подруга*.

Я застываю на месте, словно одна из столетних сосен на берегу Стар-Лейк.

— Ты права, — говорю ей. Щеки покраснели, но кончики пальцев заледенели. Я ощущаю себя более напуганной, чем если бы Джулия Доннелли до конца лета каждый день царапала мою машину. Чувствую себя самой худшей подругой на свете. — Мне очень жаль. Ты совершенно права.

Перед ее ответом следует долгая напряженная пауза.

— Она сейчас в порядке. — Слова еле слыш-

ны. — Моя мама. — После этих слов подруга выглядит выжатой как лимон — Имоджен всегда ненавидела ссориться или когда люди обижали друг друга. Когда мы учились в третьем классе, мальчишки на перемене выдернули крылья у бабочки, и она весь день была безутешна. — Он не распространился.

Мы одну долгую минуту смотрим друг на друга. Дышим. Наконец Имоджен пожимает плечами и, снова взяв тряпку, протирает блестящий хром кофеварки, хотя она уже сверкает.

— Мне нравится один парень, — говорит она.

По моему лицу медленно и неуверенно расползается улыбка. Я могу сразу же определить подарок и очень благодарна за него.

— Да? — осторожно спрашиваю ее. — И кто это?

Имоджен, закончив уборку за стойкой и переключив музыку на древнем айподе, рассказывает, что его зовут Джей. Он постоянно приходит во «Френч Роуст»; ему девятнадцать, он учится в кулинарной школе в Гайд-парке. И приехал в город, чтобы пройти практику в гостинице.

— О! Я знаю Джея, — понимаю с улыбкой я. Он тихий и спокойный, работает су-шефом и каждое утро выставляет в столовой кофе. Я видела его

несколько раз, когда пробегала через кухню по поручениям Пенн. Однажды он помог мне найти сок для Дези, когда мне требовалось три различных вкуса, потому что она не признавалась, какой хотела. — Джей *красивый*.

— Это так. — Имоджен покрывается румянцем от кончиков ушей вплоть до ворота платья с цветами. — Он наполовину афроамериканец, наполовину китаец; его родители познакомились в Лондоне. — Она кривится. — Он сам поделился со мной этим, не было того, что я такая: «Привет, приятно с тобой познакомиться, пожалуйста, расскажи о своем культурном наследии».

Я смеюсь.

— Так значит, вы с Красавчиком Джеем любите поболтать?

— Ага. — Имоджен скромно кивает. Засовывает руку в коробку с выпечкой, достает шоколадный круассан и, положив на тарелку, передает мне. — Вот, попробуй, мы сменили пекарни, они у нас теперь новые. Да, мы немного разговариваем. И у него было много крутых предложений для моей выставки…

— Подожди, подожди, подожди, — перебиваю ее с полным вкусного круассана ртом. — Что за выставка?

— Она пройдет здесь в конце лета, — сообщает Имоджен. — Мне дали целый вечер: будет еда и все такое. Ты должна прийти.

— Приду, — сразу же обещаю я. — Я ее не пропущу; буду там при полном параде.

— Хорошо, а теперь расслабься, тигрица, — говорит Имоджен, но улыбается. — Эй, а как у тебя дела с Красавчиком Гейбом?

Качаю головой, отрываю кусок выпечки и передаю ей.

— Лучше тебе не знать, — предупреждаю я, но все равно рассказываю.

День 21

Выбегаю за дверь в первое утро открытия гостиницы, и тут в заднем кармане пиликает мой телефон, оповещая о новом е-мейле. Достаю его, думая, что это послание от Пенн, но вижу письмо из колледжа, напоминающее, что я еще не оставила заявку на специальность. Декан пишет, что *это не обязательно, но настоятельно рекомендовано сделать перед регистрацией. Выбор специальности перед приездом в кампус помогает абитуриентам подобрать лекции и максимально увеличивает эффективность работы вашего куратора.*

Я морщусь, закрываю письмо и засовываю телефон обратно в карман. Вся моя жизнь кажется незаявленной. Сложно представить, что я когда-нибудь выберусь из Стар-Лейк, не говоря уже о решении, как жить дальше. Чувствую, как начинает пульсировать головная боль.

К счастью, рабочий день настолько насыщен, что у меня нет времени зацикливаться на этом. Так странно и приятно видеть в коридоре людей, ведь до этого отель две недели походил на го-

род-призрак: папы в шортах, катящие огромные чемоданы, пухленькие дети, плавающие по озеру на ярких плотах. Группа женщин средних лет из Платтсбурга забронировала на эти выходные ежегодное собрание книжного клуба, и теперь они весь день сидят на крыльце и попивают ром литрами.

Пробегая через кухню, машу Джею, пробегая мимо бассейна, улыбаюсь Тесс. Пенн гоняет меня по различным срочным делам: разузнать о наличии в столовой кубиков сахара для дотошных любителей чая, вытереть непонятную лужицу, образовавшуюся на сосновом полу на полпути из лобби. Для ремонта Пенн выбрала дизайн в стиле винтаж и рустик[3], во всех гостевых комнатах стоят большие кожаные диваны с клетчатыми пледами, над стойкой регистрации висит огромная голова лося, которого мы все прозвали Джорджем.

— Он не настоящий, — уверяю я напуганного младшеклассника, хотя понятия не имею, правда ли это, и на самом деле подозреваю, что нет. Успеху сопутствуют поражения. Бедный Джордж.

— Отлично поработала, — говорит мне Пенн во

---

[3] Примечания: 3
Рустик — аналог американского стиля кантри.

время затишья перед ужином, которое подарило ей пять минут на игру с Фабианом в крестики-нолики на оборотной стороне какой-то бумажки. Дези спит под столом, засунув в рот большой палец. — С самого начала. Спасибо за помощь.

— Не за что, — отвечаю я, пытаясь с переменным успехом проглотить зевок: чувствую себя хорошо, как после тренировки по бегу в начале старшей школы, как будто сделала что-то стоящее. Вспоминаю о письме из Бостона о выборе специальности — надо выяснить раз и навсегда, чего я хочу.

— Можно спросить? — говорю я. — Откуда вы знали, что приехать сюда и открыть это место — именно то, чего вы хотели?

Пенн некоторое время смотрит на меня, словно удивлена этим вопросом. На ней сегодня костюм, а не джинсы и футболка, в которых я привыкла ее видеть; этим утром я остановила ее за руку, проходя через лобби, и сорвала ярлык, торчащий из-за воротника.

— Ну, я долгое время управляла ресторанами, — отвечает она, рисуя на листке Фабиана нолик и выпаливая названия мест, которые я знаю, ведь туда ходят моя мама и ее редактор, когда она приезжает в Нью-Йорк. — А до этого организовывала

вечеринки для богатых людей.

— Правда? — спрашиваю я, представляя это: Пенн в роскошном платье и с гарнитурой раздает указания обслуживающему персоналу и разрабатывает схемы освещения. Подталкиваю Фабиана в плечо и показываю место на сетке, где он в любом случае победит, несмотря на следующий мамин ход. — Вам нравилось?

Пенн задумывается.

— Мне нравилось быть боссом, — говорит она. — Нравилось решать проблемы. Нравилось находиться рядом с людьми. Думаю, это помогало мне не растворяться в себе. — Она тянется и, словно погрузившись в мечтания, запускает руки в шелковые кудри Фабиана. — Мне нравился город, — тихо признается она.

— Да? — спрашиваю я. — Что заставило вас уехать?

Пенн приходит в себя и улыбается, когда Фабиан с триумфом поднимает листок, зачеркнув три крестика в ряд.

— Настала пора перемен, — отвечает она.

День 22

Следующий день ярким пятном проносится мимо. Пикник на берегу озера в честь торжественного открытия и вышедшее из моды соревнование по поеданию пирогов. Подготовка к грандиозному фейерверку, запланированному на конец вечера. В середине дня тайком пробирается Гейб и задерживает меня в офисе ради долгого, вызывающего чувство вины поцелуя. Его теплые руки лежат на моих бедрах, а ловкие губы порхают по моим.

— Скучал по тебе, — бормочет он, когда мои руки запутываются в его шелковистых волосах. Удивительно, насколько приятно слышать от него эти слова.

— Я тоже скучала, — говорю и понимаю, что это правда. После свидания в кино мы переписывались, но кажется, он понял, что мне требуется время, чтобы во всем разобраться. Неожиданно, что его вид — ощущение, запах, вкус — вызывает у меня улыбку.

Гейб спокойно ухмыляется в ответ. Я выбрасываю из головы лицо Патрика с синяком.

Мы планируем встретиться утром за завтраком, и я, выведя его через боковой вход на парковку, тяну за поясную петлю шортов, чтобы попрощаться. А когда иду обратно, натыкаюсь на Тесс.

— Значит, вот оно что? — спрашивает она, выгнув выгоревшие брови и подняв руку с десятком разных браслетов дружбы из мулине — вспоминаю, что утром по расписанию у нее был кружок «Умелые руки» у бассейна. Она улыбается. Но улыбка сходит на нет, когда она видит мое явно ошеломленное выражение лица: — О господи, извини, я не пыталась поиздеваться над тобой. Мне нравится Гейб, кажется, он хороший парень.

— Нет, — тут же говорю я, желание соврать сродни рефлексу. Вспоминаю, что в тот день сказала Патрику в магазине: *«Знаю, что ты думаешь, но между нами ничего нет».* — В смысле, он хороший парень, просто я…

— Эй, не волнуйся. — Тесс поднимает руку в веснушках и качает головой. — Знаешь, можешь на это не отвечать. Это не мое дело, я никому не скажу.

— Нет, все в порядке, — выдыхаю я. — Спасибо.

Тесс передергивает плечами.

— Не за что, — говорит она и убирает волосы в хвостик. — Слушай, не знаю, покажется тебе

это странным или нет, но мы с Имоджен обсуждали кое-что и хотели спросить тебя. Завтра мы собираемся в «Кроу Бар», хочешь, можешь пойти с нами.

Это самоубийство. Это полный бред. *Почему ты вообще со мной разговариваешь,* хочется спросить ее. *Почему так добра ко мне?*

— Конечно, — слышу я свой голос. Это лето стало вдруг невероятно стремительным потоком, который уносит меня прочь. — Будет весело.

Тесс улыбается.

— Отлично, — заявляет она, разворачивается и идет к озеру. — Кстати, у тебя гигиеническая помада размазалась.

День 23

«Кроу Бар» — приземистое оштукатуренное здание, расположенное возле входа в метро. С деревянной вывески пристально смотрит огромный силуэт черной птицы, в честь которой бару дано название[4]. Такси высаживает нас в начале одиннадцатого. Невысокий коренастый вышибала бегло рассматривает нас и пропускает внутрь. Это самая настоящая забегаловка, расположенная недалеко от шоссе до Силвертона и известная тем, что сюда легко можно пройти и без документов. На то есть причина: здесь достаточно грязно, потому ни один уважающий себя взрослый не станет тут тусоваться. Внутри пахнет сыростью и пивом, у дальней стены стоят стол для пула и издающий резкие звуки игровой автомат, толпится народ и слышится играющая из музыкального автомата песня группы *Kings of Leon*. На секунду замираю в дверном проеме, и Имоджен просовывает руку в мою и тянет сквозь толпу.

— Шоты? — спрашивает Тесс, глядя на меня круглыми глазами и улыбаясь. Она принаря-

---

[4] Примечания: 4
Crow Bar — дословный перевод «ворона» и «бар».

дилась: рыжие волосы свободно ниспадают по спине, а россыпь веснушек на скулах придает загадочности. Я вижу, что Патрику в ней нравится: предложив мне в такси свой блеск для губ и достав из сумочки несколько кусочков сушеного манго, она показалась достаточно дружелюбной, чтобы я задумалась — может, этим летом я обрету подруг, даже если это маловероятно. Может, пора бы и расслабиться.

— Шоты, — отвечает Имоджен, и я смеюсь и достаю из сумочки деньги для Тесс. Напротив бара сидят Патрик с Джейком и Энни из гостиницы, их лица освещаются сине-красной неоновой вывеской с рекламой пива «Пабст». Через мгновение они замечают меня: Джейк машет, а Энни не совсем дружелюбно салютует пивом, но Патрик пялится на меня, выгнув брови, а потом неслышно говорит что-то этим двоим и исчезает в задней части зала.

Тесс идет к ним поздороваться. Имоджен направляется к бару. Я еще какое-то время осматриваюсь и замечаю несколько знакомых мне лиц и еще больше тех, кто явно узнает меня — несколько девчонок, которые раньше обедали вместе со мной, и Элизабет Риз в черном топе в обтяжку. Останавливаюсь и моргаю, когда мой

взгляд падает на стоящую в двух шагах от меня девушку с черными волосами и красными губами. Кожа бледная, как у Белоснежки; члены семьи Доннелли всегда считались красивыми, но сестра-двойняшка Патрика безусловно вышла победителем в этой генетической лотерее. Джулия одета в обтягивающие джинсы, балетки и длинный свободный топ с ярко-фиолетовым лифчиком под ним, и она хмурится.

Я ахаю. Ничего не могу с этим поделать, это похоже на встречу с волком посреди торгового центра или ощущение падения с обрыва во сне. Первые два года старшей школы Джулия была против алкоголя и курения. И меньше всего я ожидала увидеть ее в «Кроу Баре».

Кажется, это чувство взаимно: ее голубые глаза округляются, когда она видит меня, словно считала, что ее приветственных мероприятий было достаточно, чтобы я заперлась дома. А потом она вздыхает.

— Сука, — достаточно громко, чтобы я услышала, бормочет она. Кажется, она всерьез раздражена, будто ей приходится тратить энергию на ненависть ко мне, будто я заставляю ее играть в эту игру, когда ей скучно. Мы с Джулией росли, словно сестры, до шестнадцати лет делились

одеждой, куклами и косметикой. И теперь, стоя посреди «Кроу Бара» в начале последнего лета перед учебой в колледже, она склоняет свою изящную руку, а содержимое пивного стакана выливается прямо на мою кофту.

Я лишь стою и смотрю, открыв рот, на нее — Джулию, которая любит повторы серий «Фул хауса», Джулию, которая хрюкает, когда смеется. У нас появляются зрители — около пяти человек стоят в непосредственной близости от нас, и Имоджен, которая пересекла бар, словно доверившись давно спящему шестому чувству.

— Господи, Джулия, — говорит она, берет меня за руку и оттаскивает, будто думая, что та сделает какую-нибудь гадость. — Какого черта?

— Все в порядке, — говорю я, поднимая обе руки. Я была права — это ужасная идея. Не понимаю, о чем думала. Чувствую пробегающий по моему телу жгучий жар и холод в том месте, где от пива промокла кофта. Отмахиваюсь от Имоджен.

— Все *хорошо*, — выдаю я чуть резче, чем планировала. А потом обращаюсь к удаляющейся фигуре: — И я была рада тебя видеть, Джулс.

Джулия не останавливается.

— Тебе, наверное, лучше воздержаться от пива, Молли, — произносит она нараспев. — Ты немно-

го толстовата.

— Хорошо, — выдавливаю я. Как только она уходит, руки начинают трястись. Патрик наблюдает за мной с другого конца бара. Мне хочется лишь закрыть глаза и оказаться как можно дальше отсюда, но если этому не бывать, тогда хотя бы хочу в свою спальню на третьем этаже, к большому серому одеялу и мерцанию экрана на коленях. Я хочу домой. — Мне надо… Мне пора, Имоджен.

— Что случилось? — К нам сзади подходит Тесс и подталкивает Имоджен бедром, держа в руках три шота с какой-то янтарной жидкостью и несколько апельсиновых долек для закуски. Ее глаза округляются, когда она замечает мою кофту. — Джулия сделала это специально?

Имоджен качает головой.

— Не спрашивай. — А потом забирает у нее два шота и один отдает мне, будто я ничего не говорила о своем уходе. — Готова?

Смотрю на них двоих — маловероятных товарищей по команде после всего произошедшего, но они здесь. Гейб прав, нельзя прятаться вечность. Осталось лишь семьдесят шесть дней.

— Готова.

День 24

Просыпаюсь в самом худшем настроении. В черепе пульсирует похмелье, а во рту сухо и пахнет. Естественно, сегодня не до бега. Чищу зубы и убираю спутанные волосы в хвостик, затем тащусь вниз за кофе. Мама сидит за кухонным островком в новых очках с толстой оправой и футболке в полоску, которая легко могла оказаться как из моего шкафа, так и из ее, и читает «Таймс».

— Доброе утро, — говорит она, и красноречивый взгляд на часы сообщает, что уже приближается полдень. — Как дела?

Нюхаю молоко в упаковке и морщу нос.

— Хорошо, — бормочу. Хотя желудку не так уж отлично.

— Правда? — спрашивает она и откидывается на спинку стула, рассматривая меня с материнским скептицизмом, от которого я отвыкла, ведь она больше года не пыталась меня воспитывать. Кстати, Эмили Грин была сиротой. — Потому что, надо сказать, выглядишь ты не очень хорошо. — Она делает глоток из дымящейся чашки. — Хочешь рассказать?

— Рассказать *что*? — огрызаюсь я. И вдруг вспоминаю, что именно это она предложила мне в тот вечер в десятом классе, когда я разболтала о Гейбе — я сходила с ума от чувства вины и паниковала, а она сидела в своем кабинете за столом: *«Хочешь рассказать?»*

И я рассказала.

Рассказала все.

Господи, теперь ее любопытство вызывает у меня отвращение, инстинкт самосохранения набирает силу, словно сильный осенний ветер, несущийся по озеру. Такое ощущение, будто она хочет содрать мясо с моих костей.

— У тебя что, творческий кризис? Ищешь новый материал? Я сказала, что у меня все хорошо.

Мама шумно выдыхает.

— Ладно, Молли, — говорит она, — будь по-твоему. Я знаю, что ты с удовольствием провела бы это лето не здесь, и уже извинилась перед тобой. Прости меня, если тебе кажется, что я вторглась в твою личную жизнь, но я еще…

Я набрасываюсь на нее.

— Мне кажется, что ты вторглась в мою *личную жизнь*? — Поверить не могу. Я действительно не могу поверить. — Ты кто? Кто так говорит? Как ты можешь…

— Я — писатель, Молли, — перебивает она меня, словно это религия или ее чертова культура, словно какой-то моральный релятивизм тут же все объяснит. — Я беру реальные события и использую их в качестве сюжета — вот чем я занимаюсь, вот чем занималась всегда. Конечно, есть…

— Ты моя мама! — парирую я, голос надламывается и с головой выдает отвратительное равнодушие, которое я взращивала последние полтора года, уродливую трещину в скорлупе. Качаю головой и опускаю кофейник на стойку с такой силой, что, боюсь, он разобьется. — Точнее, должна ею быть. Ты меня выбрала, помнишь? Сама так всегда говорила. Но на самом деле ты лишь хотела продать меня на органы.

Мама бледнеет после этих слов, или, возможно, я просто хочу это увидеть.

— Молли…

— И ты права, лучше бы я сейчас была в другом месте. Лучше бы до конца своих дней не имела к тебе никакого отношения. И знаешь, что? Можешь пойти и вписать это в свою следующую книгу. Можешь рассказать всему миру, мама. Приступай.

Оставляю пустую чашку на стойке и несусь

наверх, напугав Виту и заставив Оскара отползти в прихожую. Старые ступеньки скрипят под моим весом.

День 25

— Эй, — начинает Гейб, слегка отстраняясь и делая прерывистый вдох, который, как ни странно, мне нравится, ведь я понимаю, что привыкаю к нему. Кожа на его шее очень, очень теплая. — Можно я кое-что предложу? Только не впадай в панику.

Я отвлеченно киваю и, тяжело дыша, откидываюсь на спинку пассажирского сиденья универсала. Мы остановились в темноте парковки гостиницы почти час назад, целовались и болтали ни о чем — о ребенке, как-то прогуливающемся голым по лобби, о пицце с инжиром и горгонзолой, ставшей сегодня в магазине фирменным блюдом. Теплые руки Гейба медленно и уверенно скользят по моей футболке. Не могу решить, смешно это или подозрительно — вот так прятаться в машине под ветками сосен с приглушенным радио, но реальность такова, что я не хочу приводить Гейба к себе домой, и мы уж точно не пойдем к нему, поэтому… остается универсал.

— Конечно, — отвечаю я, убирая волосы за уши

и с любопытством поглядывая на него. Мои губы опухли и покалывают после столь долгих поцелуев. Щеки Гейба порозовели, и я улыбаюсь, словно чего-то достигла — наши встречи кажутся другими, одновременно и более, и менее серьезными. Мы с Патриком, до того как начали встречаться, ничем и ни с кем не занимались и мучительно медленно продвигались вперед. Каждый новый этап был растянутым и слегка пугающим, мы были такими близкими, но при этом все, что мы делали, казалось совершенно новым. С Гейбом все не так: во-первых, между нами уже произошло то, к чему все шло, и во-вторых, это же *Гейб*. С ним все легко. С ним и это легко. Не на чем зацикливаться, нечего обдумывать. — Что случилось?

Гейб слегка морщит нос, словно к чему-то готовится. Фонари парковки сквозь окно отбрасывают на его лицо тусклый свет.

— Дело вот в чем, — начинает он осторожнее, чем обычно, нерешительнее, чем я привыкла — я считаю его человеком, который получает все, что хочет, который не стесняется чего-то просить. — Что думаешь насчет вечеринки?

И в этот момент весь кайф, все удовольствие, курсирующее по ногам, рукам и всему остальному телу, тут же испаряется. Я даже хрюкаю.

— Ни за что, — говорю ему и качаю головой так решительно, что она может сорваться с шеи и запрыгнуть на заднее сиденье машины. Даже не надо спрашивать, о какой вечеринке идет речь. — Ни-и-и-и-и-и за что. Отличная попытка. Нет. Нет и тысячу раз нет.

— Я просил не впадать в панику! — протестует Гейб, посмеиваясь. Тянется к моей руке через коробку передач, переплетает свои пальцы с моими и тянет, пока я не оказываюсь в достаточной близости, чтобы он мог поцеловать меня в линию подбородка. Он слегка царапает зубами, и я дрожу. — Слушай, — бормочет он, нос касается кожи за моим ухом, — знаю, глупо вообще это спрашивать…

— Да, *немного* глупо, — соглашаюсь я и отстраняюсь. Эту вечеринку семья Доннелли закатывает каждый год, чтобы отметить все три летних дня рождения: Джулии, Патрика и Гейба. На зеленом просторе фермы проводится пикник с игрой в волейбол и четырнадцатью различными видами выпечки, всю ночь играет *Beatles*. В детстве этот день был самым лучшим летним днем. В прошлом году я впервые его пропустила. — Как я смогу прийти на вашу вечеринку, где твоя мама ненавидит меня, твоя сестра ненавидит меня,

твой брат ненавидит меня больше кого-то другого, и я с ним встречалась, и ты, с которым я…

Резко замолкаю, вдруг смутившись и не зная, как продолжить. Не зная, кто мы с Гейбом друг другу. Мысли о том, чтобы заявиться на важное событие семьи Доннелли с кем-то другим, но не Патриком, достаточно, чтобы проглотить язык. Чтобы задаться вопросом, кто я такая. Целоваться с Гейбом в универсале — одно дело, эгоистическое и глупое, но веселое, свободное и легкое. Это секрет, который никому не приносит вреда.

А вечеринка? Это совершенно другое.

— Я, с которым ты *что*? — подстегивает он, слегка поддразнивая. Затем тянется свободной рукой и вырисовывает на моей обнаженной, чуть колючей коленке круг. Кончики пальцев поднимаются все выше, пока не оказываются у края шортов. Я вдыхаю. — Я, с которым ты *что*, м?

— Заткнись, — бормочу я, чувствуя, как везде, где он касается меня, кожу покалывает, не говоря уже о местах, где не касается. Жду минуту, перед тем как продолжить, и слышу слабое пение цикад и отдаленный крик совы на соснах. — Ты, с которым я каждый вечер в машине занимаюсь ерундой.

— О, так *вот* чем ты занимаешься? — Гейб хищ-

но улыбается мне, но за этим скрывается что-то, что я не могу распознать. — Вот, значит, чем?

— Я имею в виду, — машу руками, чувствуя себя неловко, чего в присутствии Гейба никогда не бывало, — разве это не так?

Тот качает головой.

— Не знаю, Молли Барлоу, — отвечает он, пристально глядя на меня. — Я ждал от тебя предложения сделать из меня добропорядочного человека, но пока ничего не выходит.

— Действительно? — спрашиваю я, и мой голос звучит мягче, чем я ожидала. — Вот чего ты хочешь?

— Да, — говорит он, его спокойный голос почти в точности соответствует моему. Он как будто задумывается, словно в данный момент с ним происходит что-то не то. — Правда-правда. — Его рука все еще лежит на моем колене, он сжимает его и говорит: — А что насчет тебя?

— Не знаю. — Запускаю руку в свои спутанные волосы, чувствуя себя одновременно загнанной в угол и веселой. Я словно после своего возвращения сюда лишилась способности принимать решения, как будто не могу увидеть разницу между любовью и одиночеством. Мне *нравится* Гейб, очень нравится: его улыбка, твердое

сердце и добродушный характер, точно он ждет, что мир встанет на его сторону, и именно так и происходит. Проведенные с ним дни кажутся драгоценными камнями, вплетенными в длинную потрепанную веревку лета, ценными и неожиданными. — В смысле, да, но…

— Да? — Гейб улыбается.

— Возможно! — Вскидываю руки и нервно смеюсь. — Прекрати, ты — это ты, конечно, я об этом думала.

О, ему это тоже нравится.

— Я — это я, да? — спрашивает он, вскинув брови.

— Уф, не будь таким грубым. — Закатываю глаза и пытаюсь это представить: что меня никогда не примут в его семье, что настоящие отношения с Гейбом приведут к свежим пыткам, к сдиранию корочки с ран, что только начали заживать. Не говоря уже о том, что в начале сентября я уеду в Бостон. Что случится в конце лета? Мы просто дадим друг другу пять и скажем, что было весело? Именно угроза расстояния расстроила наши с Патриком отношения — точнее, это одна из причин. Их было много. И все равно глупо начинать с Гейбом роман, на котором уже несмываемыми чернилами написан срок годности.

Я вдруг понимаю, что Патрик никогда таким образом не просил меня стать его девушкой. Мы вроде как всегда были парой. Никаких осознанных решений, мы вдвоем просто погрузились в это — погрузились друг в друга — и остались там. Никто не знал, как выбраться.

— Как это будет выглядеть? — наконец спрашиваю я и выпрямляюсь, спина прижимается к пассажирской двери. — Что мы с тобой встречаемся?

— Ты имеешь в виду, для других? — спрашивает Гейб, качая головой. Я пугаюсь.

— Начнем с твоей *семьи*.

— Они справятся. — Гейб говорит взволнованно. — Или нет, но они пока не смирились, правда? Зачем позволять людям, одержимым идеей не прощать тебя, мешать твоему счастью? — Он замолкает, вдруг засмущавшись, словно до него только сейчас дошло, что он, возможно, зашел слишком далеко. — В смысле, если предположить, что тебе только это мешает. — О господи, он действительно краснеет. — И что ты этого хочешь.

— Я *хочу*, — выпаливаю я, осознав, что это правда: я хочу дать нам шанс, хочу попытаться быть счастливой до конца этого лета. — К черту других,

ты прав. В смысле, нет, ты не прав, не совсем, мне кажется, ты много чего не учитываешь, но…

– *Молли*.

Гейб смеется и набрасывается на мой рот. Это неуклюжее столкновение никак не похоже на спокойные движения, к которым я привыкла, иногда мне даже кажется, он продумывает на полшага вперед. Эти движения спонтанные, слегка неловкие. Наши зубы встречаются со стуком. И все равно это, наверное, мой самый любимый поцелуй от него за все лето. После него Гейб улыбается и прижимается теплым лбом к моему.

— Я все равно не пойду на эту чертову вечеринку, — упрямо бормочу я.

Гейб довольно смеется, уткнувшись в мою щеку. И затаскивает меня на заднее сиденье универсала, наши руки и ноги переплетаются… Я чувствую запах его шеи и чистой футболки и вижу в окно, как восходит белая луна, тяжелая и почти полная.

День 26

Я резко просыпаюсь в половине пятого — сердце колотится — и скидываю с себя одеяло. Волнение от того, что происходит с Гейбом, — а это волнение, ведь после того, как он подбросил меня до дома, мое тело еще час гудело, я ощущала его поцелуи на своем животе и ребрах, — не способствовало полноценному сну. На самом деле все наоборот. После трех ночных кошмаров с Патриком в главной роли я сдаюсь и в темноте надеваю кроссовки для бега. В голове крутятся воспоминания и сожаления.

Ноги наконец превращаются в желе, пот течет по позвоночнику — чувствую слабость от жары и обезвоживания, бегу так, словно что-то меня преследует, словно моя жизнь в опасности. В итоге упираюсь руками в колени, лицо красное и покрылось пятнами, в боку колет так, будто кто-то схватил за легкие и с силой их сдавил.

Поверить не могу, что когда-то меня хотели отправить в Бристоль, чтобы я бегала, но все так и было: в десятом классе в марте, во время моего забега против монастыря Святого Сердца, на три-

бунах появилась загорелая подтянутая женщина, а потом и следующим утром на тренировке. После обеда меня вызвали к руководству, усадили на пластмассовый стул и дали брошюру.

— Подумай об этом, — призвала меня рекрутер. Ее волосы были убраны в аккуратный хвостик на макушке, на ногах спортивные кроссовки, будто она планировала сразу после этой встречи отправиться бегом в Аризону. — Просто пища для размышления на следующий год.

После последнего урока я отыскала Патрика на парковке, он ждал меня на водительском сиденье «Бронко». В нашем округе действовал старый закон, что дети могут получить права на полгода раньше, если родителям требуется помощь с работой на ферме, а так как дом семьи Доннелли был поделен на зоны, все трое смогли водить прежде всех остальных. Обычно нас возил Гейб, потому что был самым старшим, но сегодня подвозил свою типа девушку Софи, а у Джулии до без пятнадцати пять была тренировка чирлидеров. По вторникам мы с Патриком всегда ездили одни. Вторники я любила больше всего.

Когда я открыла дверь, он слушал *Mumford&Sons*, откинув голову на потертое кожаное сиденье, дневное солнце танцевало по его гладкой загоре-

лой коже. Он нежно обхватил мое лицо ладонями и поприветствовал поцелуем, таким знакомым и приятным.

— Что тут у тебя? — спросил он, когда я протянула ему брошюру: серые глаза с любопытством взглянули на нее, а потом на меня. Выражение его лица омрачилось, когда я объяснила.

— Ого, — сказал он, когда я закончила. Вернул мне брошюру, бросил взгляд через плечо и включил заднюю передачу. — Я… ого.

— Это странно, да?

— Ага, — Патрик хохотнул, — это очень *странно*.

— Правда? — спросила я обиженно, хотя сама первая это сказала. — М-м.

— Нет, я не имел в виду, что ты не быстрая бегунья, просто… подожди, — сказал Патрик, посмотрев на меня, а потом выехал с парковки. Под моими ногами захрустела обертка от батончика мюсли, оставленная Джулией. — Ты хочешь поехать?

— Не знаю. — Я пожала плечами, вдруг, как ни странно, пожалев, что сказала ему. Я никогда так не чувствовала себя рядом с Патриком, ведь постоянно делилась с ним своими мыслями еще с тех пор, как научилась говорить. Это было

непривычно и непонятно, словно оступиться на тротуаре. — Нет. В смысле, это вряд ли. Нет.

— Это что, как Хогвартс? Живешь в лесу с кучей других девчонок, которые заставляют с помощью девственной крови проводить обряды?

— Это не Хогвартс. — По правде говоря, меня это немного рассердило. Не скажешь, что он ко всему относится с пренебрежением… Ладно, так и было, но не при разговоре со мной. Меня он слушал, я говорила на его языке. — Мы все равно живем в лесу, — указала я, игнорируя его слова про обряды — и про девственниц — и ковыряя пластмассовый шов на двери «Бронко». Я нечасто сидела спереди, ведь обычно это место занимала Джулия, а мы с Патриком забирались назад. — Кажется, это место находится в пустыне. Я не знаю. Ты прав, это глупо. Забудь, что я сказала.

Мы остановились на красный; Патрик потянулся и слегка подтолкнул меня в бедро.

— Молс, — сказал он, глядя на меня так, будто я дергала его за цепь, будто думал, я пыталась пожать ему руку, держа в своей шокер, или заставить его сесть на пукающую подушку, или предложила ему жвачку, окрашивающую зубы в черный. — Эй, поговори со мной. Ты хочешь поехать?

— Нет, — упрямо повторила я. — Не хочу, просто… мне не нравится, что ты говоришь об этом, как о чем-то невозможном, понимаешь?

— Но это *невозможно*, — парировал Патрик, выглядя озадаченным. — Правильно?

Правильно?

Я только обдумываю это, хотелось сказать мне. *Приятно, что меня ценят за что-то. Иногда я боюсь, что мы с тобой слишком привязаны друг к другу.*

Я посмотрела на него, переплела его пальцы со своими и сжала.

— Правильно, — ответила я. Красный сменился зеленым, и Патрик поехал.

Он появляется днем в гостинице, когда черно-синяя гроза скользит по горам в нашу сторону, а в дверь проникают тихий рокот грома и порыв прохладного влажного ветра.

— Привет, — говорю я, моргая. Сердце на одну дурацкую секунду спотыкается, но потом я понимаю, что сейчас — не два года назад, когда он заезжал за мной в конце каждого рабочего дня. Это было тогда, напоминаю себе, обхватив край стола, словно готовлюсь к физической боли. А это — сейчас. — Приехал за Тесс?

Патрик кивает; идет по лобби, нас разделяют

стол, два стула и кожаная оттоманка, но он все равно отступает еще на шаг, словно я радиоактивная, словно может что-то от меня подхватить.

— Она писала, — говорит он, в его голосе почти отсутствует интонация, — что заканчивает.

Я медленно киваю в ответ.

— Хорошо.

Вежливее всего отстать от него, но я все равно пялюсь, как невоспитанный ребенок. Он ниже Гейба на несколько сантиметров, сейчас, наверное, чуть меньше шести футов[5]. На подбородке виднеется намек на щетину. Он стоит достаточно далеко, чтобы рассмотреть, но я знаю, что в левом глазу у него есть темное пятнышко на серой радужке; я раньше сосредотачивалась на нем, когда мы целовались, словно так могла заглянуть в его сердце.

— Слышал, мой брат пригласил тебя на вечеринку, — говорит Патрик. Удивлена, что он вообще разговаривает, ведь так и соблюдает дистанцию, чтобы не подхватить что-нибудь заразное. На нем бейсбольная кофта с закатанными до локтей рукавами. На запястье вижу родимое пятно в форме фасоли.

---

[5] Примечания: 5

6 футов — приблизительно 183 см.

— Это так, — отвечаю, убирая волосы за уши и задаваясь вопросом, что еще он слышал и на что был похож этот разговор. — Да.

Поверить не могу, что Гейб пихнул наши едва начавшиеся отношения прямо Патрику в лицо — ведь почти год молчал о той ночи в его спальне, но я не впервые спрашиваю себя, какого черта делаю, снова связавшись с Доннелли.

— Я сказала ему, что не приду, если тебя это волнует.

Патрик едва заметно качает головой.

— Мне плевать, что ты делаешь, Молли. Кажется, я это уже говорил.

Мои щеки охватывает жар.

— Ага, — соглашаюсь я и беру бумаги, за которыми вообще сюда пришла — список забронированных номеров на эти выходные. Пенн ждет меня в офисе, на ее коленях свернулась Дези, дрожа от грозы. — Говорил.

Поворачиваюсь, чтобы уйти, но в последнюю секунду оглядываюсь; Патрик смотрит прямо на меня, сила его взгляда сродни физическому контакту. Мы с ним никогда не занимались сексом — до этого дня я делала это лишь с Гейбом, и всего один раз, — но все равно знаю каждый сантиметр его тела. Это такое знакомство в ходе практики,

когда много лет проводишь с кем-то каждый день. Как глупо он говорил, когда ломался его голос. А в седьмом классе он напрямую спросил, ношу ли я лифчик.

— Я видел, что сделала моя сестра тем вечером в «Кроу Баре», — говорит он, все еще глядя на меня. Я так скучаю по нему, до смешного сильно. — Надо было ей сказать, чтобы отвалила.

Инстинктивно и смущенно скрещиваю руки на груди. *Ты немного толстовата*, вспоминаю ее слова. Ладони становятся горячими и онемевшими от стыда. Конечно, он это слышал. Конечно, уже считает меня толстой.

— Я думала, тебе плевать, что я делаю, — отвечаю я.

Брови Патрика взлетают, словно он не ожидал такого ответа. Мне кажется, я тоже его не ожидала. Одну безумную секунду думаю, он сейчас улыбнется, и задерживаю дыхание в предвкушении, словно ожидая чиха или приземления бабочки на палец. Но он лишь качает головой.

— Это так, — говорит он, выражение его лица мне непонятно. — Хочешь прийти на вечеринку, приходи.

Я моргаю, не понимая, всерьез он это говорит или нет.

— Ты бросаешь мне вызов?

— Называй, как хочешь, — говорит Патрик, поворачивается и идет к двери, к разжигающейся и свистящей грозе на улице. — Увидимся, Молс. Скажи Тесс, я жду ее в машине.

День 27

Гейб необычайно счастлив, когда я пишу ему, что приду на вечеринку; даже приезжает за мной к маминому дому, чтобы меня не привязали к городскому столбу, как Эстер Принн.

— Готова? — спрашивает он, когда я пристегиваюсь в универсале. — Чресла препоясаны и так далее?

— Заткнись. — Улыбаюсь, так крепко сжимая в руках томатный суп в хлебной тарелке, что, к тому времени, как мы доберемся до фермерского дома, от него грозят остаться лишь жижа и крошки. Знаю, Гейб видит, как я напугана, и считает, что мне нечего опасаться, но мне нравится, что он подшучивает надо мной. — Все круто, понятно? У меня все круто.

— О, так вот в чем дело? — Гейб улыбается. — Я позабочусь, чтобы об этом узнали другие.

Преувеличенно прожигаю его взглядом.

— Даже не смей.

— Я просто говорю, — продолжает он, поддразнивая, — что, раз у тебя все круто, все должны об этом знать.

— Ага, — киваю на дорогу за лобовым стеклом, — следи за дорогой, ладно? Не то одумаюсь и выскочу из машины.

Фермерский дом Доннелли большой, белый и повидавший виды, с тремя рассыпающимися трубами и накренившимся коричневым сараем позади. Я не осмеливалась показываться здесь с тех пор, как вернулась, но у меня захватывает дух, когда вижу переплетение кустов роз Конни по другую сторону от крыльца и треснувшее окно в правом верхнем углу дома, в которое осенью, когда нам было по одиннадцать, попал мячом Патрик. Я раньше пряталась на душном низком чердаке, когда мы вчетвером играли в прятки. При виде сарая у меня сжимает грудь, чему я удивлена.

План таков — избегать Патрика и Джулию, насколько это возможно, и естественно, они первые, кого мы видим, когда подъезжаем: сидят на провисших ступеньках, чистят початки кукурузы и кидают пленку в коричневый бумажный пакет, что стоит у ног. Мое сердце предательски екает. Боковой дверью дома пользуются все, даже почтальон. И только незнакомцы звонят в звонок входной двери.

Пока Гейб паркуется, вижу, как Тесс открывает

дверь-ширму и выходит из кухни в воздушном белом платье, держа в руке одну из винтажных мисок Конни, синюю, со странными рисунками на фермерскую тему. Она проводит свободной рукой по коротким темным кудрям Патрика. Он поворачивает голову и прижимается поцелуем к ее ладони.

Я вздрагиваю, увидев это, а потом еще раз из-за своей неуместной реакции. Я словно какой-то ревнивый демон, будто я имею право даже на малейший укол боли. Я здесь с Гейбом, разве не так? Я в буквальном смысле иду на эту вечеринку с братом Патрика. Мне нужно привести мысли в порядок.

Слава богу, Гейб вроде не обращает на это никакого внимания.

— Идем, — говорит он, забирая блюдо с моих коленей и открывая дверь в жару и влажность улицы. Солнечный свет проникает сквозь старые деревья. Я слышу разговоры, доносящиеся со двора. Патрик и Джулия вскидывают головы, когда дверь захлопывается, и оба смотрят на нас с неявной обидой и недоверием, будто только что наблюдали за посадкой на Луну, думают, что кто-то пытается их одурачить, и злятся, что их обводят вокруг пальца. Это было бы комичным.

Мы с Патриком, наблюдая такую же ситуацию, тоже посчитали бы ее смешной. Если бы это не было настолько больно.

Я робко поднимаю руку, чтобы махнуть. Только Тесс машет мне в ответ.

— Видишь? — торжественно заявляет Гейб, закатывая глаза из-за каменных лиц брата и сестры, и, взяв меня за руку, сжимает ее, пока мы идем по широкому зеленому двору. — Скажи, что ты пока не проводишь свое время отлично.

— Ага, — бормочу я. — У меня все круто.

На заднем дворе уже море тетей, дядей, кузенов и друзей семьи, их лица очень мне знакомы, ведь я более десяти лет посещала эти летние вечеринки: выпускные и лыжные поездки, прием гостей на похоронах Чака. Направляясь к ним, чувствую себя так, словно против меня выставили армию людей, которые чуть старше, нежели я представляла. Сглатываю.

— Все хорошо, — бормочет Гейб, склонив голову, чтобы только я слышала его. — Держись рядом.

Вообще-то, это полная противоположность хорошего плана — я оглядываюсь на Патрика и с легкой завистью думаю, как ему всегда отлично удается избегать толпы. Но другого выхода у

меня нет, поэтому улыбаюсь как можно шире и почтительнее.

— Привет, ребята, — снова и снова говорит Гейб, пробираясь сквозь толпу людей, держащих в руках тарелки с салатом из макарон и запотевшие бутылки пива. Страдающий от артрита пес Пилот рассеянно обнюхивает двор, а из больших старых колонок Патрика играет что-то звонкое и праздничное, какая-то группа с «Виски» или «Алабама» в названии. — Вы же знаете Молли?

Он делает это снова и снова, представляет всем, положив руку на мою поясницу и легко улыбаясь, справляясь у кузена Брайана о бейсбольной лиге и у тети Норин о книжном клубе. Он действует абсолютно непринужденно.

Как и все остальные.

— Видишь? — спрашивает Гейб, когда мы завершаем круг по периметру и останавливаемся у одного из столов, чтобы положить на мою тарелку немного салата с картофелем и майонезом. Мы пообщались со старыми приятелями Чака и новым женихом кузины Дженны; я уже объяснила минимум трем разным тетушкам, что пока не выбрала себе специальность. Мы держались подальше от Джулии и Элизабет Риз, которые развалились в гамаке, склонив друг к другу голо-

вы. На них одинаковые легкие кофты, и им, слава богу, вроде намного интереснее трепаться друг с другом, чем досаждать в этот день мне. Патрик же превратился в привидение. Я краем глаза посматривала на него, а он как будто научился ходить сквозь стены и исчезать по желанию, словно фокусник, — был, а потом снова исчез.

Раньше на таких вечеринках мы с ним занимались своими делами — чего греха таить, так происходило на каждой вечеринке, — пробирались в сарай, чтобы сыграть в «Я лучше» или просто тусовались, закинув друг на друга ноги, рука Патрика играла с моими волосами. Вспоминаю лето здесь после десятого класса, после нашего с Гейбом секса, но перед его отъездом в колледж. Мы с Патриком тогда снова сошлись и провели весь день в сарае на диване.

В другой ситуации я бы попыталась вывести его ко всем, но в тот день была благодарна его склонности к уединению — так было легче избегать его брата.

А вот Гейб любит пообщаться, и я понимала, что, оказавшись здесь, все время придется находиться рядом — внедриться и стать частью вечеринки, стать человеком, который на фотографиях стоит спереди, а не прячется где-то в

задних рядах с какой-нибудь обрезанной частью тела и отвернувшись.

Не только Патрик и Джулия избегают меня — Конни я пока тоже не видела, лишь мельком заметила, как она исчезла на кухне. А в остальном, если не считать озадаченные взгляды пары кузенов Гейба, этот вечер совсем не напоминает инквизиторский суд, как я ожидала.

— Не так уж плохо, верно? — подстегивает Гейб, подтолкнув меня в плечо. — Я рассказал им, что у тебя все круто, и попросил подыграть.

— Ох, весельчак. — Хочу закатить глаза, но не могу стереть улыбку со своего лица. Это напоминает победу — возможно, крошечную, но настоящую ощутимую победу. Тяну его к себе за петлю на шортах.

— Архангел Гавриил! — слышится крик от подъездной дорожки — прибыли Райан и другие друзья Гейба с вечеринки у озера. В руках — ящики пива и лимонада.

— Скажи, чтобы перестали тебя так называть, — говорю Гейбу, когда мы идем к ним навстречу. Здесь Келси с ужасными серьгами в ушах и светлой стрижкой, сандалии как у гладиаторов достают до самых ее коленей. А еще парень с длинными волосами, которого, кажется, зовут

либо Скотт, либо Стив, и другие ребята, которых я не знаю. Все в солнечных очках и улыбаются, словно семейную вечеринку Гейба они не променяли бы ни на какую другую.

Келси, заметив, обнимает меня, словно мы давнишние друзья, и тут же пускается в рассказ о дизайне бирюзового украшения, которое только что заказала в магазин. Мы все вместе переходим к группе садовых кресел возле огорода, где пьем лимонад и добрую часть вечера едим чипсы. Я чувствую себя защищенной в окружении толпы, и со мной не забывают общаться. И понимаю, что с друзьями Гейба я ощущаю себя в безопасности.

Но есть странная правда — кажется, я никого не интересую на этой вечеринке. Никто не ставит подножки и не хихикает; никто не надувает пузырь из жвачки в мои волосы. Около четырех Келси поднимается за еще одной порцией салата с макаронами, и благодаря ей — а еще маргарите, которую мне подливала одна из теть, — я расслабилась и отваживаюсь сходить в туалет. Только я выхожу из небольшого туалета под лестницей, как слышу Конни за углом:

— Выйди и помоги мне с мороженым, хорошо, именинница? — говорит она. Знакомый голос отдается эхом от высокого потолка и натертых

полов. Раньше мы все вчетвером скользили по ним в носках. — И перестань кривиться, будто пахнет чем-то дурным.

— А я чувствую, что пахнет чем-то дурным, — тут же парирует Джулия. — И ее зовут Молли.

— Достаточно, — перебивает ее Конни, а я бледнею так сильно, что боюсь, как бы не охнуть: подо мной словно распахнулся люк. До отъезда в Бристоль такое случалось часто, меня обсуждали, невзирая на то, слышала я или нет. Можно было бы и привыкнуть к такому. Знакомая волна стыда ощущается физически, словно головокружение.

— Давай не сейчас, хорошо? — продолжает Конни. — Пока эта девушка в нашем доме, понимаешь? — Я морщусь на словах «эта девушка» — вот кем я стала для Конни, а ведь она столько раз обнимала меня, приветствуя, укладывала в кровать и заботилась обо мне. Я была уверена, она любит меня, как своих трех детей. — Джулс, нет смысла раздувать из мухи слона и портить себе день.

Джулию это не убеждает.

— Меня это бесит, — парирует она. Я ясно представляю ее себе в одежде от «Джей Крю», ее длинные и грациозные руки и ноги. Джулия — боец, всегда им была. Я раньше говорила ей, что,

если понадобится спрятать тело или участвовать в наземной операции в Тасмании, она станет первой, кому я позвоню.

— Я думаю, что это пошло. Пошло и отвратительно, что Гейб привел ее сюда, и вдвойне отвратительно, что она пришла сюда, когда Патрик…

— Патрик здесь с Тесс, — отмечает Конни.

— Мам, эта милая девушка — всего лишь отвлечение, и все об этом знают, поэтому…

— Джулия, ну хватит уже. — Кажется, Конни раздражена, точно они не впервые уже обсуждают эту тему. Вспоминаю лето, когда нам было по восемь, и Джулия решила, что не хочет носить туфли. Как она тогда была несокрушима, сколько бы с ней ни спорили! — Идем, сейчас будет торт. Сегодня ваш день рождения, мы все вместе, давай не…

— Сегодня не мой день рождения, — отмечает Джулия.

Конни вздыхает.

— Лиз, помоги мне с ней. Объясни, что Молли ничего не значит.

Раздается доброжелательный смех — Элизабет Риз тоже обсуждает меня и мое пошлое, отвратительное поведение, — но я снова и снова слышу

последние четыре слова.

Молли ничего не значит.

Чувствую привкус металла во рту. Знаю, они правы, и это самое худшее — не надо мне было сюда приезжать, это было слишком.

— Уф, ладно, не втягивай в это Ливзи, — говорит Джулия, в ее голосе слышится отвращение. — Она этого не достойна, бла-бла-бла, даже при том, что она — развратная…

— Вы это сейчас серьезно? — перебивает ее рассерженный голос — Гейб. Я еще дальше вжимаюсь в полутьму ванной — сердце колотится сильнее, чем мгновение назад, если такое вообще возможно. Мне жаль, что он услышал их слова. — Сидите здесь и сплетничаете, как кучка чертовых бездомных кошек?

Джулия фыркает.

— Как кучка че…

— Я ожидал этого от тебя, Джулс, но… Какого черта, мам? Вообще тебя не узнаю.

Конни отвечает лишь через мгновение, в воздухе на это время повисает молчание.

— Габриэль…

— Молли была нашей семьей. Молли была здесь, когда умер папа. А я не… не хочу заострять на этом внимание, но для того, что произошло

между нами, нужно было два человека, ясно? И Патрик — мой брат. Я по горло сыт этим дерьмом. Серьезно.

— Полегче, тигр, — нервно просит Джулия. Конни вообще ничего не говорит — а может, и говорит, я просто этого не слышу, ведь крепко прижимаю запястье ко рту, чтобы не зарыдать и не выдать себя.

Выскальзываю из ванной, когда слышу его шаги по коридору, и прикладываю палец к губам, заметив удивление и недоумение на его лице. Тащу его на кухню, прижимаю к стене и целую.

— Спасибо, — говорю ему, едва удерживая себя в руках.

Гейб качает головой и, переплетя свои пальцы с моими, сжимает руки.

— Идем, — говорит он и прикусывает мою нижнюю губу. — Ты слышала, что на улице вечеринка?

Около полуночи все постепенно начинает сворачиваться, ароматические свечи прогорают дотла, а Стиви Уандера сменяет Рэй Ламонтейн, тихо напевающий про Ханну и Джолин. Тесс недавно попрощалась с нами, ее волосы напоминали маяк на фоне черно-фиолетовой ночи. Вдалеке от костра холодно, по рукам и ногам

ползут мурашки.

Гейб, оставшись, возможно, впервые за весь вечер один, расположился на садовом стуле, небрежно держа в руке почти допитую бутылку пива. Выгибаю брови. Их родители никогда не были строгими, а когда умер Чак, Конни вообще махнула рукой на дисциплину — хотя, будь он жив, мне кажется, они бы все равно придерживались правила *«лучше дома, чем где-то еще»*. Но когда он выпрямляется, я понимаю, что он пьянее, чем разрешается для семейного междусобойчика.

— Привет, — говорю я ему, присев на край стула. — Мне, похоже, надо продумать альтернативный маршрут домой, да?

Гейб хмурится, изображая оцепенение, а потом улыбается.

— Мне… точно не стоит садиться за руль, — радостно говорит он, берет меня за руку и тянет к себе, тепло его тела проникает сквозь его футболку и мою. — Но я найду, кто тебя отвезет.

— Я могу взять твою машину, — предлагаю я. — А завтра верну ее перед работой или…

Гейб качает головой.

— Мне завтра открывать магазин, — сообщает он, а потом до него как будто доходит: — Уф, мне

завтра открывать магазин, вот я дурак, с похмелья же. Так, давай посмотрим…

— Я могу ее отвезти.

Я цепенею и, резко повернувшись в темноте, вижу Патрика, убравшего руки в карманы, с тем же тяжелым, незнакомым взглядом, к которому я уже привыкла, словно мы ни разу не спали летом на сеновале и не признавались друг другу в самых кошмарных страхах. Он почесывает укус комара на локте.

Чувствую, что бледнею, сидя на стуле. Я целенаправленно избегала его весь день, хотела дать ему как можно больше пространства — насколько это было возможно после того, как появилась на его вечеринке.

— Патрик, — я сглатываю, — ты не обязан этого делать.

Но он уже развернулся в сторону подъездной дорожки, в руке бряцают ключи от машины.

— Ты идешь? — зовет через плечо.

День 28

Судя по часам на приборной панели, я сажусь в «Бронко» рядом с Патриком в половину первого ночи и копошусь с ремнем, пока не слышу знакомый щелчок, как и миллион раз до этого. Именно об этой машине я думаю, когда вспоминаю семью Доннелли: в которой возила нас Конни, в которую мы забивались утром, чтобы в полудреме добраться до школы. Мы даже забирались на крышу и смотрели на кометы.

— Спасибо, что выручаешь меня, — говорю я, сглотнув странный ком воспоминаний, возникший в горле, когда Патрик выруливает с подъездной дорожки. — Правда, не стоило этого делать.

Он следит за дорогой, приборная панель отбрасывает на лицо красный свет. На его носу рассыпалось несколько веснушек.

— Знаю, — вот и весь его ответ.

Мы едем в тишине до самого маминого дома, радио выключено. По обеим сторонам дороги к обочине жмутся деревья. Фары широкими белыми полосами прорезают темноту. Больше машин

на дороге нет, только я и Патрик; открываю рот и снова беспомощно его закрываю. Что я могу сказать? Что могу сказать важного?

После, казалось бы, вечности Патрик заезжает на извилистую подъездную дорожку, «Бронко» останавливается сбоку от дома.

— Ну, вот, — говорит он, передернув плечами, руки свободно лежат на руле. Это его первые слова с тех пор, как мы выехали с фермы. — Увидимся, наверное.

— Ага. — Автоматически киваю, как робот или марионетка. — Хорошо. Спасибо. Серьезно. Я… Да, серьезно. Спасибо.

— Не за что, — бормочет Патрик. Он едва дожидается, когда я выйду из машины, и выезжает, но удивляет меня тем, что давит на тормоз на полпути к дороге.

— К черту все, — говорит он, выбравшись и захлопнув дверь «Бронко», и в три больших шага сокращает дистанцию между нами. — К черту все. Ненавижу это.

— Патрик. — Мое сердце колотится в горле, быстро и безумно. Я еще даже ни шага не сделала. — Какого черта?

Патрик качает головой.

– *Ненавижу* это, — повторяет он, оказавшись

возле меня — когда он так близко ко мне, я чувствую его запах, теплый и знакомый. — *Господи*, Молс, как ты можешь это терпеть? Просто сидя в одной машине с тобой, мне хочется содрать с себя кожу. Я, черт побери, ненавижу это. Правда.

Ошарашенно смотрю на него и не понимаю, это просто взрыв эмоций или направленный конкретно на меня. Не понимаю, что делать дальше: извиниться перед ним, накричать в ответ или поцеловать его крепко и открыто прямо там, где мы стоим.

Если он мне позволит. А если позволит? Почему часть меня хочет этого, хотя я чувствую, что влюбляюсь в Гейба?

— Я тоже это ненавижу, — наконец признаюсь я. Десять лет истории давят изнутри на грудную клетку, словно там расширяется время. В стотысячный раз жалею, что не знаю, как поступить правильно. — Мне так жаль, я…

— Я не хочу слышать твои извинения, Молс. — Господи, судя по голосу, он так измучен. И словно старше, чем мы есть на самом деле. — Я больше не хочу чувствовать это. — Патрик качает головой. — Хочу… хочу… — Он замолкает. — Забудь, — продолжает он, будто внезапно опомнился, будто очнулся ото сна. — Это было так глупо, не знаю. Я

хотел убедиться, что ты доберешься до дома, что ты дома. Как я и говорил, увидимся.

– *Подожди*, — говорю слишком громко, голос разносится по тихому двору. — Подожди.

Сажусь на землю там же, где и стою, влажная трава щекочет холодом мои ноги. И поворачиваюсь спиной.

— Иди сюда, — говорю, отвернувшись от него, как мы делали в детстве, когда надо было обсудить что-то важное или деликатное. — Присядь на секунду.

— Ты это сейчас серьезно? — спрашивает вместо этого он. — Я… Нет, Молли.

Пусть я его не вижу, но точно могу представить выражение лица с едва сдерживаемым раздражением, словно я ставлю нас обоих в неловкое положение. Но мне впервые наплевать. Откидываю голову назад, чтобы видеть лишь его макушку и волнистые волосы.

— Сделай мне на секунду одолжение, хорошо? — прошу я. — А после этого можешь снова меня ненавидеть, обещаю. Просто сделай одолжение.

Патрик очень долго смотрит на меня сверху вниз и хмурится. Затем вздыхает.

— Я тебя не ненавижу, — бормочет он и садит-

ся, прижавшись к моей спине своей, широкой и теплой.

Я втягиваю воздух.

— Нет? — спрашиваю, когда он устраивается на земле. Это наш первый физический контакт более чем за год. Я чувствую каждый его позвонок. Мы едва соприкасаемся — после такого уж точно не напишешь дурацкий любовный роман, но мое тело как будто все равно искрит, точно у меня нет кожи, и я чувствую его в своих органах и костях. Стараюсь вообще не шевелиться. — Не ненавидишь?

– *Нет*, — отвечает Патрик, а затем спешно произносит: — Мне не нравится, что ты с моим братом. — Он говорит это так быстро, что я понимаю — именно это он хотел высказать минуту назад. Техника «спина к спине» все еще работает. — Я просто… Я думаю о тебе с ним, и мне это… мне это не нравится.

Чувствую, как кровь бешено несется по моим венам. «*Что это значит?*» — хочу я спросить.

— А мне не нравится, что ты с Тесс, — говорю вместо этого, обращаясь к деревьям на другом конце участка. Рука Патрика упирается в траву недалеко от моей. — Раз уж мы озвучиваем свои недовольства.

— Не уверен, что ты можешь иметь мнение насчет меня и Тесс, — тут же говорит Патрик. Отодвигает от меня руку и слегка выпрямляется. Между нашими спинами врывается поток холодного воздуха.

— Мы не были вместе, — выпаливаю я, развернувшись и потеряв физический контакт. — Прекрати, Патрик. *Ты расстался со мной* до того, что произошло у меня с ним, помнишь?

Удивлена, что озвучила свои мысли, — никогда не думала об этом в таком ключе, потому что это похоже на оправдание. Но это реальность: Патрик не был моим парнем, когда в конце десятого класса я переспала с Гейбом. Мы ругались несколько месяцев после того, как я впервые озвучила желание уехать в Бристоль, а потом наконец зашли в тупик, и он сказал мне убираться. Но, когда дело касается нас двоих, детали не важны.

— Ты серьезно собираешься спорить со мной по этому вопросу? — спрашивает Патрик, все еще не глядя на меня. — Мы были вместе всю нашу жизнь, и он мой *брат*, а ты говоришь мне, это не имеет значения, потому что мы разошлись за пять минут до этого?

— Это не так… — Господи, ему как будто нравится все искажать, выставлять все так, словно

я пытаюсь отвертеться от того, что сделала. — Я не говорю…

— Ты целый год утаивала это от меня, — произносит Патрик с такой обидой, что сердце разрывается. — Целый год. Если бы твоя мама не написала эту чертову книгу, ты бы мне вообще рассказала? До того, как мы бы поженились, или когда? До рождения детей?

– *Патрик*, — говорю я и понимаю, что проиграла. Он прав — секрет был намного хуже сделанного, ведь каждый наш с ним день после этого был ложью самых грандиозных масштабов, миллионами частичек лжи, затвердевших, как корка, на вершине одной большой. В одиннадцатом классе на Рождество я выдумала грипп, чтобы не встречаться с Гейбом, вернувшимся из Нотр-Дама. Патрик тогда принес мне суп и диск с фильмом «Один дома».

Теперь я поворачиваюсь и снова прижимаюсь к нему плечами.

— Мне очень жаль.

— Все нормально. В смысле, нет. — Патрик выдыхает и ждет с минуту. Откидывается, и я чувствую, как он дышит. — Значит, мы квиты, ты это имеешь в виду?

Лишь через минуту понимаю, что он вернулся

к началу, что говорит обо мне и Гейбе против себя и Тесс. Качаю головой, хотя он меня не видит — возможно, он почувствует, и этого достаточно.

— Не сказала бы, что мы квиты.

— Ну, вот, — говорит Патрик, и мне кажется, он чуть сильнее прижимается к моей спине, словно дает понять — я еще здесь. — И я так думаю.

Мы сидим так долго. Среди деревьев общаются сверчки. Вдали лает собака, а Оскар отвечает ей. У меня урчит в животе, и Патрик фыркает.

— Заткнись, — автоматически говорю я, толкнув его локтем. Патрик на секунду хватает его, а потом отпускает.

— И что нам теперь делать? — тихо спрашиваю я.

— Не знаю, — отвечает Патрик. Считая этот эксперимент глупостью, он ни разу не повернулся: интересно, боялся ли он этого так же, как и я? Ведь мне казалось, если я увижу его лицо, разрушатся не только чары, но и ночь, уединенность и ощущение дома. — Понятия не имею.

— Можно попытаться быть друзьями, — наконец предлагаю я, чувствуя, что приближаюсь опасно близко к обрыву, словно сейчас потеряю больше, чем двадцать минут назад. Если он снова от меня закроется, это станет концом. — В смыс-

ле, я не уверена, что у нас это получится, но… мы могли бы попробовать.

Теперь Патрик поворачивается ко мне лицом; я тоже, когда чувствую движение. Его серые глаза сосредотачиваются на моих.

— Ты хочешь остаться друзьями? — спрашивает он, на губах появляется слабый намек на улыбку. — Серьезно?

— Если ты не против, — пожимаю плечами, — не знаю.

— Да. — Патрик качает головой и поднимается, будто убедившись в чем-то. — Ты никогда не знала. — А потом продолжает, пока я не возразила ему: — Да, Молс, давай дружить. Попробуем. — Идет обратно к «Бронко». — Хуже, чем сейчас, быть не может.

День 29

На пробежке выбираю другой маршрут, ближе к трассе и мимо странных пережитков провальной реконструкции Стар-Лейк в 1980-х годах: «Макдоналдса», семейного аквапарка под названием Splash Time, который напрашивался на судебный процесс, еще когда мне было пять, и кинотеатра «Супер 8» с неухоженной лужайкой, вмещающей сломанный фонтан и воткнутую в землю табличку «ПРОДАЖА БЕЗ ПОСРЕДНИКА». Я настолько поглощена мыслями о Патрике — к этому моменту я больше суток думала о нем, о том мгновении перед моим домом и обо всем, что это могло или не могло значить, — что меня озаряет лишь по пути обратно, когда я с трудом преодолеваю последние пару миль.

«ПРОДАЖА БЕЗ ПОСРЕДНИКА».

Ничего себе. Интересно, то, что внутри, тоже продается?

Вероятно, умнее всего добраться до дома и позвонить им, как взрослый человек, но правда в том, что теперь я вся в нетерпении, маленькое пламя адреналина пробирается по моим венам.

Пересекаю почти пустую парковку и иду через серый опустевший холл к столу, за которым сгорбился сонный клерк.

— Вам помочь? — произносит он скучным голосом, дважды моргнув.

Глубоко вдыхаю.

— Здравствуйте, — говорю я и вытягиваю руку, приклеивая к красному, потному лицу улыбку «давайте-заключим-сделку». — Я Молли Барлоу из гостиницы Стар-Лейк. Я надеялась поговорить с кем-нибудь насчет покупки ваших телевизоров.

— О, какая ты умница, — говорит Пенн, улыбаясь мне из-за стола, когда я отчитываюсь об утреннем успехе: мы можем получить сорок телевизоров с плоскими экранами последней модели и вывезти их уже к следующим выходным. Оказывается, их владельца вот-вот лишат права выкупа заложенного имущества. Нехорошо наживаться на чужом горе, но я все равно улыбаюсь, когда она продолжает: — Ты *молодец*.

Я вдруг смущаюсь, ведь не привыкла к похвале.

— Да это такая ерунда, правда.

— Не делай так, — советует Пенн, качая головой. — Не преуменьшай значение того, что здесь

сделала. Ты увидела возможность, взяла инициативу в свои руки и проделала работу. Ты меня впечатлила, детка. И должна гордиться собой.

— Я… — Качаю головой, покраснев. — Хорошо. Спасибо вам.

— Ты это заслужила. — Пенн с любопытством смотрит на меня поверх чашки кофе. — Молли, кстати, что будешь изучать осенью? — спрашивает она. — Ты мне об этом говорила?

Я качаю головой.

— Я сама еще не определилась. — Передергиваю плечами. — Не знаю, чем хочу заниматься.

Пенн кивает, будто это нисколько не необычно, что я ценю. Такое ощущение, что все, кого я знаю, на сто процентов уверены в том, к чему идут: Имоджен поедет в школу искусств, Гейб вернется к занятиям по органической химии. Практически все девчонки из моего выпускного класса в Бристоле записывались на специализированные программы, такие как техническое проектирование, политология и литература. Мне часто кажется, что я одна до сих пор потеряна.

— В Бостонском университете ведь есть программа по изучению бизнеса? — спрашивает она.

— Угу, — киваю в ответ, не уверенная, к чему

она ведет. Меня всегда спрашивают, хочу ли я быть писателем, как моя мама. — Кажется, да, есть.

Пенн кивает.

— Тебе стоит об этом подумать, — советует она. — У тебя отлично получается то, чем ты занимаешься здесь. Ты должна это понимать. Ты прекрасно справляешься.

Я широко и счастливо улыбаюсь. Давно не чувствовала себя настолько хорошо.

— Вы тоже прекрасно справляетесь, — наконец говорю Пенн и выхожу в лобби проверить, что еще необходимо сделать.

День 30

Мама уехала в Нью-Йорк для встречи с редактором и участия в телешоу «Доброе утро, Америка», где будет продвигать свою книгу «Дрейфующая» в мягкой обложке. Поэтому Гейб приносит из магазина пиццу, и мы устраиваем марафон по «Индиане Джонсу». Я не видела его с той вечеринки. Мы не оставались наедине почти неделю.

— Уверена, что хочешь это смотреть? — спрашивает он, устраиваясь на мягком кожаном диване и улыбаясь с полным ртом. Когда он приехал, мы полчаса целовались на кухне, мои руки сжимали его волнистые спутанные волосы, его теплый рот умело ласкал мой. Гейб отлично знает, как целоваться. Он склонил голову, чтобы добраться до моей ключицы и груди, а я изо всех сил пыталась выкинуть Патрика из головы. *Мне не нравится, что ты с моим братом.* Я продолжаю вспоминать тот момент на лужайке. — Может, ты собиралась посмотреть какой-нибудь документальный фильм про допинг или почву Западной Африки?

— Я уже оба посмотрела, — радостно сообщаю

ему. Я приоделась перед его приходом — в обтягивающие джинсы и топик с глубоким декольте, на запястье два тонких золотых браслета. С Патриком я лишь носила обычные рваные джинсы и фланелевые рубашки, но с Гейбом мне почему-то хочется одеваться соответственно. Даже приятно прилагать усилия. — Но я все собиралась добраться до фильма про косаток из океанариума.

— Ну ты и ботаник. — Гейб закидывает руку на мои плечи и тянет меня к себе в полутьме: лишь одна лампа от «Тиффани» освещает комнату теплым светом. А потом он поворачивается ко мне. — Эй, как все прошло тем вечером с моим братом? — спрашивает он, слегка нахмурившись. — Я имею в виду, в машине. Извини, я тогда подставил тебя, да? Не понимал, насколько сильно пьян, пока не напился в хлам.

— Нет-нет, — протестую я, — все прошло хорошо. — Делаю паузу, желая перестраховаться, и не понимаю, почему. — Мы хорошо поболтали.

— Да? — Гейб улыбается, снова и снова проводя пальцами по лямке топика. — Я знал, что он в итоге успокоится.

— Я… Да. — Не знаю, можно ли сказать по произошедшему тем вечером, что Патрик успокоился, но не понимаю, как объяснить это Гейбу

и хочу ли этого вообще. — Да, — неубедительно заканчиваю я.

Кажется, Гейб не замечает моей неуверенности, и слава богу; он снова целует меня, спешит завладеть моим ртом, пока я не начинаю задыхаться. Никогда вот так не целовалась с парнями. Его теплая и тяжелая рука лежит на моей талии — я беспокоилась, что он увидит какую-нибудь неприкрытую часть моего тела. Несмотря на весь бег, я все равно кажусь себе мягкой и рыхлой, но он так медленно и легко поднимает мой топик, а я так отвлечена, что замечаю это, лишь когда все происходит. Кончики его пальцев разжигают маленькие фейерверки на моей коже.

— Господи, — бормочу я в его губы, тяжело дыша и оттого смущаясь. Грудь едва поспевает двигаться вслед за дыханием.

— Так хорошо? — спрашивает Гейб.

Я киваю — мне нравится, что он спрашивает. Чувствую запах соли и древесного мыла. За его плечом Инди бежит от валуна, слышится знакомая музыка.

— Это самая интересная часть, — тихонько бормочу я и закрываю глаза, чтобы он снова меня поцеловал.

День 31

Когда я показываюсь у пиццерии, Конни разворачивает горшки с цветами, желтое солнце бьет мне в спину.

— Привет, Молли, — удивленно говорит она, когда видит меня; до этого дня я держалась подальше от магазина. Бабочки в моей груди размахивают бумажными крыльями.

— Здравствуйте, Кон, — отвечаю я.

— Привет, Молли, — повторяет она с нейтральным выражением лица, словно красит стены в больнице. — Гейба здесь нет.

Я киваю, стараясь подражать ее безэмоциональности. Конечно, я знала, что парни сейчас работают в разные смены, что проводят вместе как можно меньше времени. Что почти не разговаривают друг с другом, и это моя вина.

— Я пришла за пиццей.

Да, возможно, кусок с колбаской и перцем — мое прикрытие, но я вижу нужного мне брата за стойкой в запачканном соусом фартуке, посыпающим круг сырого теста тертым сыром. Патрику нравится готовить пироги, по крайней мере, так

было раньше. Он говорил, его это успокаивало.

— Привет, — тихо здороваюсь я, не желая его напугать; в этот час в магазине довольно пусто, лишь ребенок в углу играет на автомате в «Пакмана» да из колонок слышится шипение радиостанции. И добавляю по глупости и чуть запоздало: — Приятель.

Патрик закатывает глаза.

— Привет, подруга, — отвечает он, уголки его рта подергиваются: это не совсем улыбка, но так близко я к ней пока не подбиралась. Он теперь еще больше похож на папу, чем раньше. Я рефлекторно улыбаюсь. — Как дела?

— Ох, знаешь, — передергиваю плечами, засунув руки в карманы, — как обычно. Задаю жару, жить не могу без пиццы.

— Ага, — усмехается Патрик.

Когда мы были вместе, он дразнил меня из-за того, что я на нервах начинала плоско шутить, пока кто-то меня не затыкал. Он смотрит на меня. И ждет.

Я гримасничаю: он не сдастся так легко со всей этой *дружбой*. Кажется, это не его случай. Снова пытаюсь.

— Ты же идешь на «Падающую звезду»? — спрашиваю я. Фестиваль начнется через несколько

дней. В горах Катскилл развернется неубедительная пародия на «Горящего человека»[6]: куча подростков разобьет лагерь, скурит всю имеющуюся у них травку и будет слушать, как никому не известная группа снова и снова проигрывает одни и те же три песни O.A.R. Однажды мы даже ездили туда на денек большой компанией — после случившегося между мной и Гейбом, но до выхода книги, и я помню, как веселилась, пусть даже один солнечный день. — Я имею в виду, ты и Тесс?

Патрик кивает, завершив работу с сыром и отправив пирог в духовку. Он чуть ниже брата и более мускулистый. Прислоняет лопатку к стене.

— Похоже на то. Она хочет взглянуть.

— Ну, тогда отлично. Я тоже. Поэтому, — неловко пожимаю плечами, — похоже, увидимся там.

В этот раз Патрик действительно улыбается, наверное, из-за того, что я бубню, но меня сейчас и это устраивает.

---

[6] Примечания: 6

Ежегодное восьмидневное событие, происходящее в пустыне Блэк-Рок. Кульминация происходит в субботу после заката, когда сжигают огромную деревянную статую человека.

День 32

— Привет, — здоровается Тесс утром на работе, отыскав меня в коридоре столовой, где я поправляю черно-белые фотографии Стар-Лейк, которые почему-то любит сдвигать Фабиан. — Наверное, это глупый вопрос, но… что надевают на «Падающую звезду»?

Я улыбаюсь.

— Хочешь знать, понадобятся ли джинсы клеш и плетеные украшения? — спрашиваю ее, отступив проверить, ровно ли висит рамка. — Нет, твоя одежда сойдет. Если не хочешь поучаствовать в групповом сексе; тогда нужен особый дресс-код.

— Ага, для оргии. — Тесс смеется. — Я скорее склонялась к шортам и чему-то такому простому. В смысле, это всего лишь кемпинг, туда же не понадобится платье?

— Я платье точно не буду надевать, — заверяю ее. — Но если спросить у Имоджен, она скажет, что я одеваюсь, как пацан, поэтому… возможно, тебе лучше задать этот вопрос ей.

— Заткнись, ты выглядишь круто. Хорошо, — говорит она, пока я не успела отреагировать на

комплимент. — Спасибо, Молли. — Она поворачивается, чтобы уйти, но в последнюю секунду разворачивается. — Слушай, — продолжает она, — тебе это не кажется странным? — Жестикулирует, словно слово «это» — весь мир. — Я имею в виду, что поедем мы все.

— Совсем нет, — заверяю ее, хотя не могу представить, чтобы было как-то иначе. Интересно, рассказал ли ей Патрик о нашем разговоре на лужайке. Интересно, подозрительно ли, что я не рассказала Гейбу. — Конечно, нет.

— Тогда отлично. — Тесс кивает. — Извини, что мы тогда мало пообщались на вечеринке, — продолжает она. — Знаю, Джулия была не особо приветлива. — Она колеблется, будто не уверена, пересекает ли черту, но я ничего не успеваю сказать, потому что она говорит дальше: — Я рада, что ты едешь.

Смотрю на веснушчатое лицо Тесс, открытое и застывшее в ожидании; правда, эту девушку невозможно ненавидеть. Богом клянусь, мне так хочется с ней дружить.

— И я тоже рада, что ты едешь.

День 33

Красавчик Джей приедет на фестиваль только завтра, поэтому мы с Гейбом и Имоджен вместе отправляемся в горы, полтора часа петляя по дороге. Я беспокоюсь, что поездка пройдет жутко неловко — по правде говоря, переживаю, что весь отдых таким и будет. Представляю, что все превратится в какой-то растянувшийся ночной кошмар/двойное свидание, и все знакомые станут свидетелями кровавой бойни. Но Гейб и Имоджен любят поболтать, и не успевает она устроиться на заднем сиденье универсала, как они принимаются обсуждать новый альбом Канье Уэста. После этого их разговор переходит на распутного инструктора по вождению в старшей школе и ужасное новое кафе с сэндвичами возле «Френч Роуст», которое Гейб называет «раем туфты». Я выдыхаю и откидываюсь на спинку сиденья, с радостью слушая их разговор.

— Красавчик Джей сегодня работает? — спрашиваю Имоджен, повернувшись к ней. На ее шее красуется винтажный шарфик, словно она — Элизабет Тейлор, снимающаяся в каком-то

старом фильме, солнечные очки скрывают половину лица. Она выглядит чересчур гламурно для кемпинга, но он всегда ей нравился, еще с тех времен, когда мы маленькими строили крепость на коврике в ее гостиной. Именно она начала ездить на фестиваль «Падающая звезда».

— Ага, — говорит она, театрально вздохнув, а потом смотрит на меня поверх ободка очков. — Кстати, а это не *ты* составляешь расписание?

— Не кухонное! — защищаюсь я. — Только стойки регистрации и персонала.

— Конечно, конечно, — усмехается Имоджен. Чуть подается вперед и кивает на мой пакетик с лакричными конфетами. — Передашь назад?

– *М-хм*. Кстати, как дела? — спрашиваю я, как только она загребает конфеты из пакетика и отрывает кусок от полоски. — У тебя и Красавчика Джея.

— Все просто *отли-и-и-ично*, — отвечает Имоджен, хохотнув. — Кстати, он как-то водил меня в «Сейдж».

— Изысканно! — восклицаю я. «Сейдж» — единственное, кроме столовой в гостинице, место в Стар-Лейк, где столы накрывают белыми скатертями. Раньше мама водила меня туда на день рождения, но пойти с парнем — совершенно

другое.

— Да? — говорит Имоджен. — Знаю, это всего лишь мимолетное увлечение, мы же здесь до конца лета, но… он мне *нравится*. — Она смотрит на Гейба и слегка морщит нос. — Извини, — продолжает она, — тебе это докучает?

— Нет-нет. — Гейб искренне качает головой, — разговаривайте, сколько хотите.

Имоджен улыбается.

— Ну, в таком случае, начну, — говорит она и принимается рассказывать. Я тянусь и сжимаю колено Гейба, молча гордясь тем, как между нами все просто.

Почти… нормально.

Имоджен радостно болтает о семье Джея, о его отце, которому нравится рисовать. И я вдруг вспоминаю, как столкнулась с ней утром после секса с Гейбом — я тогда еще не разговаривала с Патриком, мамой или кем-то еще, все утро бродила, как в густом тумане. Ее улыбки с другого конца коридора, ее платья в цветочек и туфель с пробковыми каблуками было достаточно, чтобы я сглотнула слезы.

— Доброе утро, солнце, — радостно сказала Имоджен. Она никогда не носила рюкзак. Считала, что это не женственно. — Что стряслось?

Не будь так ко мне добра, хотелось сказать ей. *Не будь так ко мне добра, я — ужасный человек, я совершила самый отвратительный поступок, что только могла совершить.* Сначала я хотела рассказать все Имоджен, излить свою душу несмотря на то, к чему это приведет, отступить и посмотреть на чудовищность этой ситуации, словно на самое уродливое в мире произведение искусства.

Но потом поняла, что никому не хотела признаваться.

— Ничего, — ответила я, решительно качая головой. — Доброе утро.

Съезжаем на грязную автозаправку, мимо проносятся машины, забитые до отказа чемоданами и туристским снаряжением. Сейчас середина лета, время отпусков. Жарко.

— Можно я тебе кое-что скажу? — спрашивает меня Имоджен, пока мы стоим в очереди в вызывающий сомнения туалет. — Кажется, ты очень счастлива.

— Правда? — Удивленно моргаю — впервые с моего возвращения сюда меня описали именно такой. Даже впервые более чем за год. И я, услышав это, испытываю странное ощущение неправильности, как будто не так произнесли

мое имя.

Имоджен смеется.

— Да, — говорит она. — Правда. Так сложно поверить?

— Я… вообще-то, нет. Наверное, нет.

Смотрю на Гейба, который заправляет машину. Он ловит мой взгляд и улыбается. Я вспоминаю его дурацкие истории, как он общается с каждым жителем нашего города; думаю о том, что он знает все изъяны моего тела и все равно принимает меня такой, что не разочарован в той, кем я стала. Я все еще нервничаю из-за этих выходных — уф, всего лишь мысль о встрече с Патриком и Тесс заставляет мой желудок делать кульбит, — но сейчас здесь, непонятно где, с Гейбом и Имоджен я радуюсь, что согласилась поехать.

Бензоколонка с громким щелчком прекращает работать.

— Я счастлива, — говорю Имоджен, подставив лицо солнечным лучам.

День 34

К следующему дню фестиваль набирает обороты, кемпинг забит до отказа. В воздухе висят тяжелые запахи травки, крема от загара и гриля. Девчонки в бикини отдыхают на камнях, а парень с дредами постоянно бренчит на гитаре. Этим утром мы с Имоджен приготовили на костре совершенно отвратительный кофе, а потом сдались, сели в универсал Гейба и через двадцать минут были в ближайшем городе: я купила кофе и для него и поводила стаканом под его носом, пока он спал в нашей палатке.

— Ты — моя героиня, — сказал он, и я засмеялась.

Теперь мы сбились вокруг пары столов, едим чипсы и играем в покер, сжимая в руках долларовые банкноты — я и Гейб, Келси и Стив, которые пришли к нам со своей лагерной стоянки, и Красавчик Джей, приехавший после завтрака в гостинице этим утром. Даже Патрик и Тесс играют, ее рыжие волосы спутанной косой перекинуты через плечо. Она похожа на девушку из каталога женской одежды — простовато и

непринужденно. Я грызу заусенцы и попиваю воду из бутылки, стараясь не обращать внимания на руку Патрика на ее колене. Они прибыли прошлым вечером и не спеша подошли к костру. Тесс обняла меня в знак приветствия, а Патрик завис в тени.

— Привет, — сказала я ему, обратив на это внимание. Мы же решили попробовать стать друзьями, верно?

Патрик лишь посмотрел на меня, как ни в чем не бывало.

— И тебе привет, — ответил он так тихо, что расслышала только я.

Гейб вскрывает три десятки, победную комбинацию, и мы все беззлобно ворчим и скидываем карты на деревянный стол.

— Спасибо, спасибо, — торжественно благодарит он и, преувеличенно размахивая руками, тянется к призу.

— Ой, нет, подожди секундочку, — говорит Имоджен, пока Джей не убрал колоду. — У Патрика ведь фулл хаус?

Патрик поднимает голову, а потом изумленно смотрит на стол — он играл в забытье, потерялся в Патриклэнде, пока остальные тусовались здесь, на Земле. А потом улыбается.

— О, обалдеть, да.

Тянется к деньгам, но брат останавливает его.

— Секундочку, — говорит Гейб, качая головой. — Разве не так играется: не замечаешь, не берешь приз?

Патрик кривится, как бы говоря «*неплохая попытка*».

— Я так не думаю, чувак.

Гейб хмурится.

— Я лишь говорю, что ты совсем не играешь, о твоем выигрыше пришлось сказать другому человеку…

— Да, хорошо, но я выиграл, — парирует Патрик, в его голосе слышатся резкие нотки, которые даже не заметишь, если не знаешь его вечность. Но я-то знаю его очень давно. Переступаю с ноги на ногу. Мне не нравится, к чему все идет.

И Гейбу тоже.

— Чувак, мы же говорим о двадцати баксах, — напоминает он и качает головой, словно Патрик ведет себя глупо.

— Чувак, это вроде как мои двадцать баксов.

Дерьмо. Патрик в точности повторяет его тон, а это значит, что таким образом пытается как можно быстрее вывести Гейба. И у него, конечно, получается.

— С чего ты так взъелся? — спрашивает Гейб, прищурившись.

— С чего *я* так взъелся? — спрашивает он рассерженно, будто дело совсем не в двадцати баксах. Я морщусь. — Ты *не* победил, бро. Понимаю, это противоречит твоему пониманию вселенной, но…

— Да, твое поведение, как у стервы, противоречит моему пониманию вселенной, — перебивает его Гейб.

— Хочешь обсудить, кто у нас тут ведет себя, как…

— Я оставила очки в машине, — вдруг объявляю я и встаю так быстро, что чуть не опрокидываю стол. — Схожу за ними.

— Молли, — начинает Гейб более раздраженно, чем я привыкла. — Тебе не стоит…

— Нет, нет, я сейчас вернусь. — Понимаю, что это отмазка, но сидеть здесь и слушать их спор сродни параличу, когда по обнаженному телу ползают сороконожки. Я не могу с этим справиться, не хватит духа. Мне надо уйти.

— Тебе составить компанию? — спрашивает Имоджен.

— Нет, все нормально.

Довольно быстро срываюсь с места, но по-

вышенные голоса уже привлекли внимание Джулии; прохожу мимо нее — она поднимается со старого пледа, на котором в компании Элизабет Риз читала журналы.

— Ты только что начала очередную войну между моими братьями? — спрашивает она, качая головой, будто поверить не может. — Серьезно?

— Я… нет, — защищаюсь. — Господи, Джулия. Они играют в дурацкую игру.

— Ага, — говорит она, проходя мимо, — конечно.

По дороге к парковке замечаю Джейка и Энни из гостиницы с какой-то сложной установкой с генератором, смутно вспоминаю, что Джейк — скаут. Он работает на стойке регистрации, поэтому его я вижу чаще Энни, работающей спасателем.

— Привет, Молли, — зовет он. — Хочешь пива?

Я почти соглашаюсь, но как только он озвучивает свое предложение, Энни бросает на него такой взгляд, который мог бы выжать воду из камня, поэтому качаю головой. *Клянусь, что мне не нужен твой парень*, хочется сказать мне.

Вместо этого достаю из универсала солнечные очки и присаживаюсь на бампер, стараясь глубоко дышать и слегка успокоиться. Разумом

понимаю, что это не совсем моя вина: Патрик и Гейб никогда не были особо дружны, даже до случившегося. Когда мы были маленькими, их отношения ничем не отличались от других, но после смерти Чака они как будто резко разошлись в разные стороны, например, даже не ездили вместе в одной машине. Гейб стал непомерно общительным, будто считал, что, если его круглые сутки будут окружать друзья, он никогда не останется один. Патрик же поступил как раз наоборот: не хотел общаться с теми, кому Чак в свое время не дал прозвище, не хотел тусоваться или заниматься чем-то еще, кроме как сидеть со мной в сарае или его комнате и кутаться в плед. Иногда к просмотру с нами фильмов присоединялась Джулия, но чаще всего казалось, что другие просто не понимали, что произошло.

— У него умер папа, — заявила я на жалобу Имоджен, что в последнее время динамила ее.

— Да, год назад, — парировала она.

Я не знала, как на такое ответить. Всегда понимала, что отчужденность Патрика каким-то образом влияет на окружающий мир. Для меня это выглядело по-другому, ведь Патрик был моим человеком, моей второй половинкой. И я ни разу не почувствовала, что увязла, отрезана от

мира или должна заняться чем-то еще, никогда не думала, что хочу оказаться в каком-то другом месте.

Так было, пока не случилось *это*.

Все произошло через несколько недель после моей встречи с рекрутером из Бристоля. В апреле десятого учебного года я получила от нее еще один е-мейл: *Просто хотела еще раз сказать, что мне было приятно с тобой пообщаться*. Я ответила ей, задала еще несколько вопросов. Я не поднимала тему с Патриком, но мысль об этом нестерпимо колола меня, словно этикетка дешевой хлопковой футболки или крошечный осколок стекла в туфле. Я никогда не испытывала таких странных чувств, как будто должна была сказать то, о чем он не хотел слышать. Такого со мной никогда раньше не случалось.

Я попыталась выкинуть это из головы, что было довольно легко, ведь Патрик прокладывал дорожку из поцелуев по моей шее; мы устроились на диване в их гостиной и убивали время перед бейсбольной игрой в школе. В доме, кроме нас, никого не было. Его теплые пальцы заскользили по моей груди, по все еще плоскому животу и неуверенно завозились с пуговицей на моих джинсах. Я втянула воздух. Несмотря на продолжительность

наших отношений, дальше этого мы ни разу не заходили, и каждый сантиметр моей кожи при его прикосновении обжигало льдом.

— Что думаешь? — тихо пробормотал он мне на ухо. — Хочешь подняться?

Я правда хотела, хотела, чтобы он продолжал это делать, хотела видеть на кровати его знакомое лицо, тело и смятую футболку.

— Да, — ответила я. — Да, хочу, только можно я сначала… — Глубоко вдохнула, и у меня слегка закружилась голова. Мы действительно собирались заняться тем, о чем я думала? — Только можно я сначала пописаю?

Патрик засмеялся.

— Конечно. — Он поднялся с дивана и поправил штаны. Затем взял меня за руку и поднял. — У тебя есть гигиеническая помада?

— Ха, что, слишком много целовался? — улыбнулась я. — Да, в рюкзаке.

— Засранка.

— И ты меня любишь, — крикнула я через плечо, уверенная в том, что он и правда любил и всегда будет; но, когда я через минуту вернулась, его мрачность погрузила меня в сомнение.

— Что это? — спросил он, поднимая распечатанный листок.

Дерьмо. Он нашел в моем рюкзаке переписку с рекрутером: я распечатала ее в школе, чтобы на выходных показать маме.

Я глубоко вдохнула.

— Патрик…

— Ты поедешь? — спросил он, за три секунды полностью выйдя из себя. — В Аризону?

— Нет! — ответила я, желая как можно быстрее его успокоить и вернуться к тому, что чувствовала минуту назад, к ощущению безопасности и волнения. — В смысле, возможно, нет, я лишь хотела…

– *Возможно*, нет?

— Я не знаю! — воскликнула я. — Я собиралась поговорить об этом с тобой, хотела поговорить, просто…

— Решила вместо этого всю неделю врать мне?

— Эй, ребята. — В дверном проеме, постучав дважды по дереву, словно понимал, что мешает чему-то, но хотел предупредить о своем присутствии, замер Гейб. — Вы готовы ехать?

— Ох, черт, сколько времени? — Я посмотрела на Гейба, а потом перевела взгляд на часы на телевизионной приставке и покраснела при мысли, что он слышал наш спор. Он должен был отвезти нас на игру. А я совершенно потеряла

счет времени. — Нам пора, да?

— Еще есть немного времени, — заверил Гейб меня. Он через месяц заканчивал школу. — Игра начнется в семь.

Я посмотрела на каменное лицо Патрика, затем снова на его старшего брата.

— Знаю, но я сказала Имоджен, мы приедем пораньше. — Спорт в нашей школе не находился на первом месте, но местная бейсбольная команда вышла в плей-офф, и об этом пятничном вечере мы говорили всю неделю. Джулия состояла в группе поддержки, а Энни и художественный кружок подготовили кучу плакатов; после мы собирались поужинать блинами. Я давно уже ни с кем не тусовалась и начала замечать странную боль, словно мои друзья отдалялись от меня, хотя всегда были рядом. Словно какая-то скрытая часть меня уже готовилась покинуть свое место. Я глубоко вдохнула и посмотрела на Патрика, в знак примирения положив руку на его запястье. Попыталась передать ему телепатически: «*Пожалуйста, давай отложим этот разговор?*»

— Идем, — громко сказала я. — Давайте готовиться.

— А если нам пропустить? — спросил Патрик, стоя смирно и скрестив руки на груди. На улице

еще было прохладно, и он надел мою любимую легкую толстовку, серую и мягкую.

— Пропустить? — повторила я. — Зачем нам пропускать?

— Не знаю. — Патрик бросил взгляд на брата и покачал головой. — Тебе не кажется, что это глупо?

— Нет, — ответила я. — Вообще-то, я хочу сходить.

— А я… хочу остаться здесь.

— Оу, неприятности в раю, — поддразнил Гейб. — Ладно, ребят, выясняйте. А я пойду переодену футболку. Поезд отходит от станции через пять минут.

Я устроилась на подлокотнике лицом к Патрику.

— Извини, хорошо? Я никуда не поеду, обещаю. Вела себя глупо, надо было рассказать тебе, что думаю об этом. Но теперь я об этом не думаю.

Я считала, это все исправит, что мы снова вернемся в веселый и нормальный вечер, но Патрик вздохнул.

— Я считаю, это глупо, — сказал он, игнорируя мои слова насчет Бристоля, будто мы полностью переключились на другой разговор. — Мне кажется скучным и неправильным тусоваться с

людьми, которые мне даже не нравятся, и болеть за бейсбольную команду, на которую мне совершенно плевать. Мне не хочется ехать.

— Они *наши друзья*, — парировала я. — С каких это пор тебе не нравятся наши друзья?

— Мне нравятся наши друзья, — ответил Патрик, качая головой. — Не знаю. — Он снова сел и, подняв с дивана пульт, принялся переключать каналы. — Слушай, сейчас начнется фильм про питбулей и преступников. Как можно отказаться от его просмотра?

– *Патрик*, — сказала я, неловко посмеиваясь — он шутил, но при этом не шутил. Хотел, чтобы я пренебрегла нашими друзьями и бейсболом и осталась здесь.

Пренебрегла Бристолем и тоже осталась здесь.

Господи, мысль о том, чтобы провести здесь весь вечер и смотреть очередную серию «Как я встретил вашу маму», вдруг лишила меня дыхания, воздух в доме стал спертым. Мы проводили таким образом почти все пятницы, и меня это никогда не беспокоило, но сейчас вдруг захотелось закричать.

В этот момент у двери снова показался Гейб, в куртке и с ключами в руке.

— Вы разобрались? — Он по очереди посмотрел

на нас, безусловно понимая, что мы не разобрались. И скривился, явно не собираясь в это вмешиваться. — Молли, если мой брат ведет себя, как заноза в заднице, я могу подвезти тебя.

— Пошел ты, — пробормотал Патрик.

— Нет, — ответила я, — он не…

— Да езжай уже, — грубо сказал Патрик. — Серьезно, хочешь поехать с Гейбом, езжай. Я не твой начальник.

— Я… — Моя нога неуверенно коснулась пола. Мы должны были в десять встретиться с Имоджен. — Поехали, Патрик, не надо…

— Господи, Молли, ты можешь не раздувать из мухи слона? — Патрик раздраженно выдохнул. — Завтра увидимся.

Меня разозлило, что он разговаривал так со мной на глазах у брата. Что вообще так разговаривал со мной. Почувствовала, как от стыда и злости начинают пылать щеки. Мы с *Патриком* всегда были одним целым — ячейкой, шли в комплекте, находились на одной стороне дороги, а все остальные — на другой. И никогда не ссорились на глазах у других.

Очевидно, теперь все изменилось.

Если он выбрал такой стиль поведения, я не собиралась сидеть здесь и портить себе вечер,

пытаясь его уговорить.

— Отлично, — сказала я, схватила с пола рюкзак и закинула на плечо. Затем посмотрела на Гейба и улыбнулась. — Готов?

Вернувшись в лагерь, отмечаю, что все улеглось. Патрик и Тесс ушли, а к нам присоединились Джейк и Энни. Карты скинуты в центр стола. Гейб отделяется от толпы, заметив меня.

— Эй, — говорит он и закидывает теплую тяжелую руку на мое плечо. — Взяла очки?

— Ага. — Меня немного удивляет, что он рад забыть о сцене, из-за которой я ушла. — Все в порядке?

— Что? Ты про брата? — Гейб пожимает плечами. — Да, все в порядке. Ты знаешь, какой он, ведет себя, как идиот.

Меня это останавливает. Да, может, это была ерунда, но Патрик выиграл по картам. Помню, как давным-давно он жаловался на Гейба, когда мы босые лежали на полу сарая:

— Все считают, брат не злится из-за всякой фигни, но он не злится из-за нее потому, что всегда добивается своего.

Именно это сейчас произошло? — задаюсь я вопросом.

Но вслух об этом не говорю, просто мычу и

переплетаю его пальцы со своими.

— Мы поиграем во фрисби, — говорит Гейб. — Ты с нами?

Качаю головой, вдруг чувствуя себя уставшей — возможно, из-за жары, а может, слегка подавляет то, что мы снова все вместе, как раньше и одновременно по-другому.

— Я, наверное, вздремну, — отвечаю ему, а потом вдруг чувствую себя виноватой. Разве не так я поступала, когда встречалась с Патриком, — избегала друзей? Помню, как говорила ему в тот последний раз, когда мы были здесь вместе: *«Мы приехали сюда потусоваться с нашими друзьями. Может, нам пора этим заняться?»* — А ты что думаешь? Я могу собраться с силами.

Но Гейб не расстроился.

— Нет, отдохни, — говорит он и прижимается губами к моему лбу. — В любом случае костер мы разожжем чуть позже, ночка будет бессонная.

— Хорошо, — говорю ему и склоняю голову, чтобы следующий поцелуй пришелся на губы, а не на лоб. — Я немножко.

Беру у Имоджен большое покрывало в цветочек и устраиваюсь под солнцем, не обращая внимания на пекло. Довольно долго приходится укладываться поудобнее. Не могу перестать ду-

мать о том вечере с игрой, о странном запоздалом чувстве, появившемся, когда оставила Патрика в гостиной и вышла вслед за Гейбом в заднюю дверь дома. Это *побег из тюрьмы*, подумала я, но тут же возненавидела себя за это.

Была ранняя весна. Когда солнце исчезало за горами, окрашивая горизонт в голубой и фиолетовый, воздух становился морозным.

— Можешь выключить, — сказал Гейб, когда в «Бронко» заиграла радиостанция, где часто крутят Кэрри Андервуд. — Кажется, ее слушала Джулия.

— Так я и поверила, — поддразнила я, но мне сразу же стало неловко. Я сложила руки между бедер и посмотрела в окно. Попыталась вспомнить, когда в последний раз оставалась с Гейбом наедине, и не смогла. Подумала о Патрике, который остался дома. Наверное, я совершила ошибку.

Когда мы выехали на дорогу, Гейб с любопытством взглянул на меня.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Он злится на меня, — выпалила я прежде, чем поняла, и покачала головой. Господи, что со мной сегодня? — Извини. В смысле, да, я в порядке.

Гейб хохотнул, но без издевки.

— Хорошо, — сказал он, а потом добавил: — А

на что он злится?

— Несколько недель назад я общалась с рекрутером, — призналась я, подтянув ногу на сиденье. — Насчет учебы и занятия бегом в аризонской частной школе.

— В частной школе? — удивленно спросил Гейб, но не с таким ужасом, как Патрик. — Правда?

— Ты считаешь это глупостью?

— Совсем нет, — без раздумий ответил Гейб. Он расслабленно держал руль, на лице в наступающих сумерках отражались честность и открытость. — Я считаю, что это круто.

— И я считаю, что это круто! — сказала я ему, чувствуя себя неловко из-за того, сколько воодушевления слышалось в моем голосе. — Но это значит, меня здесь не будет, и… я не знаю. — Я пожала плечами и снова посмотрела в небо за окном: начала подниматься луна. — Патрик… не считает это хорошей идеей.

— Да, — сказал Гейб, — меня это не удивляет. А ты считаешь это хорошей идеей?

Я задумалась. Вспомнила, что чувствую, когда бегаю, как очищаются мысли, а тело становится сильным. Интересно, каково бегать ради школы, которая воспринимает этот вид спорта всерьез? И пусть я этого не хотела, пусть понимала, что

злюсь на Патрика и через двадцать минут взгляну на все по-другому, но в голове снова всплыло — *«побег из тюрьмы».*

— Я… думаю, да.

— Ну, — так же тихо сказал Гейб, — тогда вот тебе пища для размышлений, верно?

— Верно, — ответила я. — Похоже, так и есть.

Остаток пути мы ехали в странном уютном молчании, погруженные в фиолетовую темноту. Я так и не сменила радиостанцию с кантри, и Гейб тоже. Когда мы подъехали к школе, мне даже не хотелось выходить из машины.

— Если хочешь, я могу отвезти тебя домой, — предложил Гейб, пока мы не разделились у ворот на поле, словно прочитал мои мысли. Его друзья уже заметили его и звали к себе. — Просто найди меня позже.

— Я могу поехать с Имоджен, — сказала я ему. — Но спасибо.

— Да, — ответил он. — Не за что. — Он помахал, и мы разошлись в разные стороны, но через пять секунд раздалось: — Эй, Молли, слушай…

— А? — Я удивленно обернулась. — Что такое?

Гейб покачал головой.

— Ничего особенного. Просто хотел поздравить тебя с приглашением на учебу.

Я улыбнулась — меня пока никто не поздравлял. Патрик уж точно.

— Спасибо, — ответила я и с той же улыбкой отправилась искать Имоджен на трибунах.

Я понимаю, что мне очень жарко, а когда просыпаюсь, лежа на покрывале Имоджен, первым делом отмечаю обжигающее ощущение на руках, ногах, переносице и вокруг очков.

А вторым делом отмечаю Патрика.

— Молс, — говорит он, нависая надо мной, отчего его лицо оказывается в тени, и подталкивая мое бедро лодыжкой. Я быстро сажусь и не понимаю, что происходит. Все тело жжет.

— Ты только что меня разбудил? — глупо спрашиваю я. Я специально избегала его с самого нашего приезда, стараясь предоставить им с Тесс личное пространство. Хотя им не нужна моя помощь: приехав сюда, они провели большую часть вечера, сидя у воды на огромном камне, склонив друг к другу головы и делясь секретами, о которых я даже не могу догадываться. Я взяла предложенное Гейбом пиво и сидела со всеми у костра. Старалась не завидовать им. — Где все?

— Ты сгорела, — не совсем дружелюбно сообщает мне Патрик. — Тебе надо нанести солнцезащитный крем, спрятаться в тень или куда-то

еще.

— М-м, — рассеянно бормочу я, чувствуя себя слабее, чем до этого. Его колени находятся на уровне моих глаз, вижу порванные джинсы, которые он носит, сколько я себя помню, и участки загорелой кожи, выглядывающей в прорези. И я задаюсь вопросом, сколько он уже стоит надо мной и о чем в этот момент думал. *Прости за то, что было раньше,* хочу ему сказать. *Гейб вел себя, как придурок, и мне жаль*. — Хорошо.

— Вот, — говорит Патрик и протягивает мне бутылку с кремом, твердые подушечки пальцев касаются моих. К тому моменту, как я соображаю поднять голову и поблагодарить его, он уже ушел.

Вечером проходит концерт. Звон барабанов и гитар эхом разносится по горам, словно отголосок другой жизни; Гейб тянет меня сквозь толпу, чтобы немного поцеловаться в темноте. Его ладони приятно царапают мое обожженное лицо.

— Ты забавная, — бормочет он, прикусив мою нижнюю губу.

— Ты забавнее, — отвечаю ему и улыбаюсь.

Вернувшись из туалета, вижу у наших палаток Тесс, растерянно обнимающую себя.

— Куда все делись? — спрашивает она, увидев

меня. От нее пахнет выпивкой и спреем от комаров. — Я потеряла всех.

— Они все еще на поле, — отвечаю ей. А потом приглядываюсь. — Ты в порядке?

Тесс качает головой.

— Я напилась, — сообщает она. — Ох, Молли, я так напилась.

— Правда, что ли? — Честно говоря, я сама слегка пьяна, несколько бутылок пива носятся в моей крови, мозгу и костях. — Здорово вдарило?

— Да, — невнятно говорит Тесс. — Здорово. Мне как-то нехорошо.

— Ладно, — говорю, нахмурившись, беру ее за руку и веду к столу. — С тобой все в порядке. Просто посиди, а я принесу воды.

— Нет, не уходи, — тут же просит Тесс. — Просто… пожалуйста, не надо.

Я моргаю, удивленно и немного встревоженно.

— Хорошо. Все хорошо. — Так, новый план. — Я никуда не уйду.

Щурюсь, чтобы в темноте разглядеть кого-то из нашей компании, когда Тесс внезапно вскакивает со скамейки.

— Нет, — говорит она. — Нет, *нет*, меня сейчас…

По ее зеленому лицу сразу становится ясно, что

произойдет, пусть даже она не заканчивает предложение — поблизости не замечаю ни одного ящика для мусора, поэтому хватаю ее за плечи и веду к полянке подальше от палаток.

— Вот здесь, — инструктирую я, заставляя наклониться и расставляя ее ноги, словно она кукла. — Ты в порядке.

Продолжаю повторять эти слова, пока ее рвет, поглаживаю по спине и слежу, чтобы ее рыжая коса не попала в выходящую гадость. Такое ощущение, что проходит много времени. Я ненавижу звук рвоты — саму начинает тошнить, но не могу уйти и бросить ее, поэтому смотрю на деревья и стараюсь особо не прислушиваться.

— О господи, — говорит, закончив, Тесс, выпрямляется и вытирает рот тыльной стороной руки. Ее глаза покраснели, а лицо опухло. Она словно постарела на десять лет. — Мне жаль. Мне так жаль. Только не рассказывай Патрику, хорошо? Пожалуйста, не рассказывай Патрику.

— Ему будет все равно, — заверяю я и убираю с ее лба выпавшую прядь волос, хотя мне самой хочется скрыть это от него. Знаю по опыту, что он не из тех, кому можно признаться в своем фиаско. — Он лишь захочет убедиться, что ты в порядке. Но, конечно, я не расскажу. Хочешь

прилечь?

— Воды, — говорит Тесс, поэтому киваю и веду ее за руку назад к нашим вещам, затем роюсь в рюкзаке и достаю большую бутылку воды.

— Пей медленно, — предупреждаю, чтобы ее снова не стошнило. Тесс покорно кивает и пьет воду, а потом забирается в палатку и вырубается на спальном мешке Патрика, даже не успев раздеться. Снова набираю воду в бутылку и засовываю к ней, чтобы попила потом. Похмелье будет тяжелым.

Иду обратно через поле, чтобы найти Гейба, но натыкаюсь на Патрика, который сидит у почти прогоревших угольков костра и смотрит на пламя, освещающее его лицо. Он серьезен, словно пытается разгадать загадку. Его папа раньше тоже разжигал для нас костер на заднем дворе дома и рассказывал перед сном длинные запутанные истории. Мы засыпали в спальных мешках бок о бок. И сидели так же во время рассказов Чака.

Не знаю, замечает он меня или просто чувствует, но через мгновение поворачивается и поднимает руку, чтобы помахать. Я с минуту стою на месте, смотрю на него и гадаю, что произойдет, если я подойду и сяду рядом с ним.

Если подамся вперед и поцелую его перед

сном.

Господи. Что со мной такое? Я только что поддерживала волосы его девушки, пока ее рвало. Трясу головой, чтобы привести мысли в порядок. Поднимаю руку и машу в ответ.

День 35

Как и ожидалось, Тесс весь следующий день отдыхает, устроившись в гнезде из спальников с книгой Стивена Кинга и пакетиком сушек — ничего более соленого найти не удалось. Мы же идем в поход, пока мозоли не начинают кровоточить и не создается ощущение, что горы двигаются вместе с нами. Патрик наталкивается на ядовитый сумах. Имоджен жалит оса. Одежда натирает мою сгоревшую кожу, и я клянусь всем, кто меня слышит, что с походами покончено навсегда.

— Я серьезно, — говорю Имоджен, ковыляя вниз по горе, волосы выпадают из растрепавшегося пучка. — Как только вернемся домой, я обоснуюсь в герметичном пузыре и больше никогда не выйду.

— Отличный план! — весело говорит Джулия, подходя к нам сзади. Мы с Имоджен смотрим друг на друга широко открытыми глазами и впадаем в истерику.

— Эта Джулия, — произношу, задыхаясь, я, почти сгибаясь от смеха. Давно мы с Имоджен

так не хохотали, с тех самых пор, как я уехала. Не знаю, может, дело в усталости или чем-то еще, но ожог практически того стоит. — На нее всегда можно положиться.

К нашему приходу Тесс уже приходит в себя и помогает Патрику жарить на костре бургеры и хот-доги, раскладывая булочки ровными рядами на столе.

— Тебе получше? — спрашиваю, когда подхожу за едой для себя и Гейба, а также за сногсшибательным брауни, приготовленным Имоджен. Тесс быстро кивает и наклоняет голову, чтобы принять поцелуй в щеку от Патрика, который, вероятно, состоялся ради меня — невозможно сказать точно.

— Отлично, — радуюсь я, держа в руке бумажную тарелку и чувствуя, что на лице отражается странная гримаса, с которой ничего не могу поделать. *Не за что*, язвительно думаю я. — Я рада.

Убеждаю себя, что не надо чувствовать себя так, что я раздражена из-за солнечного ожога и сна на твердой земле третью ночь подряд. Но позже, возвращаясь из душевой с зубной щеткой в одной руке, а второй потирая противоположную руку — в горах прохладно, по всему телу бегут мурашки, — замечаю, как Патрик поддерживает

полог палатки, чтобы в нее забралась Тесс. Не слышу, что он ей говорит, но слышу в ответ ее громкий смех, который приглушается, когда Патрик застегивает молнию. Эту же палатку Чак ставил для нас каждое лето за домом, когда мы были маленькими. Я знаю, что внутри пахнет нафталиновыми шариками и пылью.

Втягиваю воздух, сраженная наповал неожиданным жгучим желанием прокричать: «Стой!», как, например, когда кто-то делает шаг перед приближающейся машиной или кладет руку на горячую конфорку. Словно я пытаюсь предотвратить что-то ужасное и чудовищное, от чего будет больно только мне.

Господи. Качая головой, целенаправленно поворачиваюсь к палатке, которую делю с Гейбом. Не знаю, как избавиться от этого ощущения. Конечно, я знала, что они делят одну палатку на двоих, и понимала возможные последствия — как и то, что этих последствий может не быть, раз уже Тесс выплевывала свои внутренности.

Гейб берет меня за руку почти сразу, как я забираюсь внутрь, и, потянув на мягкую кучу из спальников, задирает мою майку.

— Да у тебя солнечный ожог, Молли Барлоу, — бормочет он, глядя на меня при тусклом свете

луны, проникающем сквозь окошко на потолке. Прижимается губами к красному пятну на моем плече, а потом к бедру, которое обгорело из-за задравшейся во время сна футболки. — Больно?

Тесс худее меня, думаю я. *И без одежды, вероятно, выглядит лучше, может, еще даже… Прекрати!*

— Не больно, — уверяю я, закрываю глаза и погружаюсь в ощущения от рук Гейба, его рта и знакомого гудения, которое он пробуждает в моем теле. Мы с Патриком были детьми, когда начали встречаться, достаточно юными, чтобы нам не казалось, будто мы куда-то торопимся, и стеснительными, чтобы признаться в этом друг другу. Но теперь мы старше и подошли к той точке, когда не исключено, что они с Тесс будут действовать гораздо быстрее, возможно, прямо сейчас он снимает с нее футболку, забирается под резинку ее трусиков…

— Я не могу, — вдруг выпаливаю я да так быстро сажусь, что почти скидываю Гейба с себя, и вытягиваюсь в наполовину застегнутом спальнике. Лицо вспотело и покраснело. Я совсем не знаю, что делать дальше, как объяснить ему, что Патрик и Тесс находятся через одну палатку от нас, а мы здесь, и все как будто связано, слишком

интимно, ужасно, и прямо в эту секунду мне лишь хочется, чтобы меня никто и никогда не касался. Мы уже это делали, верно? Да, возможно, это не должно быть такой проблемой, но просто… я не… — Извини, — продолжаю я, — просто…

— Эй, полегче, — говорит Гейб, садится и откидывает волосы с лица. — Все нормально; мы можем ничего не делать. Успокойся. — Он тянется и, взяв меня за пальцы, сжимает их. — Хочешь прогуляться?

Я улыбаюсь, смущенно и благодарно, беру кофту и несколько секунд вожусь с ее подолом.

— Ты что, какой-то идеальный, что ли? — спрашиваю его, качая головой перед тем, как надеть кофту. — Это твоя суперсила?

— Нет, — серьезно отвечает Гейб. — Моя суперсила — рентгеновское зрение.

Я фыркаю.

— О господи, беру свои слова обратно.

Гейб улыбается.

— Идем, — говорит он, поднимается и тоже тянет меня вверх. — Пойдем посмотрим на чертовы звезды.

Беру с собой несколько пакетиков перекуса, и мы бредем по площадке лагеря, проходя мимо все еще тусующихся ребят и слыша ночные

разговоры вокруг затухающих костров. Я дрожу, когда ночной воздух касается обгоревшей кожи. Рука Гейба согревает меня, и когда мы доходим до полянки, где прошлым вечером проходил концерт, Патрик, Тесс и то, чем они, возможно, занимаются, полностью выветрилось из головы. Сейчас есть только я, Гейб и эти чертовы звезды над нами. Вот где я должна быть.

Находим самый чистый участок травы и, разложив на сырой земле покрывало, откидываемся назад, чтобы смотреть на небо. Мы достаточно далеко от цивилизации, поэтому луна напоминает фонарь — здесь же и созвездие Ориона, одна из Медведиц, Кассиопея на перевернутом стуле.

— Сейчас самое время завести разговор о том, что мы всего лишь песчинки во вселенной, — отмечаю с иронией, но я правда рада, что мы сюда пришли. — Держи, — говорю я, достав из рюкзака пару бутылок пива. — За то, что мы песчинки.

Гейб удивленно улыбается.

— Посмотри на себя, девочка-скаут, — произносит он, откручивая с бутылок крышки и возвращая одну мне. — Я люблю тебя, ты знаешь это? Ты прелесть.

Я смотрю на него, моргая, Гейб смотрит в ответ. А потом мы начинаем смеяться.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — говорит он, и *я думаю, что знаю*, сидя под небом в форме миски. Крепко целую его, чтобы показать, что понимаю.

День 36

Дома меня ждет еще один е-мейл от декана: *Уважаемый абитуриент, пожалуйста, ради всего святого, поторопись и реши, что делать со своей жизнью.*

Или что-то наподобие.

Готовлю себе перекус из яблока и арахисового масла и отправляю Гейбу сообщение, что отлично провела время.

«Ты тоже ничего, для песчинки-то», — пишет он в ответ, и я хихикаю. С Гейбом я не ощущаю себя ходящим и говорящим разочарованием. С ним я чувствую себя самой собой.

Тогда почему не могу перестать думать о его брате?

Доедаю яблоко и вывожу Оскара во двор, выбросив из головы картинку, где Патрик и Тесс исчезают в палатке, и убеждая себя, что превратилась в глупого меланхолика. Составляю список рабочих дел, которыми займусь завтра. И наконец достаю из кармана телефон.

«Как твоя сыпь?» — в шутку пишу ему. Он не отвечает.

День 37

Ответ приходит следующим утром. «*Чешется*», — отчитывается он одним словом и без знаков препинания. Но через пару минут падает еще одно сообщение: «*Как ожог?*».

Я с улыбкой смотрю на телефон, чувствуя себя глупо и радостно. «*Обжигает*», — отвечаю.

День 38

«У мамы есть алоэ, — пишет он, пока я заполняю счета в кабинете Пенн. — *Могу заехать и привезти, если до сих пор смахиваешь на лобстера».*

Уже не особо смахиваю; ожог сошел на нет, и кожа начинает облезать, как у змеи, словно я перерождаюсь во что-то совершенно новое. Остается только терпеть этот ужас и ждать того, что находится под ней.

«Хорошо, — все равно без раздумий отвечаю ему. — *Когда удобно?»*

День 39

Не знаю, зачем Патрик просит меня прийти в то время, когда Гейб работает в магазине — возможно, потому, что не хочет иметь со своим братом ничего общего, или это совсем ничего не значит.

— Привет, — говорит он, открыв для меня боковую дверь. Я чувствовала себя неуютно, когда постучала по раме и ждала его, потому что раньше забегала внутрь и украдкой таскала еду, которую Чак готовил на кухне. Обычно это было что-то с чечевицей или из цельнозерновой муки. Патрик стоит босиком, в порванных старых джинсах. Волосы чуть отросли после его возвращения в Стар-Лейк, и он больше похож на себя, каким я его помню, острые черты лица сгладились. — Заходи.

— Хорошо, — говорю и прохожу мимо него в темный пустой дом. Меня окружают знакомые запахи пыли, дерева и солнечного света. — Привет. — Пилот вскакивает с пола и пересекает комнату, чтобы поздороваться. И я так радуюсь, что в его преданном собачьем мозге осталось воспоминание обо мне, как будто в какой-то

альтернативной вселенной я все еще являюсь частью этой семьи. — Привет, Пилот. Привет, мальчик.

— У него отказывают лапы, — тихо говорит Патрик, почесывая пса за мохнатыми ушами. — Ему десять; он больше не может подниматься по лестнице. Мама соорудила невысокий стул-стремянку, чтобы он забирался на диван.

Смотрю на Пилота, который довольно скулит. Его морда стала серебристо-серой. Помню, когда Доннелли привезли его из общества защиты животных, такого извивающегося и страдающего от паразитов — но мы с Патриком все равно катались с ним по двору, грязные и в пятнах от травы. Джулия не захотела к нам присоединиться. А Гейб, вроде как, гулял с друзьями.

— Черт, я не знала.

Патрик пожимает плечами.

— Да, не понимаю, почему мой брат тебе этого не рассказал, — говорит он и, напоследок погладив Пилота, направляется к кухонной двери.

Меня это задевает.

— Патрик… — начинаю я.

— Алоэ на террасе, — перебивает он меня. — Идем.

— Конечно. — Иду за ним по коридору мимо

скрипучей лестницы и к яркой полной воздуха террасе, заполненной фикусами и кактусами. Рядом с панорамным окном стоит огромный и пугающий паучник, приветствующий при встрече. На полу лежит яркий ковер с оранжево-красным узором. Патрик достает из банки на полке ножницы — на случай, если вы решите провести здесь время, они единственные режут — и отрезает пару сантиметров от листа алоэ.

— Спасибо, — тихо благодарю Патрика. Наши пальцы соприкасаются, когда он отдает алоэ, и мое тело пробирает дурацкая дрожь. Еще до всей этой романтики мы с ним любили прикасаться друг к другу: то его рука закинута на мои плечи, то ладони прижаты, чтобы проверить, чья больше. Когда я думала об этом, то понимала, что чувствовала себя защищенной, находила ориентир, как, например, вести ладонью по стене в темной комнате. А теперь даже такой контакт кажется незнакомым и странным.

И Патрику, очевидно, тоже.

— Принесу тебе пакетик, — говорит он, прочищает горло и идет обратно на кухню, оставив меня в зелени, залитой солнечным светом.

День 40

Имоджен приглашает меня на гадание, и тогда я понимаю, что прощена; иду к ней после работы с двумя кусками шоколадного торта и диском певицы-композитора, на которую меня подсадила Пенн. Эта девушка из Бруклина играет на гитаре. Вечер прохладный, небо над озером окрасилось в розово-золотой. Днем шел ливень, и влажная дорога все еще блестит.

Я не была дома у Имоджен с того момента, как вернулась; он стоит на обочине дороги недалеко от старшей школы, внутри полно хрусталя, а в гостиной возведен алтарь богини. Здесь пахнет знакомо — ванилью и маслом пачули.

— Ну, привет, Молли, — говорит ее мама, когда открывает дверь в широких штанах, которые носит столько, сколько я ее знаю; но вот прическа изменилась. Лицо обрамляют совсем седые коротко стриженные волосы. Вспоминаю слова Имоджен про рак и крепко и долго обнимаю ее.

Беру на кухне две вилки и поднимаюсь по задней лестнице в комнату Имоджен, где она заканчивает рисовать кистью огромную калли-

графическую картину со словами «Медленно, но верно» размером шестьдесят на сто двадцать сантиметров.

— Неплохой совет, — говорю я.

— Я тоже так думаю. — Имоджен улыбается, опускает кисть в стеклянную банку с водой и жестом приглашает меня на кровать. В раму зеркала воткнута фотография, на которой запечатлены она и Тесс в выпускных мантиях. На стуле висит толстовка Род-Айлендской школы дизайна. — Готова? О, ты купила пирог?

— В расчете на примирение, — говорю ей, делюсь вилкой и устраиваюсь на древнем покрывале. Она дает мне перемешать колоду, которую я возвращаю через некоторое время. — Готова, — отвечаю, делая вдох.

Имоджен кивает.

— Подумай о своем вопросе, — инструктирует она, как и всегда. Помню, в средней школе я хотела знать, нравилась ли Патрику. После Гейба мысленно умоляла карты подсказать мне, что делать. Сегодня я даже не знаю, зачем пришла, но не успеваю собрать свои мысли, как Имоджен раскладывает карты на кровати.

— Ты сделала мне больно, — говорит она, и я включаюсь, как будто во время урока произнесли

мое имя. — Когда вот так исчезла. — Имоджен смотрит на колоду. Ее ресницы накрашены фиолетовой тушью и отбрасывают тень на щеки. — Молли, ты была моей лучшей подругой. У тебя всегда был Патрик. Но у меня была лишь ты.

Открываю рот, чтобы оправдаться, начать извиняться и никогда не переставать, но Имоджен поднимает голову и качает головой.

— Подумай о своем вопросе, — снова просит она, в этот раз помягче. Вздыхает и переворачивает первую карту.

День 41

— Ты же в курсе, что будет завтра? — спрашивает меня Гейб. Мы сидим за стойкой магазина и едим пиццу, запивая колой, масло с кусков собирается в складках дешевых бумажных тарелок. Я и забыла, как любила пиццерию Доннелли. Мне вдруг очень хочется поесть этой еды, словно в моем организме недостает какого-то секретного ингредиента.

Смотрю на него, прищурившись. К его нижней губе прилип кусочек сыра, который я убираю.

— День, наступивший после сегодняшнего?

– *Да,* — говорит Гейб. — А ты очень проницательная. А еще завтра первый день парада «Рыцарей Колумба».

— Правда? — Парад «Рыцарей Колумба» — самая странная из летних традиций, когда в городском парке разворачивают сомнительные аттракционы, а продавцы торгуют на улицах сосисками, перцем и сладкими лепешками. Его устраивают, чтобы выжать из туристов максимум денег, но мы все его тоже любили и ходили бы по четыре раза в неделю, если бы кто-то согла-

сился нас отвезти. Посреди Стар-Лейк как будто вырастает Лас-Вегас с мерцающими неоновыми огоньками и громкой музыкой. Летом после четвертого класса Патрик, несмотря на терпеливые предупреждения Чака, шесть раз прокатился на качелях, и его стошнило хот-догом на себя — и не только. Возникает мысль напомнить ему о том, что его однажды стошнило на меня, и наши отношения пережили такое.

Гейб все еще смотрит на меня в ожидании, его глаза при ярком освещении магазина кажутся синими-синими. В красных кабинках сидят старшеклассники, какая-то семья разделывается с пирогом с двойной сырной начинкой и кувшином виноградной газировки. Я моргаю, и воспоминание о Патрике рассеивается, исчезает в воздухе, словно облако муки.

— С удовольствием схожу, — отвечаю Гейбу, стянув с его тарелки корочку пиццы и быстренько доев ее. — Не могу дождаться.

День 42

Мы отправляемся на парад с друзьями Гейба, шумной компанией, прогуливающейся между аттракционами в розово-фиолетовых сумерках. Мои ботинки поднимают облачка пыли. Здесь все, кто ездил на фестиваль «Падающая звезда»: Тесс и Патрик, Имоджен, Энни и Красавчик Джей; мое тело дрожит одновременно с гулом, исходящим от длинного ряда игровых автоматов. От будки с водяным пистолетом периодически доносится «Эй!», когда снова и снова играет песня *Rock and Roll Part 2*. Я забираю сдачу у продавца сладкой ваты, когда Тесс касается моей руки.

— Можно с тобой поговорить? — спрашивает она.

— Конечно, — отвечаю, наморщив лоб и гадая, что рассказал ей Патрик — хоть и рассказывать нечего, но все равно. Отдираю комок ваты и, засунув в рот, иду за ней за угол к большому жужжащему генератору. — Что стряслось?

— Я так и не отблагодарила тебя, — говорит она, склонив голову, хотя, кроме меня, здесь никого нет. На ней чистые белые шорты и клетчатая

рубашка, из косметики лишь блеск на губах. У нее длинные светлые ресницы. — За тот вечер.

— За что? — спрашиваю ее, проглотив комок и в недоумении глядя на нее. — О, за воду и все такое? Даже не беспокойся. Серьезно, это могло случиться с каждым из нас. Мы все напились.

Тесс качает головой.

— С тобой такого не случилось бы.

Меня это удивляет.

— Мне нравится, что ты считаешь, будто я могу контролировать свою жизнь, — слегка посмеиваюсь и машу перед ней ватой, чтобы она оторвала немного себе. — Это очень мило.

— Не знаю. — Тесс улыбается в ответ. — Иногда мне просто кажется…

— Девчонки! — кричит издалека Патрик, показывая на нашу компанию, которая уже пошла дальше по парку в сторону громадных аттракционов. — Вы к нам присоединитесь или как?

— Мы обсуждаем месячные, — громко сообщает ему Тесс, отчего я смеюсь. — В любом случае спасибо, — тихо добавляет она.

— Не за что, — отвечаю ей. — Правда.

Мы догоняем компанию и идем к карусели «Скремблер», на которой, по заверениям Энни, кто-то лишился головы во время карнавала у

Скрантона. Замечаю в очереди на гигантскую горку Джулию и Элизабет Риз. Поворачиваюсь, чтобы показать их Гейбу, но вижу рядом с собой Патрика и пугаюсь; Тесс болтает с Имоджен, и на нас никто не обращает внимания.

— Как себя чувствуешь? — достаточно тихо спрашивает Патрик, чтобы слышала только я. Он одет в настолько дырявые джинсы, что их можно назвать шортами, и выцветшую футболку. Руки засунуты в карманы. — Я имею в виду солнечный ожог.

Я моргаю.

— Сейчас уже лучше, — отвечаю, удивляясь тому, что он не просто идет рядом со мной, но и разговаривает на глазах у других: Патрик, напротив, определенно не поддерживает мнение своей девушки, будто я знаю, что делаю в этой жизни. — Действительно, все не так уж и плохо.

Он и Тесс отправляются прокатиться на аттракционе вместе с Джеем и Имоджен.

— Вот ты где, — говорит Гейб, когда я нагоняю его, и закидывает руку на мои плечи. Он не убирает ее, пока мы идем, и держится легко и непринужденно в накрахмаленной рубашке с закатанными до локтей рукавами, словно он — мэр, взявший выходной. Его приятель Стив об-

суждает со мной Бостон, спрашивает, планирую ли я после переезда болеть за «Ред Сокс».

— «Ред Сокс» — отвратительная команда, — вставляет Келси и фыркает, словно они как-то ее обидели. — Не делай этого.

В будке с водяным пистолетом выигрываю ярко-оранжевую обезьянку, которую с большой помпой и под стоны его приятелей вручаю Гейбу; он целует меня в висок и, когда солнце опускается за линию горизонта, тянет в очередь на колесо обозрения. Мы останавливаемся наверху, и я вижу мерцающие огни города вдали, темный хребет гор и первые звезды.

— Я хотел привести тебя сюда, — признается Гейб, обнимая меня за плечи. Его лицо наполовину освещено, наполовину скрыто в тени. — Когда мне было тринадцать или четырнадцать.

— Что? Нет, это не правда. — Я усмехаюсь, добродушно и недоверчиво. Гейб смеется в ответ, но кивает.

— Правда.

— Да, хорошо. — Качаю головой. Гейб провел свою жизнь, как хозяин вечеринки: самый востребованный в Стар-Лейк, все время в окружении миллиона людей. Мысль о том, что он хранил тайную мечту про колесо обозрения — что во-

обще имел тайны, что хотел сделать то, чего никогда не делал, и, более того, что это связано со мной, — невероятно удивляет. — Ты не хотел.

— Хотел. Ты просто не замечала, потому что играла с моим братом в Питера Пэна и Тигровую Лилию, но я много об этом думал.

— Мы не играли в Питера Пэна и Тигровую Лилию, — автоматически протестую, хотя правда в том, что, возможно, играли: мы с Патриком притворялись этими героями, пока не повзрослели. Качаю головой. — Если тебе было четырнадцать, мне было двенадцать.

— Ага. — Гейб улыбается. — Ты кое-что упускаешь, Молли Барлоу.

Я снова качаю головой и наклоняюсь, чтобы он меня поцеловал.

— Нет, — серьезно обещаю ему. — Не упускаю.

— Ага.

Гейб усмехается и сдается. Его губы теплые, нежные и влажные. Его чувства ко мне, когда мы были младше, эта сторона, о которой я никогда не догадывалась… Интересно, насколько изменилась бы моя жизнь, знай я об этом до нынешнего лета. Интересно, как бы все повернулось. Я так долго принадлежала Патрику, мы были настолько близки, что нас не воспринима-

ли по отдельности, как близнецов или двойной крекер, которому удалось избежать разделения на конвейере. Все было хорошо, пока не стало плохо, все работало, пока не сломалось, но сидя на самом верху колеса обозрения, когда передо мной простирается весь мир, я могу лишь гадать, что было бы, проведи я всю старшую школу — и *всю свою жизнь* — с Гейбом. Ходила бы я на вечеринки у озера и тусовалась бы в «Кроу Баре» вместо того, чтобы прятаться с Патриком в сарае, обмениваясь мнениями, вдыхая один воздух? Наломала бы столько дров? Было бы у меня больше друзей? Мне нравится сидеть с ним здесь, в маленькой кабинке, Стив и Келси прямо за нами, а снизу на нас смотрят дружелюбные лица. Все так легко, просто и *правильно*.

Поэтому снова притягиваю к себе Гейба и погружаюсь в поцелуй, но мотор оживает, и мы со скрипом и чувством полета опускаемся на землю.

День 43

В середине дня Патрик приходит в гостиницу за Тесс и в этот раз не сбегает в ту же секунду, как наши взгляды пересекаются.

— Хочешь, я ее позову? — спрашиваю его. У нее проходит занятие по аквааэробике для пожилых дам — я знаю это потому, что на утреннем перерыве мы бегали с ней во «Френч Роуст», и она рассказывала, как боялась его. Но Патрик качает головой.

— Я приехал раньше, — говорит он и садится на одно из кресел-качалок, стоящих на крыльце. Я устроилась здесь с расписанием, рядом на кофейном столике лежит стопка заявлений на отгулы. Я приготовила себе холодный кофе, но кубики льда тают быстрее, чем я его пью. — Как прошел день?

— Ох, знаешь, — удивленно и обрадованно машу перед ним бумагами, — стараюсь никого не разозлить.

Брови Патрика выгибаются, но он делает вид, что не слышал этого.

— Ты всегда можешь урегулировать споры

рабочих борьбой в грязи, — предлагает он и вытягивает перед собой длинные ноги.

— Танцевальной дуэлью, — предлагаю я.

— Сыграть в «Камень, ножницы, бумага», — говорит он, а потом добавляет: — Или просто бросить монетку, как Эмили Грин.

Эта отсылка к «Дрейфующей» и дурацкому способу героини сделать выбор останавливает меня. В книге она всегда носит в туфле один цент на случай, если придется что-то решать — по крайней мере, я так слышала.

— Ты ее *читал*? — удивленно спрашиваю его.

Патрик пожимает плечами и отворачивается.

— Частями, — бормочет он.

Мы с минуту молчим и дышим сосновым воздухом.

— Пенн думает, я должна изучать бизнес, — наконец говорю я, скорее чтобы прервать молчание.

— Да? — Патрик подается вперед и задумывается, ссутулившись и упираясь локтями в колени. — Помнишь, ты заставила нас с Джулией сделать стойку по продаже холодного чая, потому что рынок лимонада уже переполнен? А еще заставила нас приготовить маме с папой макароны с сыром и сказала им, что за них надо

заплатить?

Я фыркаю.

— Мне было семь.

Патрик усмехается.

— Я лишь говорю, что у тебя есть способности к бизнесу.

— Помолчи.

— Или возьмем привлечение финансирования для команды по бегу, которым ты занималась в десятом классе, — отмечает он в этот раз более серьезно. — Я имею в виду бег на каблуках.

— Ты считал, что глупее привлечения быть не может, — протестую я, вспомнив об этом. Нам была нужна новая униформа, поэтому парни и девушки соревновались, чтобы собрать деньги. — Ты говорил мне об этом каждый день.

— Да, но все сработало, — возражает Патрик. Такое ощущение, будто он сожалеет, что тогда посчитал это ерундой. — Это было по-настоящему. Твоя начальница права, у тебя отлично получаются организация и планирование.

— Правда? — спрашиваю. Я думала об этом с того разговора с Пенн, но раз Патрик — который знает меня лучше всех, по крайней мере, знал — говорит, что это хорошая идея, появляется реальная возможность. Так и представляю себе,

как отвечаю на заданный вопрос: «Молли Барлоу, специальность — бизнес».

Патрик серьезно кивает.

— Да, — говорит он. — Я так думаю.

Мы снова молчим, погруженные в затишье перед ужином. По парковке идут мальчик и девочка в купальниках и шлепках, у каждого в руках яркий матрас для плавания. И в моей груди внезапно появляется такая сильная боль, что едва могу дышать.

— Мы можем как-нибудь потусоваться? — выпаливаю прежде, чем могу передумать, слишком смутиться или испугаться. — Я имею в виду, целенаправленно? Не просто когда случайно пересечемся?

Сначала Патрик не отвечает, и у меня возникает ощущение, что нельзя так быстро отказываться от своих слов.

— В смысле, я понимаю, что это жутко странно, — продолжаю я. — Кроме того, ты занят Тесс, магазином и разными делами, а тут я еще… — Беспомощно замолкаю. — Не знаю.

Патрик молча смотрит на меня. Чувствую себя так, словно он видит меня насквозь.

— Я тоже не знаю, — наконец отвечает он. — Но давай попробуем.

День 44

У стоящей за стойкой регистрации Саши в половину четвертого перерыв, поэтому предлагаю подменить ее, поправляю хвостик и бейджик с именем. Заселяю семью с тройняшками, все светловолосые и в очках, и пару медиков, приехавших из Беркшира, чтобы ради разнообразия посмотреть на другой горный хребет. Два их рыжеволосых карапуза с ямочками на руках и ногах забираются на кожаные диваны.

За ними идет пара постарше, мужчина в шортах цвета хаки и намазанная автозагаром женщина в яркой футболке, с большой сумкой с изображением гавайских танцовщиц и в ядовито-зеленых шлепках.

— Добро пожаловать в гостиницу Стар-Лейк, — произношу я, когда она отдает мне кредитку.

Женщина заговорщически наклоняет голову с желтовато-серыми волосами, словно мы с ней старые подружки.

— Может, вы мне скажете, — произносит она тихо, голосом *только-между-нами-девочками*. — Диана Барлоу действительно живет в этом

городе?

Так.

— Живет, — подтверждаю я, стараясь не выдавать эмоций. Достаю из ящика за спиной ключи от их номера. — А вы фанатка?

— О, самая большая, — заверяет меня женщина. — Мне больше нравятся ее ранние работы, но вы читали «Дрейфующую»? Я плакала два дня. И, знаете, эта книга про ее дочь. — Когда я разворачиваюсь, она чуть ли не лежит на стойке, как будто ожидает увидеть под ней мою маму. Она качает головой. — Душераздирающая вещь.

— Жутко, — соглашаюсь я, все мое тело вспыхивает, как факел, поднесенный к котлу — если посмотреть на меня сверху, можно заметить, как я алею. Это — самая худшая часть, напоминаю себе, стараясь оставаться безмятежной. Если не считать все остальные худшие части. — Такая грустная.

Женщина забирает ключи и идет наверх вместе со своим оплывшим мужем, оставив меня наедине с самой собой. Подношу руку к пылающей щеке, а другой отстегиваю бейджик. На нем большими буквами написано *Молли*, достаточно анонимно, чтобы женщина в яркой футболке даже не посмотрела на него.

И в этот момент поворачиваюсь и вижу Тесс.

— Даже не думай, — говорю ей, подняв руку. Она стоит в шлепках в дверях, ведущих в кабинет. Понятия не имею, сколько там пробыла, но выражение ее лица говорит о том, что достаточно долго. — Все в порядке.

— Я ничего не собиралась говорить, — отвечает Тесс, и я чувствую, что она не шутит, что, вероятно, унесет этот разговор в могилу. Она кивком показывает на Сашу, которая пересекает лобби, чтобы занять место за стойкой. — Собиралась на перерыв. Не хочешь прогуляться?

Открываю рот, чтобы отказаться, и тут же закрываю.

— Я… конечно.

Мы выходим на заднее крыльцо и спускаемся по деревянным ступенькам к бассейну. Сегодня облачно, и на мелководье, стуча зубами и с посиневшими губами, плавают по-собачьи несколько детишек.

— Мы тоже были такими, — говорит Тесс, кивая на них подбородком. — Я и мой брат. Если могли, плавали в феврале.

Я улыбаюсь. Она никогда не говорила про своего брата.

— Он старше или младше?

— Старше, — отвечает Тесс. — Учится в Нью-Йоркском университете, поэтому мы ненадолго увидимся с ним осенью. Я уезжаю в Барнард, это очень близко.

— Круто.

Мы снимаем обувь и, присев на бетонный край бассейна, болтаем ногами в ледяной воде.

— Ага, — говорит Тесс и тянется за листом, плавающим на поверхности. — Мне пришлось пообещать маме, что, переехав туда, я не перестану брить подмышки, но я не знаю, их программа по экономике кажется довольно интересной. Посмотрим.

Вспоминаю письмо декана о выборе специальности, которое висит во входящих и ждет ответа.

— Откуда ты знала, чем хочешь заниматься?

Тесс пожимает плечами.

— Я сильна в математике, — говорит она. — Всегда была сильна; с одиннадцати лет занималась родительскими счетами. И мне нравится международная экономика — например, как то, что происходит в одной стране, влияет в плане денег на то, что происходит в другой. — Она улыбается. — Понимаю, что это очень скучно для большинства людей, не волнуйся.

— Нет, все совсем не так. Я под огромным

впечатлением. — Качаю головой и ковыряю отошедшую от края бассейна замазку, мысленно сделав пометку сообщить об этом ремонтникам. Тесс откидывается назад, опирается на ладони и вскидывает голову, будто пытаясь выжать из облаков солнечные лучи. — Как думаешь, вы с Патриком останетесь вместе? — спрашиваю я и тут же чувствую себя неловко — вот мерзавка, даже не знаю, зачем спросила. — Извини. — Опускаю взгляд вниз. — Это крайне неуместно и за гранью дозволенного.

Тесс мотает головой.

— Нет, все в порядке; мне тоже очень интересно. Я думаю, что да. Мы разговаривали об этом. Он не знает, где будет, но оттуда до нашего города не так далеко. — Она морщит нос. — А вы обсуждали, что вместе будете учиться в колледже? — спрашивает она меня. — Раз уж мы пересекли грань.

Я улыбаюсь — это, без сомнения, странный вопрос, но я благодарна за него.

— Да, — отвечаю, — обсуждали.

Тесс кивает, внешне невозмутима.

— Солнце выходит! — вот и все, что она говорит.

День 45

Желая стать людьми, которые пытаются наладить отношения, мы с Патриком отправляемся в самую неловкую пробежку вокруг озера. На воде стукаются друг о друга несколько лодок, а где-то в деревьях шумит дятел. С одной стороны, нам необязательно много разговаривать, и это здорово. С другой — хоть теперь бег не причиняет столько страданий, как было сразу после моего возвращения из Бристоля, стараясь не отставать от него, понимаю, насколько сильно сдала.

— Ты в порядке? — спрашивает Патрик, не глядя на меня.

— Все хорошо, — отвечаю ему, устремив взгляд строго вперед.

Раньше я не ощущала такой неловкости — ничто, связанное с Патриком, не вызывало неловкости, а бег вообще был частью каждодневной жизни: добежать до границы леса за фермой и обратно, на выходных челночный бег вверх-вниз по трибунам. Иногда побеждал Патрик, иногда я. Насколько помню, мы с ним никогда не соревновались.

Игнорирую жжение в ногах и продолжаю бежать. Чувствую, какой мягкой и бесформенной я, наверное, выгляжу в леггинсах и топе, словно под одеждой спрятан слой пудинга. Интересно, он тоже после возвращения в город бегает каждый день, и мы вместе кружим по всему городу, не натыкаясь друг на друга? От этой мысли становится одиноко и грустно. Но у него же есть Тесс, верно? Тесс, которую я подвезла домой вчера вечером, Тесс, которая закинула на приборную доску ноги в шлепках и самым фальшивым голосом подпевала песне Майли Сайрус, игравшей по радио.

Тесс, которой я точно не расскажу про эту маленькую прогулку.

— Так держать, — говорит Патрик, когда мы останавливаемся, и на прощание дает мне пять, как будто поздравляя с чем-то, хотя кажется, мы ничего не добились. — Надо будет повторить.

В изумлении качая головой, смотрю, как он убегает от меня в сторону своего дома. Солнце покалывает и греет заднюю часть моей шеи.

День 46

— Ты должен им заплатить, — спорю я следующим вечером после ужина, распластавшись на мокрой траве маминого заднего двора. В соснах лениво мерцают светлячки. — Они выполняют работу, им надо заплатить.

— Это спортсмены из колледжа! — упрямо твердит Гейб. — Ты получаешь стипендию, это компенсация. Если не ходишь на занятия и получаешь ее, это…

— Нельзя ходить на занятия и получать ее! — парирую я. Мне нравится вот так добродушно спорить с ним. С Патриком мы достигали согласия во всем… пока не настал момент, когда наши мнения решительно разошлись. — Ты тренируешься восемьдесят часов в неделю; и тренеры говорят тебе не учиться и сосредоточиться на играх.

Гейб кривится.

— Мне платят восемь баксов в час, чтобы я сканировал карты в студенческом центре, — говорит он, подтолкнув теплой лодыжкой мою. — Хочешь, чтобы я платил им восемь баксов в час?

— Возможно! — посмеиваюсь я. — Это лучше,

чем вообще не платить.

— Ага. — Гейб улыбается и приближает лицо к моему. — Дурацкий спор, — решает он, уткнувшись носом в мой. — Давай лучше поцелуемся.

— Как хочешь, — говорю ему и встаю на колени, чтобы достать купленный им пакетик с мармеладными червячками — движение разжигает невыносимую боль в обоих бедрах, и я издаю стон.

— Полегче, хулиганка, — говорит Гейб, сам тянется за пакетиком и отдает его мне. — Много бегала?

— Я… да. — *С твоим братом*, чуть не договариваю я. *Можно было бы* признаться ему, просто подсунуть эту новость, и это не показалось бы странным, посчиталось бы нормой, словно мне нечего скрывать.

Мне *нечего* скрывать.

Правда?

— Могу сделать массаж, — предлагает Гейб, кладет мои икры к себе на колени и сжимает их. Я улыбаюсь ему в голубых сумерках и молчу. Откидываю голову назад и наслаждаюсь видом.

День 47

Утром я должна отправиться с Имоджен покупать вещи для общежития — она нарисовала в своей голове весьма специфический дизайн для душевой, но Патрик присылает сообщение и предлагает побегать. Поэтому я прошу ее перенести поход на день и зашнуровываю древние кроссовки, хотя небо над озером фиолетово-серое и тяжелое, угрожает разверзнуться библейским дождем. Конечно, через несколько метров начинается ливень.

Я готова вернуться, но Патрик разворачивается и, выгибая брови, бросает вызов.

— Хочешь продолжить? — спрашивает он, и я киваю.

Холодные капли падают быстро и густо. Мы бежим. Мой топик намокает, вода затекает в носки, капает с ресниц и ручейками течет по спине. Я вдруг поскальзываюсь на глине. Земля уходит из-под ног, когда я приземляюсь на задницу. С мгновение я просто сижу на месте.

— Ты в порядке? — кричит Патрик, остановившись в двух шагах от меня, но потом возвращает-

ся. Кроссовки оставляют в грязи глубокие следы. Он тянется, чтобы поднять меня.

— Я… — Смотрю на его руку, как на посторонний предмет, на что-то, прилетевшее с другой планеты. Если не считать тот вечер на лужайке, после моего возвращения он почти не прикасался ко мне.

— Я сама, — говорю ему, быстренько провожу проверку рук и ног и решаю, что пострадала лишь моя гордость. Он миллион раз становился свидетелем моих унижений, но сейчас все по-другому. — Я в порядке. Просто сейчас я очень медленная и толстая, поэтому происходит такое.

— Ты что? — Глаза Патрика такого же цвета, что и тяжелое серое небо. — Ты с ума сошла?

— Господи, пожалуйста, не надо. — Поднимаюсь и снова поскальзываюсь, напоминая чертовых Лорел и Харди, снимавшихся в черно-белых фильмах, над которыми хохотал Чак, когда мы были маленькими. Я на грани — не знаю, чего, смеха или слез. Господи, я так устала. — Я не напрашивалась на комплимент. Они мне не нужны. Просто говорю, что сижу в этой грязи из-за того, что стала толстой и неповоротливой. Если это как-то ускользнуло от твоего внимания.

Патрик раздраженно качает головой.

— Ты сидишь в грязи из-за того, что не берешь мою руку, Молс.

— Ладно, хорошо, — говорю я, поддаваясь логике и желая согласиться с этим мнением. — Но…

— И ты, несомненно, красивая, поэтому не знаю, какого черта ты…

– *Патрик*. — Выпаливаю его имя прежде, чем могу остановиться — по глупости и не думая. Он тут же замолкает, и возникает ощущение, будто зажигалка с закончившимся газом на секунду дает пламя, искра возникает и пропадает.

— Возьми мою чертову руку, хорошо? — тихо просит Патрик. — Пожалуйста.

Я беру ее.

— Спасибо, — говорю ему, пребывая в шоке и наполняясь надеждой. Он кивает и ничего не говорит. Дождь еще льет, когда мы снова стартуем. Осторожный бег трусцой набирает скорость: есть только я, Патрик, бегущие до края земли, и стук дождя по асфальту.

День 48

Гейб еще в душе, когда я заезжаю забрать его на ужин, а Джулия бродит по первому этажу, словно голодный тигр из зоопарка Катскилла. Поэтому я пробираюсь на задний двор и сажусь ждать в шезлонг. Розы Конни пышно расцветают в летней жаре, тяжелые бутоны поникают, словно сонные дети Пенн к концу дня. Огород переливается яркими красками со все еще зелеными помидорами и медленно зреющей тыквой.

С прищуром смотрю на сарай в конце участка: краска облезает, двери провисли. Крыша, кажется, вот-вот рухнет. Интересно, смогу ли я когда-нибудь смотреть на прогнувшуюся крышу и не думать, как мы с Патриком впервые поцеловались, устроившись в спальных мешках на чердаке, который используется лишь для ночевок и хранения продуктов. Это произошло осенью, когда для сна в палатках было слишком холодно, но сразу после смерти Чака, поэтому за Патриком никто особо не следил: Гейб не пропускал ни одной десятиклассницы Стар-Лейк, Джулия без конца получала дисциплинарные замечания.

Патрик же был тише воды, ниже травы.

У Патрика оставалась я.

Был октябрь, в воздухе пахло тлением, впитывающимся в землю. Под досками и между швами в стенах носился ветер. Мы не разговаривали и листали старый журнал Чака «Нэшнл Джеографик», словно парочка заучек, но, совершенно того не желая, прижимались друг к другу, чтобы согреться. Я чувствовала, как двигались его ребра, когда он дышал.

— Ты только послушай, — рассеянно сказала я и смяла пакетик с лакричными конфетами, когда перекатилась лицом к нему — в журнале была статья про черепаху по имени Одинокий Джордж, который остался последним в своем роде. Когда я взглянула на Патрика, он уже смотрел на меня.

Эмили Грин, наверное, поразилась бы тому, что произошло дальше. Пришла бы в недоумение, никак не смогла бы предвидеть такое, но правда в том, что я смогла. Я недели, месяцы и, возможно, годы будто прислушивалась, приложив к земле ухо в тот день, когда мы с Патриком познакомились. И услышала приближение *этого*, словно гул за много километров от нас. Я услышала. Я была внимательна. И когда его губы коснулись моих, я не была шокирована.

Поцелуй был недолгим, он, скорее, просто прижался к моим губам а-ля: «*Держи». Держу*, подумала я, глядя на него при свете фонаря для кемпинга, висящего на стене: он, как и журналы, принадлежал его папе.

Держи.

— Привет, — говорит Гейб, боковая дверь с грохотом закрывается за его спиной, и он идет по террасе в шортах и рубашке. От него пахнет мылом и водой, чистотой и новизной, и мои воспоминания о Патрике испаряются, словно вода с горячего асфальта. Это было тогда, напоминаю я себе. А это сейчас. — Прости за опоздание. Безумный телефонный звонок.

— Назначал свидание? — весело спрашиваю я.

— О, какая ты шутница. — Гейб протягивает свою большую руку, чтобы поднять меня. — Нет, в Нотр-Дам есть программа, в которой можешь выбирать различные больницы. Это вроде семестра за границей, но для учащихся на медицинском — меняешь утки и все такое вместо того, чтобы заливать в Праге. Так вот, я весной подал заявление, и меня внесли в список ожидания, но, кажется, кто-то отказался, и в МБ освободилось место.

Смотрю на него и тянусь к ручке пассажирской двери «Вольво», нагревшейся на солнце.

— МБ? — спрашиваю, пытаясь понять сокращение. — Это…

— Массачусетская больница, да, — отвечает Гейб и выгибает брови. — В Бостоне.

— Правда? — ошарашенно спрашиваю его, но понимаю, что не в плохом смысле. — Ты осенью можешь быть в Бостоне?

— О, а сейчас ты напугана, — говорит Гейб и, посмеиваясь, поворачивает ключ в зажигании. — Типа: «Черт, я планировала все лето пользоваться телом этого парня, а потом никогда с ним не разговаривать, и что мне теперь делать?»

Я тоже смеюсь.

— Я рада, что ты будешь менять утки в моем новом городе. Я слышала, бостонские утки — самые лучшие во всей стране.

— Ты серьезно это слышала? — Гейб все еще улыбается. — Все пока еще под вопросом. Мне надо уехать туда через пару дней, пройти интервью. Кажется, из претендентов есть только я и другой парень.

Я киваю и на минуту представляю себе эту картину: мы с Гейбом гуляем по Бостонскому парку, тусуемся и слушаем уличных музыкантов в Фанел-Холл. Не это я представляла себе, когда подала на зачисление в прошлом апреле. Но мне

нравится это ощущение.

— Ты получишь место, — решаю я, с улыбкой глядя в окно. — Вот увидишь.

День 49

Следующим утром, проснувшись из-за двух звонков, вытащивших меня из беспокойного сна, обнаруживаю в телефоне два сообщения. Одно от Гейба, который в последнюю минуту решил отправиться в настоящее путешествие и собирается на обратном пути с интервью провести пару дней со школьными друзьями: «*Буду скучать по тебе, Молли Барлоу. Бостону передам от тебя привет».*

Второе сообщение от Патрика: «*Побегаем завтра?»*

Я смотрю на экран, сообщения идут друг за другом, как какая-то злая шутка от вселенной.

Выключаю телефон и снова ложусь спать.

День 50

Снова встречаюсь с Патриком. Сегодня за ним проще поспевать, чем в прошлый раз: резиновая подошва кроссовок ритмично стучит по асфальту, легкие дышат равномерно. Мы огибаем озеро, и Патрик останавливается.

— Я пытался не потерять тебя, — вдруг говорит он, и его голос подсказывает мне, что он думал об этом дольше, чем с начала этой пробежки. — Вот почему вел себя, как идиот, из-за Бристоля. Я пытался тебя не потерять. — Он качает головой. И продолжает прежде, чем я успеваю сложить два и два: — Но все равно потерял.

— Ты не терял, — быстро и внезапно выпаливаю я, словно участвую в «Сто к одному». Я тяжело дышу, то ли из-за пробежки, то ли из-за чего-то другого. — Ты меня не терял, я здесь, я…

— Молс, — кривится Патрик, будто говоря: *«Все дело во мне, пожалуйста, хватит нести чушь»*. — Ты уехала на другой конец страны, чтобы сбежать. А теперь встречаешься с моим чертовым братом. — Он качает головой и запускает руку в волнистые волосы. — Есть кое-что, о

чем я тоже знал. Что ты нравилась ему. Ты уже давно нравилась ему.

Я моргаю. Вспоминаю слова Гейба на параде, что он хотел пригласить меня на колесо обозрения.

— Серьезно?

Патрик пожимает широкими плечами и закатывает серые, как шторм, глаза.

— Все знали, — отвечает он.

— Но не я.

— Да. — Он смотрит на озеро, потом на меня и снова на водную гладь. — И я не хотел, чтобы ты это узнала.

— Почему?

Патрик выдыхает.

— Наверное, пытался отвратить неизбежное. Не знаю. — Кажется, его злит, что я заставляю его говорить об этом, словно это не он изначально завел этот разговор. — Но Гейб это Гейб.

— Что значит «Гейб это Гейб»? — спрашиваю, хотя вроде как понимаю, к чему клонит Патрик. Вероятно, будь я умнее, не давила бы на него.

— Молли… — Патрик раздраженно замолкает. Сегодня влажно, и его загорелая кожа покрыта каплями пота. Он стоит так близко, что я чувствую исходящий от него жар. — Я не знаю.

Забудь. Мы можем просто продолжить?

Ты думал, я не захотела бы встречаться с тобой, узнав, что нравлюсь твоему брату? — хочу спросить его. *Беспокоился, что я довольствуюсь вторым местом?*

— Поговори со мной, — прошу я. — Что бы раньше ни происходило, ты всегда мог со мной поговорить.

— Я раньше многое мог сделать, — огрызается Патрик, выйдя из себя. — Ты можешь закрыть эту тему?

— Нет! — восклицаю я. Мы словно кидаем мячик туда-обратно, как в игре «Горячая картошка», будто никто из нас не хочет держать его, когда он взорвется. Я пропустила кофе с Имоджен, чтобы быть здесь. Так и не рассказала Гейбу о том, что происходит. — Объясни мне. — И добавляю, когда он не отвечает: — Патрик.

– *Молс*. — Глаза Патрика становятся темнее, чем я когда-либо видела, крапинка в одном из них напоминает Северную звезду. — Закрой эту тему.

И тут все странно затихает, деревья, озеро, становится пусто — ни туристов, никого. Патрик наклоняется ко мне. Он хочет меня поцеловать, я вижу это, и мы стоим, тяжело дыша. Он очень, очень сильно хочет меня поцеловать.

Я это знаю, потому что сама этого хочу.

— Нам пора, — говорит Патрик, качает головой и отворачивается от меня. Он устремляется вперед так быстро, что у меня перехватывает дыхание.

День 51

Тесс звонит следующим утром — действительно звонит, не пишет простое сообщение, поэтому кончиками пальцев достаю телефон из кармана. Ночью сломалась одна из посудомоечных машин гостиницы и затопила половину кухни, так что в этой ситуации задействованы все руки.

— Привет, — говорю ей, устраивая скользкий телефон между ухом и плечом, и погружаю кофейные чашки в первое отделение трехуровневой раковины. Под ногами хлюпает мокрое полотенце. — Ты здесь?

— Нет, — отвечает Тесс. — Должна была прийти в полдень, но не думаю, что появлюсь.

— Хорошо, — медленно говорю я. Ее голос звучит как-то странно. Бросаю взгляд на Джея, который готовит на завтрак яичницу. — Заболела?

— Патрик расстался со мной.

Замираю на месте, опустив руки в мыльную воду, словно собираюсь устроить второй потоп за день: воды достаточно, чтобы смыть гостиницу в озеро. Начинает тошнить, мозг атакуют сотни разных мыслей.

Патрик расстался с ней.

— О господи, — наконец выдавливаю я. Первая связная мысль, пришедшая в голову — надо вести себя, как обычно, вторая — нет причин выходить за рамки того, что с Патриком и Тесс меня связывает лишь дружба. Мне нельзя втягиваться в это. И уж точно нельзя чувствовать огромное *облегчение*. — Ты в порядке?

— Я… да. Нет. Не знаю… — Тесс замолкает. — Извини, странно, что я тебе звоню, просто подумала, ты предупредишь Пенн. — Снова пауза. — В смысле, это даже не правда, я хотела поговорить об этом с тобой, понимаешь? Так как ты… — Она снова замолкает. — Извини.

— Так как Патрик Доннелли и меня бросал? — предлагаю я в надежде, что, если пошутить, Тесс не догадается, что мое сердце пульсирует до самой глотки, оставляя медное послевкусие во рту. Вспоминаю вчерашнюю пробежку с Патриком, странную вспышку, промелькнувшую между нами.

Тесс посмеивается, и этот звук подсказывает мне, что она, возможно, плачет.

— Да, — признается она, — наверное, поэтому.

Порыв сбросить звонок и набрать Патрика похож на сдерживание кашля; хочется выслушать

его и убедиться, что с ним все хорошо.

— Хочешь, чтобы я позвонила Имоджен? Можем завтра устроить девичник, отправимся в «Кроу Бар» или куда-то еще. В этот раз я постараюсь, чтобы на меня ничего не уронили. Будет весело.

— Да? — В голосе Тесс слышится надежда. — Ты этого хочешь? В смысле, у тебя нет планов с Гейбом?

Имя Гейба пугает меня: я на секунду забыла о его существовании, не говоря уже о наших отношениях. Господи, что со мной не так? Мое сердце грохочет в груди, словно магазинная тележка с поломанным колесом.

— Нет, — отвечаю Тесс, стараясь говорить спокойно. — Нет, он уехал в Бостон на интервью. Мы будем втроем и повеселимся.

— Хорошо, — говорит Тесс уже не таким прерывающимся голосом, как в начале разговора. Меня же шатает. — Тогда идем в «Кроу Бар». Около девяти?

Я обещаю ей, что буду, и погружаю в мыльную воду еще два стакана. Остаток дня мой телефон проводит в морозилке.

День 52

Не помню, чтобы когда-либо ходила на настоящий девичник, но Имоджен в них профи. Меня окутывает запах пара и паленых волос, когда она проводит по моим прядям утюжком. Рядом стоит бутылка яблочного ликера — невероятно зеленого и густого, как растаявшие чупа-чупсы, — который она, словно Мэри Поппинс, достала из сумочки. Ее мама уехала в Хадсон в дом отдыха. В «Кроу Бар» никто не наряжается, но Имоджен настаивает на том, что мы должны, и достает из закромов шкафа платье за платьем. Мы же с Тесс наблюдаем за ней с кровати, делясь своим мнением — все как в сцене из девчачьего фильма. Кажется, такая разминка в стиле Эмили Грин, а не меня, которая предпочитает тихие вечера и длинную очередь из старых документальных фильмов про бейсбол и историю соли. Это мило.

— Итак, — говорит Имоджен, надевая черное платье-холтер, из-за которого больше смахивает на пинап-герл. На мне юбка стретч и шелковый топ, больше ничего, настолько похожего на платье, у меня не было с седьмого класса — я была не

в той ситуации, чтобы ходить на выпускной. — Есть мысли?

— Сойдет, — радостно произносит Тесс. Она сегодня улыбается и дерзит, но приехала сюда со слегка опухшим лицом, а короткие ногти были обкусаны до неприятных на вид обрубков. Она так и не сказала, из-за чего они поссорились, если ссора вообще имела место. А я и не спрашивала. — Твоя задница выглядит потрясающе. И я уже хочу тусоваться.

— Ну, тогда пей залпом этот восхитительный напиток, — говорю ей, кивая на почти полный стакан ликера. Мне нравится все сладкое, но после трех глотков этого напитка создалось ощущение, будто мои зубы носят свитера. — До дна. Давай, это именно то, что тебе нужно, изготовлено из качественного сырья.

— Практически здоровая еда. — Тесс решительно кивает. — За то, что меня бросил Патрик Доннелли, — говорит она и поднимает стакан.

— За то, что меня бросил Патрик Доннелли, — повторяю за ней и чокаюсь. Но смех мой звучит странно и неискренне: правда в том, что я чувствую себя обманщицей, а в голове навязчиво крутится мысль, что, просто оказавшись здесь и составляя им компанию, я вру с три короба. Пат-

рик не связывался со мной с той самой утренней пробежки, но вдруг оказывается ближе ко мне, чем за последние полтора года.

Тесс допивает ликер и смешно кривится, словно только что хлебнула человеческой рвоты с керосином.

— Давайте сделаем это, — приказывает она, спрыгивая с кровати Имоджен, и чуть пошатывается. Затем одергивает подол короткого изумрудно-зеленого платья. — Чувствую себя трансвеститом на каблуках, — бормочет она.

— Ты понимаешь, что мы будем выглядеть, как проститутки, — отмечаю я.

И мы произносим одновременно:

— Трансвеститы-проститутки.

— О, вы такие смешные, — говорит нам Имоджен, закатывая глаза. — Помолчите секундочку, вызову такси.

В «Кроу Баре» заказываем шоты с виски и выливаем их в стаканы с яблочным вином. Этому меня научил Гейб, чтобы вкус был похож на яблочный пирог.

— Тема вечера — яблоки, — констатирует Имоджен. — Авраам Линкольн был бы доволен. — И добавляет, заметив наше непонимание: — Из-за яблони, понимаете? — спрашивает она и пере-

водит взгляд с одной на другую. — Он не мог ее срубить. Или срубил и не смог соврать?

— Это было вишневое дерево, — говорю я, а Тесс вместе со мной произносит:

— Это был Джордж Вашингтон.

Нам это почему-то кажется очень смешным, и мы сгибаемся от смеха у своего столика возле музыкального автомата.

— Мы танцуем? — спрашивает Тесс, когда начинает играть песня Уитни Хьюстон, которую мы включили благодаря целой горсти четвертаков. — Помню, мне обещали танцы в трудную минуту.

— О, танцуем.

Имоджен хватает меня за запястье и тянет в толпу.

Я смеюсь, проходя вместе с ними в гущу людей, трясу головой и позволяю Тесс кружиться вокруг меня. Имоджен подпевает, словно мы все еще в ее комнате, а не в баре, где технически из-за возраста не имеем права находиться. У меня такое ощущение, что я провожу два отдельных вечера, будто присутствую здесь лишь наполовину: порыв связаться с Патриком стал настойчивым и физически ощущаемым, как зуд стопы, когда не можешь снять обувь, или першение в горле.

После следующей песни идем в уборную, змейкой шныряя в толпе.

— Как дела? — спрашивает Имоджен Тесс, пока мы стоим в очереди, сталкиваясь плечами. Пахнет канализацией. — Держишься?

Тесс вздыхает.

— Да, я в порядке, — отвечает она. — Просто чувствую себя такой дурой. — Она наклоняется над стойкой с лужицами и, рассматривая себя в мутном зеркале, стирает тушь, которая осыпалась с ресниц. — По крайней мере, я с ним не спала.

— Серьезно? — тут же выпаливаю я, а потом морщусь. Господи, не слишком ли отчаянно? Как отвратительно, что меня волнует, спали они или нет. Мы с Патриком никогда не занимались сексом. Наши отношения, когда мы разошлись, а затем снова сошлись, во многом вернулись в исходное состояние, и мы как раз шли в ту сторону, когда в конце одиннадцатого класса вышла злополучная статья. Я боялась, что как-то выдам себя, что, если мы этим займемся, он все поймет. Надо отдать ему должное, Патрик никогда не давил. — В смысле, это не мое дело, извини.

— Ага. — Тесс как будто все равно и на мой вопрос, и на то, что наш разговор происходит в зоне слышимости шести других женщин. Наверное,

она немного пьяна. — По правде говоря, я бы занялась с ним сексом, но… Он не хотел. Какой восемнадцатилетний парень не хочет заниматься сексом? Я симпатичная девушка! Так и знала, что это странно.

— Может, у него сломан член, — встревает Имоджен. — Или его случайно обрезали лазером после несчастного случая в детстве?

Тесс взрывается смехом.

— Лазерный член, — произносит она одновременно со смывом туалета и идет к открытой кабинке. — Проблема точно именно в этом.

По пути обратно Имоджен и Тесс идут к бару, а я пробираюсь к нашему столику в углу и наблюдаю за людьми. Смотрю на часы на дальней стене. Роюсь в сумочке в поисках гигиенической помады и в этот момент чувствую жужжание телефона. На экране горит имя Патрика.

В его сообщении написано: «*Привет*».

Дерьмо. Осматриваюсь, как будто меня вот-вот поймают с контрабандой. Тесс и Имоджен зависают у бара и над чем-то смеются. Впервые за год у меня появились друзья.

«*И тебе привет*, — пишу ему и жую губу, словно собираюсь отгрызть ее. И добавляю: — *Ты в порядке?*»

Я не жду от него мгновенного ответа, это уж точно. Вспоминаю, как долго он отвечал после кемпинга, как отдалились мы от постоянных переписок, которыми занимались несколько лет назад. Наша жизнь теперь — один длинный разговор. Вполне возможно, что он вообще мне не ответит. Вот почему удивляюсь, когда через десять секунд сумка снова жужжит. «*В порядке*, — коротко отвечает Патрик. И чуть позже добавляет: — *Ты сейчас занята?*»

Глубоко вдыхаю и наблюдаю, как Тесс и Имоджен идут сквозь толпу в мою сторону и хихикают. Имоджен машет мне, как будто мы не виделись несколько лет.

Снова смотрю на телефон, затем перевожу взгляд на них.

Быстро пишу ответ: *«Нет. Что случилось?»*

День 53

— Ты вроде сказала, что не занята, — говорит Патрик, когда я показываюсь после полуночи у боковой двери его дома. Пришлось взять сюда такси и сказать Имоджен и Тесс, что у меня начались месячные. На грязной подъездной дорожке пустует место, где обычно стоит «Вольво» Гейба, заметны следы шин, оставленных им, когда он поехал в Бостон. Делаю вдох, отворачиваюсь и в сорок пятый раз за последние сорок пять минут спрашиваю себя, что, черт побери, делаю. — По наряду не скажешь.

— Ну, — говорю ему и смущенно тяну черную юбку Имоджен, которая сидит на мне в облипку. Пожимаю плечами. — Я лгунья.

— Это точно, — отмечает Патрик, но за этими слова не слышится никакого раздражения. А через мгновение он добавляет, так тихо, что я почти не слышу: — Прекрасно выглядишь.

— Да? — Меня удивляет, что он вдруг одаривает меня комплиментами, достает их из заднего кармана, как блестящие новые монетки. А когда поднимаю голову, вижу, что его глаза потемнели,

в них отражается голод. И в моей груди будто что-то треснуло и растеклось, как яйцо. Я сглатываю. — Ты тоже, — наконец говорю я.

Патрик кривится.

— Отличная попытка, — произносит он, фыркнув. Мы все еще стоим на пороге, наполовину в доме, наполовину на улице. Кажется, наши отношения — самое настоящее «посередине». «*Не стоило сюда приходить*», — хочу сказать ему или: — *«Я рада, что ты сегодня написал».*

— Почему ты расстался с Тесс? — спрашиваю его вместо этого.

Патрик качает головой, выражение его лица говорит: «Это очевидный вопрос и нереально сложный», будто даже если спрошу, то все равно не получу ответа.

— Почему? — Чувствую, как ночь давит на меня, слышу тихое жужжание комаров и уханье совы вдалеке. — Просто я была с ней, она…

— Ты была с *ней*? — спрашивает Патрик, выпучив глаза. — *Почему*?

— Потому что мы дружим! — выдаю я, скрестив руки на груди. — Знаю, ты меня ненавидишь и все такое, но мне все еще позволено заводить друзей.

Хотя я их не заслуживаю, напоминает резкий

голос в моей голове. Посмотри, где я сейчас нахожусь.

— Ты знаешь, что я… — Патрик смотрит на меня так, будто я ненормальная. — Ты действительно так думаешь? Что я тебя ненавижу? И какого черта тогда я зову тебя к себе посреди ночи, почему расстаюсь со своей чертовой *девушкой*, если ненавижу тебя, Молс?

Я пугаюсь, тело словно бьет током. Он только что сказал…

— Потому что… — замолкаю и пытаюсь снова. Его лицо вдруг оказывается очень, очень близко. — Потому что…

И тут Патрик меня целует.

Сначала поцелуй неуклюжий, его лицо прижимается к моему так сильно и неожиданно, что я чуть не валюсь назад. Чувствую вкус крови и не могу понять, его или своей. Патрик раньше стеснялся целоваться, вел себя скромно и нерешительно, словно боялся, что сломает меня, если сожмет слишком сильно.

Этот поцелуй… совсем не такой.

Он похож на пожар в лесу, на поездку на аттракционе, когда кабинка несется вниз, и центробежная сила — единственное, что удерживает тебя. Руки Патрика оказываются везде. Я обхваты-

ваю его за шею, чтобы удержаться, сердце сильно бьется, а его зубы покусывают кончик моего языка. Только запах остался прежним. Кладу руки ему на плечи и подаюсь вперед, поднимаясь на цыпочки, чтобы оказаться как можно ближе. Я бы забралась в него, если бы могла, поселилась там и гуляла до конца лета. Гуляла до конца своей жизни.

А потом я вспоминаю про Гейба.

— Прекрати, — говорю ему прежде, чем понимаю, что сделаю это. Сердце колотится по-другому и внезапно отступает. — Просто… — продолжаю я, в панике вскинув руки, — я не могу. Патрик. Я не могу. Не теперь… Я не могу сделать это снова, извини.

Патрик совершенно сбит с толку. А потом прищуривается.

— Из-за брата? — спрашивает он и отступает так быстро, как будто выстрелил в меня, разбив вдребезги мои кости. Я морщусь. — Ты это сейчас серьезно?

— Патрик, пожалуйста, — начинаю я, но чувствую, как он пятится, чувствую, что снова все испортила, весь мир рушится на моих глазах. Охватившая меня паника кажется сжигающей, ужасной и внезапной. Хватаю его за руку, пока

не отвернулся.

– *Подожди*, — требую я. И снова прижимаюсь к нему своим предательским ртом. Патрик издает звук, то ли стон, то ли рык. И целует меня в ответ.

День 54

Я просыпаюсь до рассвета с жуткой головной болью и ощущением, будто мое сердце выжали.

Что я наделала что я наделала что я наделала?

День 55

Стою в душе больше часа. Вода настолько горячая, что с трудом терплю. Мне хочется выжечь верхний слой кожи.

День 56

Элизабет и Микаэла хихикают, когда я прохожу мимо них на работу по коридору для сотрудников, поэтому, наверное, не стоило удивляться приклеенному к моему шкафчику листочку, на котором фигурка девушки, предположительно меня, ублажает ртом компанию парней. Я тут же хмурюсь.

Они все лето отпускали в твою сторону банальные шуточки, напоминаю себе — они не могут знать, что произошло между мной и Патриком, — но все равно несусь наверх и весь рабочий день прячусь в кабинете, сортируя по алфавиту файлы в шкафах Пенн и смотря на компьютере сериал «BBC: Голубая планета». И каждый раз, когда в коридоре раздаются шаги, я съеживаюсь.

День 57

Боюсь, что во время обычной пробежки у озера столкнусь с Патриком, поэтому делаю два круга по полю старшей школы, где все заперто и опустело на лето, напоминая зомби-апокалипсис. Странно вернуться сюда, в школу, в которой не доучилась, где все закончилось без меня, пока я пряталась на другом конце страны.

Беговая дорожка кажется теплой и упругой под ногами, а ноги сильными и легкими. Голова освобождена от мыслей, разум спокоен. Пробегая по парковке, останавливаюсь так быстро, что чуть не падаю.

Джулия сидит в «Бронко», черные волосы убраны в пучок на макушке. Ее руки обхватывают симпатичное угловатое лицо Элизабет Риз, их губы прижимаются друг к другу, словно в этом мире больше никого нет.

Я с минуту пялюсь на них. Моргаю. Эта ситуация напоминает сюжетный поворот в конце одной из маминых книг или фильма, где оказывается, что парень все это время был мертв, и миллион осколков-подсказок сливаются воедино:

Джулия и Элизабет всегда вместе, как было у нас с Патриком. Удивление Гейба, когда я в начале лета спросила, встречались ли они с Элизабет. И мне не впервые приходит в голову, что никогда нельзя знать, что таится в закромах сердца.

Собираюсь сбежать, пока меня не заметили: интересно, знает ли кто-то еще. Хочется ускользнуть и предоставить ей разбираться с этим — выяснять до конца, а может, она уже все понимает. Но я как всегда слишком медлительная и глупая, и через секунду она отстраняется и моргает.

Черт. Я скорее вижу, как двигается рот Джулии, чем слышу сказанное; вот и ответ на мой вопрос, знает кто-то или нет. Чувствую, что краснею, ведь меня поймали на том, что я пялилась, как сумасшедшая. Хочу пообещать ей, что никому не расскажу — что понимаю значение слов «личная жизнь» и не из тех, кто будет трепаться. Но не успеваю, потому что Джулия срывается с места и несется к выезду, не сводя с меня взгляда.

День 58

Пока я меняю воду в миске Оскара, в дверь дважды настойчиво звонят. Я думаю, что это Алекс, который пришел починить болтающуюся ставню, на которую все жаловалась мама, но по другую сторону двери-ширмы стоит Джулия в топике и легком шарфике. Темные волосы, заплетенные в несколько кос, закреплены на макушке, как у Хайди.

Я стою на месте. Смотрю на нее. У нее стиснуты зубы, руки крепко сжаты в кулаки: с таким же успехом она могла бы поднять их, как бывалый боксер.

— Я ничего не расскажу, — говорю, не утруждаясь открыть дверь и впустить ее. Нет никаких сил для ссоры. — Если ты за этим пришла.

— Я… — На секунду Джулия совершенно сбита с толку, словно показалась на войне с танками и артиллерийским оружием и обнаружила, что я смотрю сериальчики и подпиливаю ногти. — Не расскажешь?

– *Нет*, — тут же говорю я, ощутив волну раздражения — будто это даже не обсуждалось. Она

меня *знает*. Знает, что я не из тех, кто кричит на весь мир о том, что меня не касается, особенно насчет такой щекотливой ситуации. Хотя однажды я тоже думала, что знаю ее. — Не расскажу.

Джулия моргает и смотрит на меня ошарашенно, словно я выбила ее из колеи. Она меня недооценивает.

— Хорошо, — говорит она через мгновение. — Спасибо. Элизабет рассказала мне про приклеенный листок, ей очень жаль. — И добавляет: — Больше про нас никто не знает, кроме Гейба.

Она остается стоять на крыльце, вглядываясь в меня сквозь дверь-ширму. Вспоминаю, с каким удовольствием она издевалась надо мной большую часть прошлого года. Вспоминаю, как Чак застегивал на ней спасательный жилет на «Салли Форт».

— Ты же знаешь, что твоей маме будет все равно? — говорю я, хотя не понимаю, зачем сую нос. Возможно, потому, что когда-то ее семья была моей семьей. — В смысле… Возможно, тебе мой совет и не нужен. Но она будет счастлива, что ты счастлива, вот и все. И Патрик тоже.

Джулия скрещивает руки на груди и переминается. У нее яркие красные ногти.

— Я знаю, — говорит она немного злобно. — Ко-

нечно, Патрику будет плевать, что мы с Элизабет… неважно. Она ему не нравится. Он считает ее эгоисткой и думает, что я стала такой же, общаясь с ней, и я просто… Ты знаешь, какой Патрик.

Меня это удивляет — знаю, конечно, знаю. Знаю, что для разговора с Патриком требуется определенное мужество, и во время него ты чувствуешь себя упрямой и стеснительной. Именно поэтому я сейчас там, где нахожусь. Намного легче было рассказать секрет Гейбу.

Мне вдруг хочется объясниться перед Джулией, рассказать, как все произошло, но понимаю, что это гиблое дело, еще до того, как открываю рот.

— Да, — вот и все, что я говорю. — Я знаю, какой Патрик. — А потом озвучиваю нечто вроде предложения мира: — Элизабет симпатичная.

— О господи, *достаточно*. — Джулия закатывает глаза и качает головой. — Мы больше не подруги, понятно? Не надо пытаться сблизиться со мной за счет симпатии к девочкам. Я приехала сюда убедиться, что твоя мама не напишет о живущей неподалеку лесбиянке, вот и все. Договорились?

Такова Джулия Доннелли. Не знаю, почему ожидала чего-то другого.

— Да, — обещаю я, качая головой. Стараюсь не

улыбаться. — Договорились.

День 59

После «Кроу бара» — после случившегося с *Патриком* — я совершенно пропала из виду, на работе пряталась в кабинете, чтобы не столкнуться с Тесс, а вечером сразу шла домой, чтобы посмотреть документальные фильмы о девушках-боксерах и покупке Луизианы. «*Как твои женские прелести???*» — спрашивает Имоджен в групповом сообщении, и Тесс тут же вставляет смайлик с «Х» вместо глаз: «*Ты умерла от спазмов?*»

Из-за того, что у меня есть друзья, которые волнуются из-за моих воображаемых месячных, я ненавижу себя еще больше, чем прежде: и за ложь, и за то, что случилось после нее. Джулия права: я не заслуживаю ничего хорошего.

«Жива», — пишу в ответ — это единственная правда, которую могу выдать, — затем выключаю телефон и еще один день скрываюсь от всего мира.

День 60

По пути из Бостона Гейб заскочил в Род-Айленд повидаться со школьными друзьями. Он возвращается утром и пишет сообщение, что встретится со мной на работе в конце дня. Всю смену с нетерпением жду этого, но вина и стыд поедают мои внутренности, словно я проглотила хлорку, которую используют для бассейна. В голове крутятся мысли, дикие и раскаленные, как одежда в сушилке. Когда смена заканчивается и я достаю из шкафчика сумку, мне кажется, меня вот-вот стошнит.

Но тут… Тут я вижу Гейба.

Он стоит на парковке, весь загорелый и в голубой футболке, связка ключей лениво свисает с пальца.

— Привет, Молли Барлоу, — произносит он с улыбкой, медленно и легко передвигаясь по асфальту.

Я бросаюсь в его объятия.

Тот эффект, что оказывает на меня Гейб, можно считать *безумием*, как затихающий в море шторм, как успокаивающийся ураган. Тошнота

сходит на нет, как только он ловит меня, и все вдруг кажется таким неимоверно очевидным. Он кажется невероятно *правильным*. Когда я с ним, нет ощущения пытки или боли. Все легко и приятно.

— Привет, — посмеивается Гейб, слегка меня приподняв. Его руки напоминают спасательный жилет, даруют ощущение безопасности. — Скучала, да?

– *Да*. — Накрываю его уши ладонями и решительно целую его в губы. — Как все прошло?

— Нормально, — отвечает Гейб, осторожно меня опускает и переплетает пальцы с моими. — Вообще-то, я думаю, все прошло просто отлично.

— Правда? — Я улыбаюсь. — Считаешь, ты получишь место?

Гейб пожимает плечами и загадочно улыбается.

— Посмотрим.

— Посмотрим, — соглашаюсь я. Представляю себе — как представляла прежде, до его отъезда, но почему-то забыла об этом, пока его не было, — как мы сидим в кофейнях или прижимаемся друг к другу в темных барах Гарварда, плывем по реке Чарльз, вдали мелькают огни города. Что я пыталась делать с Патриком тем вечером, хотела

доказать себе, что не заслуживаю этого?

Откидываю голову назад, чтобы посмотреть на Гейба, его волосы сверкают золотом в лучах вечернего солнца.

— Я очень рада, что ты вернулся, — говорю я и улыбаюсь.

День 61

Наш флорист, украшающий лобби, совершает ошибку и присылает два дополнительных десятка гладиолусов, которые нравятся Конни, поэтому заворачиваю их в бумажные полотенца и после работы иду к Доннелли. Я думала о ней, обо всех них, о секретах, что они утаивают друг от друга. Они казались прочной ячейкой общества, идеальной семьей. Благодаря им я чувствовала себя в безопасности.

— Господи, Молли, — говорит Конни, открыв дверь в джинсах и рабочей футболке. Из-за озадаченной улыбки ее лицо выглядит молодым и симпатичным. — Зачем они?

Пожимаю плечами, стесняясь и чувствуя себя неловко — я специально выбрала время, когда никого из ее детей не будет дома, но все равно ощущаю себя пойманной на чем-то и беззащитной, словно перешла все рамки. Когда вышла «Дрейфующая» и вокруг меня все завертелось, точно уронили клубок ниток, я представляла себе, что Конни позвонит или придет ко мне, чтобы сводить на чашечку кофе и вафли со взбитыми

сливками, чтобы поделиться мудрым материнским советом. Конечно, этого не случилось — как бы близко мы ни общались, я никогда не была ей кровной дочкой, да и плохо поступила с ее настоящими детьми. И теперь понимаю, что даже не знаю, какие цветы нравятся моей маме.

— Ох, Молли, — говорит Конни одинаково довольно и смиренно. Цветы ярко-розовые. — Не стоило.

— Знаю, — тихо произношу я, и мы обе знаем, что я говорю не про цветы. Вспоминаю ту туристку из гостиницы: *душераздирающая вещь*. — Но я сделала это.

— Точно, сделала, — соглашается Конни, глядя на меня с эмоцией, напоминающей доброту. — Спасибо.

Только я собираюсь попрощаться и уйти, как за ее спиной появляется Джулия в джинсовых шортах, клетчатой рубашке и очках, в которых никогда не ходит вне дома.

— Кто там? — спрашивает она. А потом видит меня. — О, привет.

— Я собиралась уходить, — заверяю ее и делаю шаг назад по ветхому крыльцу. — Просто… — Показываю на цветы. — Приятного вечера.

Джулия кивает, но не сдвигается с места, просто

долгое время смотрит на меня, как будто что-то решает. Я собираюсь с мыслями, в голове крутится тысяча неприятных возможных исходов.

— Ты должна остаться на ужин, — объявляет она.

Несколько секунд ошарашенно смотрю на нее и моргаю. Должно быть, у меня галлюцинации.

– *Да*?

— Конечно, — говорит она, разворачивается и идет на кухню, расправив плечи. — Парни скоро будут дома, мы готовим тако. Правильно, мам?

Конни неуверенно переводит взгляд с Джулии на меня и обратно — наверное, гадает, не придумала ли Джулия убить меня и спрятать тело в сарае под каким-нибудь старым походным снаряжением.

— Правильно, — наконец говорит она и отступает, держа в руках цветы. — Входи, Молли.

Вот так я оказываюсь за длинным столом Доннелли и ем тако, как будто мне снова тринадцать, только в этот раз рядом со мной сидит Гейб. Вернувшись домой и обнаружив меня нарезающей лук с его сестрой под альбом *Rubber Soul*, играющий на старом айподе Конни, он удивленно и радостно улыбается.

— Внезапное нападение, да? — спрашивает он,

дернув меня к себе за петли ремня и поцеловав в шею, когда никто не смотрит. — Рад, что ты здесь.

Патрик появляется через несколько минут. Джулия накрывает на стол, а Гейб ушел в комнату переодеться. Патрик на мгновение зависает на пороге, уставившись на меня, будто ни разу в жизни не встречал, будто я незнакомка и представляю опасность. Я не видела его с нашего невразумительного поцелуя посреди ночи.

— Привет, — здороваюсь я, уверенно глядя на него.

— Привет, — говорит Патрик, затем разворачивается и уходит.

— Что-нибудь слышно из больницы? — спрашивает Конни Гейба, добавляя в тако черные бобы. Все семейство собирает их одинаково: в мягкую лепешку заворачивают всю начинку так, чтобы она не вывалилась, когда откусываешь. Этому фокусу научил нас Чак, когда мы были маленькими.

Гейб качает головой и сглатывает.

— Пока нет, — отвечает он. — Говорят, это может занять пару недель. Кажется, интервью другого парня проходило после меня.

Мой взгляд перескакивает на Патрика, его

веснушчатые руки и серьезное лицо, рукава его толстовки закатаны до локтей. Он смотрит на тако, а не на меня. Он должен был догадаться, что произойдет, если Гейб проведет эту осень в Бостоне.

Но, кажется, ему все равно; он поднимает голову и обводит ясным взором стол.

— Бостон тебе как раз подходит, — вежливо говорит он брату, тянется к ложке и снова наполняет тарелку.

День 62

Пенн хочет, чтобы я обучила работать в программе новеньких девочек-администраторов, поэтому щелкаю по клавиатуре в ее кабинете, а она периодически заглядывает через мое плечо, чтобы убедиться, что я все понимаю и смогу объяснить.

— Мы отправляем благодарственные открытки? — спрашиваю я, листая записи и откусывая от лакричной конфеты. Дези молча сидит на моем колене, темная голова склонилась над раскраской с Русалочкой. — А могли бы. В конце лета, например, отправлять людям открытки, в которых благодарили бы за визит и приглашали вернуться — или купон, какую-нибудь скидку на осень, когда мало народу.

Брови Пенн взлетают, губы медленно растягиваются в улыбке.

— Ты посмотри, как у тебя голова варит, — кивает она. — Хочешь просчитать расходы?

— Конечно, — отвечаю, улыбаясь ее энтузиазму и передвинув Дези на другое колено. Она в последнее время почти от меня не отходит,

засовывает свои маленькие пальчики в мой задний карман, пока я утром иду по коридору, и пристегивается на заднем сиденье моей машины, когда Пенн посылает меня в город по делам. Мне нравится ее шустрая тихая компания. Нравится небольшой, но при этом ощутимый вес ее тела на моих коленях. — Завтра все предоставлю.

— Отлично. Тебе лучше? — спрашивает она, облокотившись о край стола и рассматривая меня. — Я заметила, насколько странно ты себя вела на прошлой неделе.

— Я… Извините, — смущенно говорю я. — Личное. Старалась абстрагироваться на работе. Что-то не было сделано?

Пенн качает головой.

— Ты отлично справилась. Просто казалась какой-то отстраненной, вот и все. Будто не хотела проводить время вне этого кабинета. — Она склоняет голову вбок и слегка прищуривается. — Эти девочки, что работают в столовой, Микаэла и другая. Они достают тебя?

Качаю головой. По правде говоря, после того рисунка Элизабет они отстали от меня, предоставив самой себе, и лишь периодически бросали на меня злобные взгляды. Я никак не могу признаться Пенн, что на самом деле всю неделю

избегала Тесс.

— Все нормально, — обещаю ей. — Проблема разрешилась.

— Хорошо. — Пенн кивает и отряхивает руки, как будто на них какая-то пыль — дело закрыто. — Отлично. Хочешь сбегать на кухню, убедиться, что ребята воспользовались своими перерывами?

— Конечно. Что скажешь, Дез? — спрашиваю я девчушку, снимая с колена на ковер. — Хочешь прогуляться?

Дези запрыгивает ко мне на спину, и мы выходим в лобби. А когда заходим за угол, видим Тесс в красном купальнике спасателя и мужских шортах, которая крутит между двух пальцев веревочку со свистком.

— О, привет, вот ты где, — говорит она. — Я все утро тебя искала. Привет, Дези. — Она улыбается малышке, с любопытством выглядывающей из-за моего плеча. И обращается ко мне: — Я должна тебе кое-что рассказать и чувствую себя глупо из-за этого. Или я радуюсь? Но чувствую себя глупо.

— Хорошо… — неуверенно произношу я и подкидываю Дези к плечам. Она сползает. — Что стряслось?

— Мы с Патриком вроде как сошлись вчера

вечером.

– *Оу*! — Я морщусь, когда прядь моих волос попадает в блестящий браслет Дези, которая сильно дергает руку. — Полегче, малышка.

Опускаю ее, чтобы распутаться, глаза слезятся из-за жжения кожи головы, хотя я благодарна за такое отвлечение и несколько секунд, за которые успеваю изобразить на лице более подходящую эмоцию, а не настоящую.

Сошлись. Патрик и Тесс.

— Извини, — говорю ей, выпрямившись; Дези бежит по лобби за Вирго, чудаковатым рыжим котом гостиницы. Тесс выжидающе смотрит на меня. — Это… круто! — выдавливаю я. Вспоминаю, что вчера, во время ужина, Патрик никак не отреагировал на новости о том, что брат поедет в Бостон — о Гейбе и обо мне. Похоже, это было совсем не странно.

— Чувствую себя девушкой, которая подняла ложную тревогу из-за расставания, — объясняет Тесс, качая головой. — Или предавшей сестринство.

— Что за сестринство? — спрашиваю я, стараясь перевести все в шутку. — Международную лигу бывших Патрика?

— Именно. — Тесс улыбается. — Раз уж на то

пошло, я заставила его страдать. Но он приехал ко мне и сказал прекрасные слова про, не знаю, будущее, и я просто… не знаю. Мне было приятно, понимаешь? И это казалось правильным.

Выдавливаю улыбку, которая, надеюсь, выглядит искренней. Потому что это хорошо, не так ли? То, что произошло между мной и Патриком, пока они с Тесс расставались, было заблуждением, худшим видом самобичевания, и я хочу навсегда забыть об этом. Вот и неопровержимое доказательство того, что Патрик тоже этого хочет. Я сделала свой выбор, и Патрик тоже.

— Понимаю.

День 63

Сегодня день рождения Имоджен, поэтому мы поглощаем тонны пиццы в «У Доннелли», а потом отправляемся в лес около озера. Под одеялом в универсале Гейба припрятано пиво, а в красном пластиковом стакане лежит айпод Тесс, чтобы усилить звук. Красавчик Джей приготовил кексы, что чертовски меня поражает.

Нас довольно много — мы, Джейк, Энни и девчонки, с которыми Имоджен работает в «Френч Роуст», Джулия и Элизабет были в пиццерии и тоже соизволили присоединиться к нам в поездке.

— Мне нравятся эти джинсы, — говорит мне Джулия, скрутив крышку с бутылки и кивнув на мои дырявые штаны. А затем добавляет, заметив мое ошарашенное выражение лица: — Нет, Молли, я тебя не кадрю. Можешь расслабиться.

— Это не то, что… — начинаю я, быстро качая головой. Джулия усмехается.

Иду к холодильнику за пивом, и в этот момент Патрик хватает меня за руку, будто что-то случилось.

— Что? — спрашиваю я с тревогой. Он не отве-

чает, просто тянет меня за гигантский дуб, где нас никто не видит и достаточно темно, чтобы я едва видела *его*.

«Какого черта ты делаешь?» — открываю рот, чтобы сказать эти слова, но не успеваю, потому что он тут же целует меня сильно, как той ночью на пороге его дома, горячо и неаккуратно, его язык проникает в мой рот. На вкус он как пиво и Патрик. Его руки кажутся горячими на моей футболке.

Я должна его оттолкнуть. Господи, мне *надо* его оттолкнуть, Тесс и Гейб в двадцати шагах от нас, к тому же это неправильно, это *ужасно*, но я как будто нахожусь вне своего тела, наблюдаю за этой чертовщиной и не могу остановиться. Кора дуба царапает мне шею, а нижнюю губу жжет, когда Патрик ее кусает. И эта боль в каком-то извращенном смысле почти приносит удовольствие.

Не почти. Она приносит удовольствие.

Патрик ничего не говорит, просто продолжает меня целовать, просовывает колено между моих бедер и слегка покачивается, тепло его тела проникает сквозь одежду и меня. Он тянется и удивительно нежно обхватывает меня за затылок, чтобы не билась о дерево, затем откидывает мою голову назад и так сильно засасывает кожу

на моей шее, что, уверена, останется засос. Внутри меня как будто происходит серия взрывов, словно он незаметно для меня заложил радиоактивные бомбы вдоль моего позвоночника.

Не знаю, сколько это продолжается — как будто несколько часов, словно время повернулось вспять, но в реальности, возможно, менее минуты или двух. Патрик быстро отстраняется от меня, оставив задыхаться.

— Нам пора возвращаться, — тихо говорит он, тянется и вытирает рот тыльной стороной ладони. — Готова?

— Я… — Дышу с таким трудом, что не знаю, могу ли стоять прямо. Понятия не имею, что только что произошло — чему я только что позволила случиться. — Серьезно?

Патрик с мгновение смотрит на меня.

— Идем, — вот и все, что он говорит, и кивает в сторону вечеринки. Слышу громкий смех Имоджен. Закрываю глаза и считаю до десяти, стараясь собраться. А когда открываю, Патрика уже нет.

День 64

Когда я спускаюсь перекусить, в доме тихо, но мама сидит на диване, накрывшись старым голубым пледом, с миской чесночно-сырного попкорна на коленях и смотрит «Тутси». Я целый год не думала об этом попкорне, но от запаха рот наполняется слюной — это любимое блюдо Дианы Барлоу, а также мое с самого детства. Она иногда разрешала мне его поесть на ужин, в качестве угощения.

На минуту замираю в дверном проеме, наблюдая за ковыляющим на экране Дастином Хоффманом на каблуках, и не хочу с ней разговаривать, но и подниматься наверх тоже не хочется. Мне кажется, меня даже никто не замечает, но тут она протягивает в мою сторону миску.

— Хочешь поесть попкорна? — спрашивает она, не отводя взгляда от телевизора. — Или будешь стоять там и подглядывать?

Открываю рот сказать ей, что планировала подглядывать, а затем так же быстро закрываю его. Чувствую вдруг невероятную усталость. Мои губы словно горят после поцелуя Патрика. Грудь

болит, как ноги после вчерашней пробежки.

— Я не против попкорна, — наконец признаюсь и заползаю в гостиную. Под ногами громко скрипит пол. Мама молча кивает. Пристраиваюсь на краешке кожаного дивана, безуспешно борясь с поглотившими меня подушками. А когда она предлагает мне одеяло, я беру его. Телевизор тихо бормочет. Я медленно дышу.

День 65

— …И тут, когда за ней закрывается дверь, она понимает, *что оставила на кухонной стойке пакет с какашками.*

Имоджен, Гейб и я смотрим на Джея, а потом так громко и истерично хохочем, что люди на другом конце «У Банчи» поворачиваются на нас посмотреть.

— Это городская легенда! — протестую я, хихикая, и опасаюсь, как бы молочный коктейль не брызнул из носа. — Это городская легенда, ага, я же погуглю это. Такого быть не может.

— Давай, погугли, — великодушно предлагает Джей, подбирая с тарелки последнюю картошку фри и кивая. — Это случилось с кузиной моего друга.

— Ну-ну, — тянусь и тащу у Имоджен огурчик. — Я считаю, у тебя в голове полный сумбур, но еще это самая лучшая история, которую я когда-либо слышала, поэтому…

Гейб закидывает руку на спинку кабинки, внутренняя часть локтя касается моих волос.

— Молли — скептик, — говорит он.

— Я скептик! — тут же соглашаюсь, но, по правде говоря, в этот момент я радуюсь. Если бы в начале лета мне сказали, что я буду проводить нормальный вечер со своим парнем и друзьями, я бы спросила, что именно вы курили и где мне тоже можно достать.

Ладно, не совсем нормальный. Я стараюсь игнорировать тошноту, возникающую в желудке каждый раз, как вспоминаю произошедшее тем вечером с Патриком. Вспоминаю его гладкую теплую кожу под кончиками моих пальцев. Как обхватывала его ногами вокруг талии. Я как будто нахожусь в фильме ужасов, чувствуя себя именно тем ночным кошмаром, каким меня считает Джулия: снова и снова проношусь по семье Доннелли, как какое-то стихийное бедствие. Торнадо, на полпути сменившее курс и вернувшееся за добавкой.

Но за исключением этого? Все совершенно нормально.

Пока мы обсуждаем, взять ли на десерт картофельные чипсы, дверь открывается, и заходят Патрик и Тесс. Я ощущаю, как в моей груди быстро формируется смерч. Имоджен спрашивала, можно ли написать Тесс и сказать ей, где мы. И я изо всех сил старалась не выдавать эмоций, но

после случившегося тем вечером между мной и Патриком убеждала себя, что у него не хватит смелости к нам присоединиться.

Похоже, я заметно обалдела, потому что Имоджен бросает на меня вопросительный взгляд, а потом приходит в себя и расплывается в широкой дружелюбной улыбке.

— Привет, ребята! — кричит она. — Вы только что пропустили замечательный рассказ Джея про девочку, сходившую в туалет на кухонную стойку. Присаживайтесь.

— Она не ходила в туалет на стойку, — протестует Джей, когда мы сдвигаемся, чтобы освободить место. Тесс садится рядом с Имоджен, и Патрику приходится занять место рядом со мной. Я в буквальном смысле оказываюсь между ним и его братом: с обеих сторон по теплому Доннелли, и места так мало, что я едва могу пошевелить руками. Мое тело напрягается, как у пушистого зверька, почуявшего хищника. Патрик ни разу на меня не посмотрел. Стараюсь не думать о его губах на моих, о царапанье коры по моей обнаженной шее. А когда тянусь за стаканом воды, так волнуюсь, что сталкиваю грязную вилку прямо ему на колени.

— Извини, — бормочу я, когда Патрик молча

возвращает ее мне.

— Ты в порядке? — бормочет мне на ухо Гейб. И кладет теплую руку на мое колено. Я киваю.

Мы заказываем чипсы; Тесс рассказывает историю про новую соседку из Барнарда, с которой сегодня познакомилась на Фейсбуке. Рука Патрика кажется мне горячей и напряженной. Снова вспоминаю десятый класс, конец мая и нашу третью ссору за эти дни — из-за какой-то ерунды вроде ходить или нет на прием в честь новичков или какую музыку слушать, когда занимаемся химией. В этот раз все началось из-за планов на выходные и перескочило на Бристоль, как и в каждый день этой недели. Я ждала, когда между нами все наладится, и мечтала об альтернативной вселенной, где мы с Патриком не будем ссориться, находясь в одном помещении.

А еще ждала, когда перестану думать об Аризоне как об идеальном варианте для следующей осени. Ничего из этого пока не произошло.

— Так. — Я глубоко вздохнула и, поднявшись с кровати, на которой сидела, прошлась мимо стола и шкафа, а затем обратно. Я знала каждый уголок этой комнаты: покосившуюся дверцу шкафа, который никогда не закрывался, пятно на ковре, куда мы втерли пластилин, когда нам было

семь. Она с таким же успехом могла бы быть моей. Я в отчаянии провела рукой по волосам. — Ты не думаешь, что мы… — Я замолчала на минуту, стараясь придумать, как выразиться, не разозлив его и не оттолкнув от себя еще больше. — Ты не думаешь, что мы иногда… проводим время вместе в ущерб другим вещам в нашей жизни?

Патрик посмотрел на меня, моргая.

— Что? — спросил он, еле заметно качая головой. — О чем ты вообще?

— Я просто спрашиваю! — Господи, он в последнее время очень меня раздражал, вел себя так капризно и невыносимо, как никогда прежде — по крайней мере, такое поведение никогда не было адресовано мне. Я не знала, кто из нас менялся. И меня пугало, что, возможно, мы оба. — Мы можем…

— Молли, если хочешь уехать в Аризону, чтобы заниматься бегом, то езжай в Аризону заниматься бегом, — безэмоционально произнес Патрик. — Я не думал, что настолько сильно тебя сковываю.

— Ты меня не сковываешь! — выпалила я. — Я задаю тебе вопрос, пытаюсь с тобой поговорить. Я думала, мы всегда так делаем: разговариваем. Мы всю нашу жизнь вели один долгий разговор, и теперь…

— Теперь тебе скучно, и ты хочешь поговорить с другими. Я понимаю. Правда.

— Пожалуйста, ты можешь не заканчивать за меня предложения?

— А что, тебя это тоже сковывает?

— Ладно, прекрати. Просто… прекрати хотя бы на секунду.

Я села на пол спиной к дверному проему, где Чак отмечал наш рост, аккуратно приписывая карандашом: *Джулия. Патрик. Молли. Гейб*. Это моя семья, подумала я, глядя через комнату на суровое обиженное лицо Патрика. Это всегда будет моим домом.

— Нам не придется расставаться, — мягким голосом сказала я, глядя с другого конца комнаты. — Если уеду. Дело совсем не в этом. Мы можем приезжать друг к другу, можем…

— Да. — Мне явно не следовало это говорить — теперь он закрылся и стиснул зубы. — Неважно. Хорошо. Можешь уходить, Молс. Мы движемся в никуда. Увидимся, правда.

– *Патрик*. — Мои глаза округлились — я не могла поверить, что он снова это делает. Он как будто вознамерился любым способом избавиться от меня. — Зачем ты это делаешь? Ты можешь прекратить *отталкивать меня*…

— Я не отталкиваю, Молс! — Его голос надломился, стал хриплым и полным боли. — Так сильно хочешь бегать? Иди бегай. Серьезно. И не возвращайся.

Я моргнула.

— Что это?..

— Это значит, что так не пойдет, — холодно произнес Патрик. — Это значит, мы должны расстаться.

Я уставилась на него, будто он вдруг заговорил на китайском, будто жил на другом конце огромного мира.

— Ты со мной расстаешься?

— Да, Молс, — произнес он, как незнакомец. — Расстаюсь.

При этом воспоминании у меня вырывается смешок, от которого я вздрагиваю во второй раз, хотя столовые приборы больше не падают. Ладонь Гейба все еще лежит на моем колене. Он слегка сжимает его, затем чуть отводит руку, кончики пальцев касаются внутреннего шва моих джинсов.

И тут Патрик подталкивает мою ногу своей.

Сначала я не понимаю, целенаправленно он сделал это или нет, как будто просто прижался. Тепло заструилось сквозь его джинсы и мои. Я

стараюсь сосредоточиться на Имоджен, которая спрашивает, кто поможет растянуть холст для ее выставки, но точно слушаю со дна озера. Дыхание вдруг становится быстрым и отрывистым, и я пытаюсь успокоить его, чтобы никто не услышал.

Самое худшее — то, что я чувствую, как отвечаю — в животе зарождается желание, все тело напрягается, — но не знаю, кому именно. Что со мной, насколько я *ненормальная*, раз думаю, что им обоим?

Пальцы Гейба лениво играют со швом. Патрик подталкивает чуть сильнее, мышцы на его бедре заметно напряжены, так что это целенаправленно. Я как будто горю, охвачена отвратительным пламенем, пока все вокруг сидят и едят картошку фри. Меня пугают мое тело и сердце.

— Мне надо попи́сать, — объявляю я, вскакиваю, перебив Имоджен посреди предложения, вылезаю из кабинки и оставляю за спиной обоих братьев Доннелли.

День 66

Гейб снова приглашает меня на ужин следующим вечером — в этот раз на лазанью, которая запекается в духовке в глубокой сковороде, а мы с Джулией раскладываем на стойке салат, латук и помидоры. Овощи прямиком с огорода Конни, все еще грязные.

— Знаешь, о чем я думала? — спрашивает Джулия, ополаскивая под краном латук и кидая его в сушилку. Отмечаю на ней браслеты Элизабет, которые бренчат, когда она двигается. — Помнишь год цуккини?

— О господи, я думала, мы согласились не говорить об этом, — фыркаю я, стуча ножом по разделочной доске. Летом, когда нам было одиннадцать, Конни случайно вырастила богатый урожай цуккини, столько ни один нормальный человек не смог бы съесть за всю свою жизнь. Она добавляла этот овощ буквально во все — не только в супы и хлеб, но еще и в шоколадное печенье. А однажды сделала с ним тайком ужасное мороженое, как будто никто бы не заметил. В итоге Чак загрузил остатки цуккини в машину и по-

ехал со мной, Патриком и Джулией выкидывать их в озеро. В частной школе его иногда подавали на гарнир, и мне приходилось отворачиваться, когда я проходила мимо раздачи в столовой.

— Тебе понравилось? — спрашивает меня Джулия, кинув тертую морковь в миску и выгнув брови. — Я имею в виду частную школу.

Все еще не могу поверить, что она так со мной разговаривает, почти точно так же, как раньше. Сколько часов мы провели на этой кухне до того, как весь мир оказался в огне?

— Слушай, Джулс, — наконец говорю ей, открыв холодильник в сотый раз и вынимая с полки на двери заправку для салата. — Я никому не расскажу про тебя и Элизабет, понятно? Клянусь.

— Хорошо, — беззлобно смотрит на меня Джулия. — И?

— И не надо быть со мной милой, окей? Если ты ведешь так себя ради этого. В смысле, если ты больше не будешь царапать ключом мою машину, было бы потрясающе, но… Я не… — Замолкаю, в груди вздымаются, словно волны, накопленные за год одиночество и унижение. — Я не знаю, что ты делаешь.

Джулия пожимает плечами, заходит за стойку и достает из миски кусок помидора.

— Честно говоря, я тоже не знаю, что делаю, — признается она. — В смысле, да, отчасти это из-за Элизабет. Слушай. Молли, после того, что ты сделала с моей семьей, мне хочется разодрать тебе лицо. И, прежде всего, это я тебя во все втянула, и… — Она замолкает, на секунду сосредоточившись на точке вдали. Интересно, вспоминает, как и я, про Барби и догонялки, которые заполняли наши дни в детстве до того, как мы стали с Патриком парой? А затем качает головой. — Совершенно очевидно, что Гейб запал на тебя. — И добавляет через мгновение: — Прости за машину.

Тихонько смеюсь, мотая головой, — хоть что-то. Я так устала от войны.

— И что это значит? — спрашиваю я, осторожно выставляя бутылочки на разделочный стол. — Мы как, снова дружим или нет?

Джулия смотрит на меня с другого конца кухни и откусывает морковку.

— Ни за что, — сообщает она и улыбается.

Патрик опаздывает на ужин, и я этому рада — меньше всего мне хочется сидеть за столом напротив него и притворяться, что между нами ничего нет. Я пыталась забыть о том, что случилось на дне рождения Имоджен. Пыталась

вообще не думать о Патрике. Надо было его остановить — конечно, надо было его остановить, верно? Что это говорит обо мне? Смотрю на Джулию, которая тянется за добавкой, и вспоминаю надпись розовым маркером*: грязная шлюха*.

Гейб передает мне кусок чесночного хлеба. Конни делает глоток вина.

Когда я целую Гейба на ночь и иду на подъездную дорожку к своей припаркованной машине, уже поздно. Слышится неизменное пение сверчков и чавканье земли под ногами. Роюсь в сумочке в поисках ключей и замечаю свет в сарае — предательское желтое свечение фонаря для кемпинга.

Хочу сесть в машину и уехать в темноту. Но делаю вдох и пересекаю двор.

Конечно, на потрепанном, пораженном плесенью диване, который Конни грозилась выкинуть после смерти Чака, но так и не сделала этого, и на котором мы в детстве скакали, сидит Патрик. На нем джинсы и толстовка — здесь прохладно, воздух влажный, пахнет мокрыми листьями, пол весь в грязи. Услышав меня, он поднимает голову. В его руке толстая книга в мягкой обложке.

Я действительно была рада, что его не было за ужином. Но часть меня немного разочарована.

— Когда ты вернулся домой? — спрашиваю его, застыв на пороге. Ночной ветерок легко задувает, по рукам и ногам ползут мурашки, все нервные окончания встали по стойке смирно. Я специально держусь на расстоянии и скрещиваю руки, как щит.

Патрик пожимает плечами.

— Совсем недавно.

— Не хотел заходить?

— Не очень, — говорит он.

— Хорошо, — выдыхаю я. Не знаю, чего вообще хочу добиться от него — мы договорились быть друзьями, но этого не будет. Я понятия не имею, кто мы друг другу.

— Что читаешь? — спрашиваю я, показывая на книгу, которую он закрыл, засунув между страниц указательный палец. Патрик поднимает ее — вижу от двери, что это Стивен Кинг. «Противостояние». — О чем она? — спрашиваю я.

— О конце света, — отвечает Патрик.

Мои губы кривятся.

— Как в тему.

— Ага. — Патрик пододвигается, чтобы освободить для меня место на диване в клеточку. И я, вопреки здравому смыслу, пересекаю сарай и присаживаюсь на подлокотник. Мои ноги в

ботинках оказываются рядом с бедром Патрика. Он смотрит на меня и так сильно выгибает бровь, что я смеюсь.

– *Тсс*, — тихо говорит он, но обхватывает меня за лодыжку и тянет вниз, и вот я сижу рядом с ним, колени согнуты и касаются его бедра. — Привет.

— Привет. — Выдыхаю. — Так больше не может продолжаться.

— Не может, согласен, — говорит Патрик, и это даже не вопрос. Его серые глаза сосредоточены на моих.

— Нет, — настаиваю я, качая головой. — Патрик…

— Он только что поцеловал тебя на ночь? — перебивает он меня. — Мой брат?

Мои глаза округляются.

— А тебе какое дело?

— Потому что я хочу знать.

— Очень плохо, — тут же говорю я, это за рамками дозволенного, даже учитывая то, что происходит между мной и Патриком. Просто за рамками дозволенного. Встаю с дивана, но Патрик останавливает меня, схватив за запястье.

— Подожди, — говорит он так искренне, что я останавливаюсь и смотрю на него. — Извини, —

продолжает он. — Ты права: нельзя было это говорить. Извини.

Качаю головой, но позволяю ему затянуть меня на диван и сажусь, подогнув под себя ногу.

— Я серьезно, — тихо говорю ему. — Мы должны остановиться.

Патрик кивает и ничего не говорит. Играет с ниточкой на спинке дивана.

— Меня осенью пригласили в еще один проект, — тихо сообщает он мне. — Наподобие Outward Bound[7], в Мичигане. Рейнджерство, пробежки-экскурсии по парку. — Он пожимает плечами. — Своеобразный академический отпуск, если оценки не супер.

— У тебя хорошие оценки, — автоматически говорю я.

Патрик качает головой.

— Не в этом году.

— Мне жаль. — Вспоминаю, что рассказала мне об их планах на будущее Тесс, когда сообщила, что они сошлись. — Ты говорил Тесс? — спрашиваю я. — Что поедешь?

— Нет.

— Почему?

---

[7] Примечания: 7
Outward Bound Trust — курсы физической и волевой закалки.

Патрик вскидывает голову и смотрит мне в глаза.

— Потому что хотел сказать тебе, — отвечает он. Не знаю, кто из нас первым подается вперед.

Этот поцелуй совсем не похож на тот у дерева, на отчаянное царапание — он медленный и сдержанный. Длинные ресницы Патрика касаются моих щек. Я издаю тихий стон.

— Тс-с, — снова говорит он, его теплые руки пробираются под мою футболку и обводят эластичную резинку моего бюстгальтера. Я дрожу. А потом наконец отстраняюсь.

— Что это? — спрашиваю я. Еще хуже, что в этот раз поцелуй был неспешным и приятным. Это намного хуже. — Что ты делаешь со мной, Патрик? Тесс — моя *подруга*.

— А Гейб — мой брат, — спокойно сообщает Патрик. — Но что есть, то есть.

— Мне с ним расстаться? — выпаливаю я и тут же чувствую, как краснеют щеки. Ужасно высказать эту мысль вслух — так же ужасно, как заниматься всем этим. Я забочусь о Гейбе. Я *влюбляюсь* в Гейба. Тогда какого черта здесь делаю? — Расстаться?

Патрик качает головой.

— Я не расстанусь с Тесс, — решительно гово-

рит он. — Это не случится снова.

Смотрю на него, пульс на запястьях и ключице гудит, как улей. Влажный летний воздух давит. Он снова подается вперед, чтобы поцеловать меня, опускает на подлокотник дивана. Я закрываю глаза и полностью тону в этом.

День 67

Дома только Гейб, когда следующим вечером я заезжаю забрать его на двойное свидание с Келси и Стивом.

— Я здесь, — кричит он, когда я стучусь в дверь-ширму. Его комната находится неподалеку от кухни и представляет собой крошечное пространство, в котором сто лет назад ютились слуги, когда на ферме были лошади, свиньи и коровы. Гейб получил ее в тринадцать лет ввиду того, что был самым старшим.

— Привет, — настороженно здороваюсь с ним, прислонившись к дверному косяку: комната такая же, какой я ее помню — сине-зеленое клетчатое покрывало, комод из сосны. Здесь невероятно чисто для парня-подростка, как будто никто в ней не живет. У Патрика в комнате всегда бардак.

— Привет, — отвечает Гейб, натягивая поношенное серое поло. Меня не было здесь все лето, не было с тех самых пор, как между нами все произошло той ночью в мае в десятом классе, когда Патрик меня бросил.

Помню, как, полностью растерянная, спустилась по лестнице и зашла на кухню — между нами как будто разверзся каньон, как в каком-то старом мультфильме, где в земле появляется трещина, и через пять секунд она расходится. Это как свалиться с утеса и осознать это, лишь взглянув вниз. Я стояла там в оцепенении и с трудом услышала, как захлопнулась боковая дверь, а потом взревел двигатель «Бронко», когда Патрик сорвался с места.

Я не осознавала, что плачу, пока не увидела Гейба.

— Привет, Молли Барлоу, — сказал он, взглянув на меня, а потом еще раз, повнимательнее; он готовил на разделочной стойке сэндвич с индейкой, два куска хлеба уже лежали на тарелке. Он окончил школу полторы недели назад. — Что случилось?

Я покачала головой.

— Нет, ничего, — ответила я, вытирая лицо и подумав обвинить во всем аллергию. Потом поняла, что он мне не поверит, да и все равно это не имело значения. Это же Гейб.

— Поссорилась с твоим братом, но мы все решим, все нормально.

— Снова поссорились? — Гейб отложил нож

и слизнул горчицу с большого пальца. Затем удивленно посмотрел на меня. — Какого черта, а? Реки превращаются в кровь?

— Заткнись. — Я засмеялась и шмыгнула носом. — Да, типа того. Ругаемся из-за одного и того же.

— Из-за частной школы? — спросил Гейб, а потом замешкался. — Извини, я не пытаюсь залезть к тебе в душу.

— Нет-нет, — сказала я, качая головой. — Все в порядке.

— Хорошо, — сказал Гейб, пересек кухню и встал рядом со мной у раковины. Так близко он был даже выше, чем я думала, я доходила ему лишь до груди. Мы редко оставались с ним наедине. — И… что?

И я рассказала ему.

Я рассказала Гейбу всю историю, о рекрутере и Бристоле, что мы с Патриком вдруг начали общаться на разных языках, как при строительстве Вавилонской башни или на кассете с французским, которые нравилось слушать Конни, пока она полола огород. Что я не знала, как теперь с ним разговаривать, не знала, как заставить его меня слушать. И чувствовала себя более одинокой, чем когда-либо.

— Я вообще не хочу ехать в проклятый Темпе, — закончила я. — Что там в Темпе? Ничего. Но я просто… я просто хотела поговорить. А он вместо этого… *расстался со мной.*

Гейб молча слушал, скрестив руки и сосредоточив на мне взгляд голубых глаз. А когда я замолчала, выжатая, как лимон, он вздохнул.

— Слушай, — наконец сказал он. — Ты знаешь моего брата. Знаешь его лучше всех остальных. Знаешь, какой он. Он что-то вбивает себе в голову, и это конец, понимаешь? Он чертов осел. Если он решает, что это кому-то не подходит — особенно ему, — то все. А твой переезд на другой конец страны, даже ради занятия чем-то крутым, даже если ты очень сильно этого хочешь? Ему это определенно не понравится. — Гейб сделал паузу на секунду, а потом продолжил: — И я серьезно. Молли Барлоу, стоит ли оно того? И мне это тоже не понравится.

Я уставилась на него, не понимая.

— Я…

Гейб тут же покачал головой.

— Забудь, — произнес он застенчиво, чего я никогда прежде за ним не замечала, и покраснел, словно сам не мог поверить в сказанное. — Это было слишком, ты же с моим братом…

— Я ни с кем, — выпалила я. Господи, в том-то и проблема — мы с Патриком как будто были одним человеком, одной душой или мозгом, или тем, что живет в двух телах, поэтому то, что сделал кто-то из нас, должно решаться совместными усилиями. Я вдруг стала задыхаться, а, возможно, задыхалась уже давно, просто заметила это только сейчас: *ты же с моим братом*. Как будто я принадлежала Патрику. Как будто, если ему что-то не нравилось, я не могла это делать, и точка. Взять, к примеру, Бристоль. — Я сама по себе. Я не принадлежу…

— Нет, конечно, я это знаю. — Гейб покачал головой. — Я имел в виду, ты его девушка. Или была, наверное. Слушай, все пошло куда-то не туда. Я просто имел в виду…

— Знаю, что ты имел в виду, — сказала я ему, осознав в этот момент, что и правда знала — по тому, как он смотрел на меня. Я выглянула в короткий коридор, ведущий в его небольшую, чистую комнату. И почувствовала себя безрассудной и храброй.

— Молли, — сказал Гейб, понизив голос. Его пальцы коснулись моих. Я заметила в его глазах коричневые крапинки. Никогда не находилась к нему так близко, чтобы рассмотреть. А когда

он наклонился, чтобы меня поцеловать, его губы оказались мягкими и нежными.

— Черт побери, — сказала я, отпрянув через минуту… или двадцать. Мысли разлетелись в разные стороны, руки Гейба пробрались под мою футболку прямо на кухне их дома. Я прежде и не знала, насколько приятно, когда кто-то касается моего живота. И не подозревала, что была таким человеком. — Ладно, мы должны… — Господи, это неправильно, все не должно было так получиться; это должно было случиться со мной и Патриком в идеальный момент, как в одной из тупых маминых книг. А не так. Я уже зашла слишком далеко. — *Черт возьми*, Гейб.

— Хочешь остановиться? — спросил он, чуть задыхаясь. Его губы стали очень красными. — Мы можем прекратить, черт, нам, наверное, стоит… — Он замолчал, нервничая и почти впав в панику. Никогда не видела Гейба таким неуверенным. — Что мы делаем?

Я снова посмотрела в сторону его комнаты, затем наверх, где почти вечность назад оставила Патрика. И все вдруг показалось неизбежным, как уже написанная книга. Я покачала головой.

— Идем, — тихо пробормотала я. Гейб кивнул и взял меня за руку.

День 68

На следующий день начинается гроза, которая в точности соответствует моему состоянию; просыпаюсь рано под яростное мерцание молнии, гром рокочет так громко, что сотрясает кости. Поспать точно не удастся, поэтому стаскиваю одеяло с кровати и спускаюсь в гостиную, по дороге открыв все окна навстречу шипящему потоку дождя. Деревья беспокойно шелестят, чувствуется запах воды и грязи.

Петрикор — так называется запах дождя, ударяющего по асфальту. Этому меня давным-давно научил Патрик.

Наливаю себе кофе и иду с чашкой в гостиную, намереваясь просто посидеть и послушать дождь, позволить ему омыть меня, если для этого есть хоть какая-то возможность. Мне хотелось заплакать, как только я открыла глаза. Устраиваюсь на большом кожаном диване и дую на кофе, чтобы не обжечь себе внутренности. На стопке журналов, устроившейся на столе, лежит «Дрейфующая», загнувшийся клейкий листок отмечает то место, которое мама читает в библиотеках и

магазинах.

Оглядываюсь на дверной проем, там пусто. Вита тихонько храпит на коврике. Я здесь одна, лишь я и книга, которую мама написала про меня, таинственные слова, на которые я не могла смотреть дольше секунды. Я мельком читала главу тут, главу там, ощущая вину и стыд, как будто смотрела на что-то запретное и грязное.

Теперь делаю глубокий вдох, беру ее и читаю.

Хуже всего, что она мне нравится; я рисовала книгу банальной и пошлой, как дешевую мыльную оперу. Правда в том, что она… интригует. Парни не совсем Патрик и Гейб. И если в начале, читая про Эмили Грин, я ощущаю неприятную неловкость, то, должна признать, к концу книги я одобряю ее дурацкое бросание монетки.

Я почти заканчиваю, все быстрее и быстрее переворачивая страницы, дождь давно превратился в нудную морось. Внезапно слышу скрип половиц за спиной: в дверном проеме стоит мама с Оскаром. Меня поймали.

— Доброе утро, — вот и все, что она говорит, и опускает собаку, которая бежит ко мне и одеялу, цокая когтями по полу. Она переводит взгляд с меня на книгу и обратно, на лице не отражается ни единой эмоции. — Давно встала?

Достаточно давно, чтобы прочитать бестселлер, в котором ты описала мою жизнь, думаю я, но впервые не могу заставить себя завестись из-за этого.

— Недавно, — отвечаю я. — Да.

Мама кивает.

— Хочешь еще кофе?

Чуть не озвучиваю ей кое-что другое. Хочу сказать ей, что, прочитав книгу, как будто провела с ней три часа, что скучаю по ней, что она талантлива, и если даже я не могу простить ее, то все еще горжусь тем, что она — моя мама. Обложка как будто стала горячей в моих руках.

— Я не против, — наконец говорю ей и улыбаюсь. Мама кивает и улыбается в ответ.

Когда она уходит, я роюсь в диванных подушках и нахожу несколько крошек, а также то, что искала — потускневшие липкие пять центов, которые кажутся прохладными и тяжелыми на моей ладони. Крепко сжимаю их на секунду, как будто наделяю особой силой, как будто могу заполнить металл вопросами, копившимися целый год.

И подбрасываю.

День 69

Я на кухне кормлю Оскара его дорогим кормом местного изготовления, когда в кармане начинает гудеть телефон. Достав его, вижу оповещение в Фейсбуке: *Джулия Доннелли отметила вас на фото.*

Напрягаюсь, волна мерзкого страха омывает меня с головы до ног, пока я не начинаю игнорировать его, как слишком сомнительную не совсем мексиканскую еду из столовой Бристоля. До моего отъезда Джулия часто так делала: отмечала меня на фотографиях в плохом ракурсе, из-за которых казалось, что у меня двойной подбородок, или где у меня закрыты глаза, пока я корчу рожу. Однажды она выставила фотографию свиньи и подписала ее моим именем. Не уверена, кто из братьев заставил ее убрать. Теперь мы снова дружим — по крайней мере, я так думаю, — но, щелкнув на «Показать», все равно съеживаюсь, как в момент, когда ударяешь по пальцу ноги и выжидаешь, когда станет больно. Уверена, будет больно.

Вот почему удивляюсь, когда вижу то, что она

выложила — это не порнозвезда с моим приделанным лицом или я крупным планом с плохой вспышкой. Она выложила старую фотографию — ту самую, что в данный момент засунута в ящик моего стола, что я сняла с доски объявлений, когда вернулась в Стар-Лейк: мы вчетвером, Гейб, Патрик, Джулия и я, сидим на сеновале, Патрик крепко обнимает меня за талию. Никаких гадких подписей, никаких пенисов, нарисованных на моем лице. Только мы, как было прежде. До всего.

Смотрю на наши лица, улыбающиеся и глупые. Улыбаюсь экрану в ответ.

День 70

Рано утром огибаю озеро, ноги горят, глотаю ртом воздух и замечаю знакомую фигуру, двигающуюся в противоположную сторону.

— Пора прекращать так встречаться, — бросаю ему, когда он замедляется поздороваться со мной, и Патрик вскидывает брови.

— Сейчас рано, — говорит он. Так и есть — небо только начинает светлеть, становится размыто-розово-серым. Сегодня будет хорошая погода. Слышу пение птиц, сидящих на соснах.

— Ага, — киваю я, а он бежит рядом со мной, в ту сторону, откуда прибежал. Его теплая влажная рука касается меня, но потом он переплетает свои пальцы с моими.

— Патрик, — говорю ему осторожно. И до меня доходит, что мы вряд ли встретились здесь чисто случайно.

Он не обращает на меня внимания.

— Знаешь, что мы еще не делали? — спрашивает Патрик, улыбаясь мне, как ребенок, скрывающий секрет.

— Могу придумать массу вещей, — парирую, не

раздумывая, и он склоняет голову, как бы говоря: «*Вполне справедливо*», и кивает на спокойную поверхность безлюдного озера, находящегося в утренней спячке. Я тут же понимаю, на что он намекает.

— Ни за что. — Мы постоянно об этом говорили, отчасти шутя, отчасти серьезно: оба прощупывали грани друг друга, оба присматривались. И никто из нас не ловил второго на блефе. — Я не стану сейчас купаться с тобой нагишом.

— Почему нет?

— Потому что мы не в «Бухте Доусона»! Начнем с этого.

— А закончим?

— Заткнись.

— Можешь не раздеваться полностью, — говорит он мне.

— Ох, какой ты великодушный, — огрызаюсь я, и Патрик морщит свой прелестный нос.

— Ты знаешь, что я не это имел в виду, — говорит он, в его серых глазах вспыхивает злость. — Я не какой-то противный парень, который хочет… — Он замолкает.

«*…раздеться с девушкой своего брата?*» — мысленно заканчиваю я его предложение. Но это не значит, что мы оба не думаем об этом. Ко всему

прочему, Патрик явно такой парень. Он именно такой парень.

А я, наверное, именно такая девушка.

Он понимает, что я обдумываю это, он отлично меня знает. Мы остановились и стоим возле ветхого пирса. Здесь нет никого, кто бы нас остановил. Здесь нет никого, кто нас знает.

— Молс, — говорит Патрик тихим голосом, — залезь со мной в воду.

Я смотрю на него. Затем вздыхаю.

— Я не буду снимать всю одежду, — уверяю его.

— Договорились.

Патрик кивает.

— И ты тоже.

Он смеется.

— Договорились.

Мы молча раздеваемся, я снимаю шорты и топик, футболка Патрика приземляется на постаревшие доски пирса. Мне хочется лишь смотреть. Мое сердце колотится в груди, как у животного в предвкушении. Ощущение завершенности, которым мы обзавелись до всего этого, рассыпалось, как мокрый песок. Я судорожно вздыхаю, стараясь не дрожать. По рукам бегут мурашки. Когда поднимаю голову, Патрик смотрит на меня. Он открыто наблюдает.

— Извини, — бормочет он, когда я ловлю его на этом, и закатывает глаза.

— Все нормально, — отвечаю, глядя на него в ответ. Мы оба стоим лишь в нижнем белье. И до меня доходит, что я впервые после своего возвращения из Бристоля не парюсь из-за того, как выгляжу.

Можешь смотреть на меня, хочу сказать Патрику. *Все в порядке, это я; ты можешь смотреть.*

Он пожимает плечами и потирает шею, глядя на холодную черную воду.

— Готова? — спрашивает он.

— Ага. — Прочищаю горло, сглатываю. — Если ты готов.

— Да, Молс, — говорит Патрик, — я готов.

И мы прыгаем.

Как же это бодрит, вот так пронестись по воздуху — ощущение секундного полета, холодный утренний воздух бьет по коже. Мы пронзаем поверхность воды, словно двойной взрыв.

— Черт побери, — ругается Патрик, когда мы выныриваем — холодно, в этом он прав, и этот холод резкий, внезапный и приносящий боль. Он натянуто хохочет. — И чья это была идея?

— Какого-то придурка, — отвечаю я, и голос

дрожит так же сильно, как и тело. Я плыву до середины, шлепая по воде, чтобы согреться. Патрик делает кувырок, капельки воды прилипли к его ресницам. Мне хочется провести пальцем по его выступающей ключице. Интересно, что будет, если я это сделаю. Чувствую, как двигается под водой моя грудь. Господи, мне очень, очень холодно.

— Что теперь? — спрашиваю я, чуть задыхаясь.

— Не знаю, — отвечает Патрик, вода стекает с его волос и струится по щекам, и он прижимается ртом к моему.

Этот поцелуй приятный. Господи, он самый лучший. Поцелуй, которого я ждала все лето и, возможно, всю свою жизнь. Теплые губы Патрика, его влажные плечи под моими ладонями, его шея и мокрые волосы на затылке. Такое ощущение, что горит каждый сантиметр моей кожи, по всему телу оживают нервные окончания. Клянусь, я слышу ровный гул двигающейся по венам крови.

— Привет, — бормочет Патрик, лизнув точку пульса под моим подбородком. Я чувствую под ногами покрытое водорослями дно озера. Он возится с застежкой моего спортивного бюстгальтера, и я помогаю снять его. Вода кажется

холодной и черной везде, где мы прижимаемся друг к другу. Мои ноги рефлекторно обвивают его талию.

— Привет, — тихо отвечаю ему и снова целую.

Наш поцелуй в темной воде продолжается довольно долго, поблизости никого нет. Я чувствую его крепкое тело, его руки распутывают мои влажные волосы. Патрик отстраняется на мгновение, чтобы посмотреть на меня.

— Молс, — произносит он таким голосом, словно я — драгоценность, нечто редкое. — *Молли*.

Я качаю головой и даже краснею, хотя вода как будто становится холоднее, но я замерзаю и одновременно горю.

— Патрик.

— Мои слова в тот день, когда шел дождь, были правдой, — бормочет он, громко сглотнув. — Насчет того, что ты красивая. Я знаю, что ты не выпрашивала комплимент. Но это правда.

Обхватываю его лицо ладонями и снова целую, ни о чем не желая думать, кроме этого момента, как будто звук нашего учащенного дыхания ограждает нас от всего на свете. Но все равно не могу не спросить:

— Что мы делаем? — В его вкусе чувствуются вода и зубная паста. — А? Патрик? Ты должен мне

сказать, что мы…

— Я не *знаю*, — отвечает Патрик. За все лето я ни разу не слышала в его голосе такой уязвимости. Его лицо так близко ко мне, что я вижу крапинку в глазу, темное пятнышко, которое я рассматривала, как свое. Будто таким образом могла забраться в его душу. — Я не *знаю*. Мы разъедемся в разные стороны, ведь так? Ты поедешь в Бостон с моим братом.

— Я не… — начинаю я, но Патрик меня перебивает.

— Это неважно, — говорит он, его руки блуждают по мне, мое тело изгибается от его прикосновений. — Это все еще здесь, верно? Между тобой и мной. Я любил тебя, Молли, я *люблю*…

Патрик спохватывается и не заканчивает предложение. Я обнимаю его за шею и держусь.

День 71

На работе от меня никакого толку. Приходится трижды пересчитать общую сумму заработной платы, чтобы цифры сошлись. Не могу перестать думать о Патрике.

Вспоминаю, как в самом конце десятого класса призналась маме о нас с Гейбом — через две недели после случившегося, после выпускного, Гейб уехал работать вожатым в лагере Беркшира, а мы с Патриком так и не разговаривали. Все вырвалось из меня, как из давно спящего вулкана.

— Расскажи мне, — попросила мама, настойчиво и внимательно глядя на меня. Это было похоже на очищающий огонь.

После этого я побежала к Доннелли, не успело еще даже посветлеть, и воспользовалась запасным ключом, который Конни прятала в огороде под глиняной лягушкой.

— Проснись, — сказала я Патрику, забравшись к нему на кровать. От него пахло сном и домом. Я чувствовала себя так, словно увернулась от смертоносной пули. Как один из тех людей, что попадают под поезд, но остаются невредимыми.

Я ощущала себя виноватой и удачливой. — Проснись, это я.

— Что? — Патрик заморгал и испуганно потянулся к моей руке. — Молс, что случилось? Что ты здесь делаешь?

— Я больше не хочу расставаться с тобой, — выпалила я. — Я никуда не поеду, никогда никуда не уеду; вела себя, как идиотка. — Покачала головой. — Я могу бегать и здесь, я хочу остаться здесь. Я решила и хотела рассказать тебе, как только… — Я замолчала. — Пожалуйста. Давай забудем об этом, и все станет, как прежде, хорошо?

— Эй, эй. — Патрик сел и с любопытством посмотрел на меня. Его волнистые волосы торчали в разные стороны после сна. — Ты в порядке?

— Я в порядке. Все замечательно. Я вела себя, как дура, просто…

— Ты не вела себя, как дура, — сказал Патрик. — Это я вел себя, как дурак. Я не хочу тебя сдерживать. Я люблю тебя и меньше всего этого хочу. Я, черт побери, ненавижу себя за то, что так поступал.

— Это не так, — заверила я, пристально глядя на него. — Это не так. Я хочу остаться здесь, я хочу быть с тобой.

— Я тоже этого хочу. — Патрик кивнул. — Иди

сюда. Конечно, я тоже этого хочу.

Я забралась к нему под одеяло, хлопковые простыни и его тело согрели меня. Я совершила огромную ошибку, сделав это с Гейбом, и этот груз похож на гризли, устроившегося на моей груди. Я никогда ничего не утаивала от Патрика. И все равно в тот момент это казалось небольшой платой за то, чтобы выяснить, чего мне хотелось на самом деле: я собиралась починить наши отношения. Собиралась все исправить.

И *никто* об этом не будет знать, кроме моей мамы, Гейба и меня.

— Что ты делаешь? — спрашивает Фабиан, вломившись в дверь кабинета с пластмассовым Капитаном Америка в одной руке и Соколом в другой, выдернув меня из воспоминаний. Нажимаю «Сохранить» и смотрю на часы в углу экрана — Гейб должен забрать меня через двадцать минут.

Фабиан все еще ждет моего ответа; беру фигурку, которую он предлагает, и качаю головой.

— Признаюсь тебе, дружочек: это очень хороший вопрос.

День 72

В начале августа Имоджен и Красавчик Джей становятся парой в его студенческой квартирке. Через два дня он удивляет ее двумя билетами в парк скульптур в Вудстоке, о котором она рассказала ему на их первом свидании.

— Молодец, девочка, — говорю я, сидя на полу в ее комнате, скрестив ноги, пока она подготавливает картины для выставки во «Френч Роуст», которая состоится через две недели. Я предложила ей свою помощь, но у нее свое сложное видение. — Надо быть с тем, кто настолько отлично тебя знает.

Имоджен выгибает брови, бросив на меня взгляд через плечо. Она держит в руках два холста с изображенными птичками и проверяет, как они смотрятся рядом.

— Ты имеешь в виду себя и Патрика? — рассеянно спрашивает она.

Моя внутренняя температура падает на пятнадцать градусов.

— Я… что?

— О господи, — говорит Имоджен, разворачи-

вается ко мне лицом, роняет один из холстов на ковер и прижимает руку ко рту. Неловко хихикает, широко раскрыв глаза. — Я собиралась сказать «тебя и Гейба». Правда, я не пыталась подколоть тебя, извини. Тебя и Гейба, тебя и Гейба.

— Дурочка. — Я краснею и смеюсь, облегчение и смущение в одинаковых пропорциях проносятся по моему телу. — Себя и Гейба, да. Имею в виду себя и Гейба.

— Господи, извини. Слава богу, здесь нет Тесс. — Имоджен поднимает с пола холст и держит его передо мной, ожидая мнения. — Как думаешь, как разместить?

— Эм-м, — выдавливаю я и громко сглатываю, радуясь ее желанию закрыть эту тему. Я никому не рассказывала о том, что произошло — *происходит*? — с Патриком. Самое правильное — оставить его в покое. — Рядом.

— А мне нравится друг над другом, — говорит Имоджен, но я не отвечаю. Тихо прислоняюсь головой к стене.

День 73

Я почти сплю, нахожусь в некоем тумане, который сном не назовешь, и тут на тумбочке громко гудит телефон. «*Ты дома?*» — интересуется Патрик.

Откидываю волосы с лица и сажусь. «*Да*», — пишу в ответ, стараясь игнорировать тревожный трепет в животе, который предупреждает, что ни к чему хорошему это не приведет. «*Ты где?*»

«На твоей подъездной дорожке».

Пробираюсь вниз и молча впускаю его через заднюю дверь, затем веду на третий этаж своей башни, держа в руке его теплую ладонь. Как только за нами закрывается дверь в комнату, он прижимает меня к себе. Моя футболка с едва слышимым шелестом приземляется на пол. Я не включала свет, и здесь темно. Лишь серебристая лужица лунного света на ковре и его теплый рот, путешествующий по моим ключицам и ребрам.

Мы падаем на кровать, переплетая руки и ноги. И все это время молчим. Он с секунду вдавливает меня в матрас и, мельком коснувшись своими губами моих, отстраняется, чтобы подцепить

резинку боксеров, в которых я легла спать, и снять их.

— Что ты делаешь? — спрашиваю и смотрю на него, опираясь на локти. — Патрик?

— Хочу кое-что попробовать. — Его колючая щека царапает внутреннюю часть моего бедра. — Ты разрешишь мне кое-что сделать?

— Угу, — скорее выдыхаю, чем говорю я. Тянусь и провожу короткими ногтями по его голове. Это кажется безумием, мои кости как будто отделились друг от друга, и только кожа не позволяет им улететь. Зажимаю простыни в кулак.

— Поднимись сюда, — наконец говорю я и тяну его за плечи, чтобы услышал. Меня всю трясет, надо за что-то зацепиться. Похоже, мои ногти впиваются в его кожу. — Иди сюда.

Патрик ползет по моему телу и прижимается ртом к моему.

— Мы сделаем это? — тихо спрашивает он меня, став отголоском двухлетней давности из гостиной в их доме. Именно так все и должно было случиться перед тем, как мы расстались. — Молс. Мы…

— Да, — говорю я и склоняюсь к его плечу. Он хочет этого, чувствую, что хочет. И я тоже хочу. — Да. Мы сделаем это.

Патрик выдыхает, и этот выдох полон нескрываемого облегчения, словно он до последнего думал, что я его пошлю.

— Я хотел сделать это с тобой, — бормочет он и затаскивает меня на себя, чтобы я обхватила его ногами с обеих сторон. — Именно так себе это представлял, понимаешь? Это банально, но… в первый раз просто… я всегда… ты и я.

Я… *что*?

На мгновение я замираю в его руках, по мне пробегает ужасающий холодок, словно в моих венах не кровь, а вода из озера.

Он думает…

Он не знает… *Вот черт*.

Я просто остаюсь на месте, больше всего желая подняться и убраться отсюда — сбежать босиком в Бристоль или Бостон, чтобы волосы развевались за моей спиной, точно флаг отступающего войска. Как мне ему об этом сказать? После всего этого времени я должна рассказать ему правду. Я должна ему.

— Патрик, — говорю ему и неловко отстраняюсь, положив руку на его грудь. Чувствую его сердце под кожей и клянусь, оно пропускает удар, когда он все понимает.

— Это не первый раз? — медленно спрашивает

он, глядя на меня в темноте: глаза, как у кота в полночь. — Не для тебя.

— Патрик, — повторяю я, стараясь говорить тихо. Таким голосом успокаивают животное или ребенка. — Послушай меня. Я думала… После «Дрейфующей» думала, ты…

— Мне казалось, это лишь часть книги, — говорит он и так быстро отодвигается, что я падаю на матрас; интуитивно тянусь к простыни, отчаянно желая прикрыться. — Потому что я, очевидно, чертов идиот. *Проклятье*, Молли. Ты прикалываешься?

— Я… нет, — отвечаю ему и спотыкаюсь на словах, в голове роится сотня разных ответов. «*Ты так сильно меня ненавидел и даже не думал, что у нас был секс?*» — хочу спросить его, или «*Ты разве не знаешь, что я любила тебя всю свою жизнь?*» — Ты сказал Гейбу, он должен поехать в Бостон, — наконец выпаливаю я, горячие слезы стыда обжигают лицо, будто я наглоталась воды из бассейна и тону. — Ты сказал, чтобы я с ним не расставалась. Ты вернулся к Тесс, ты дуришь меня все лето, ты сказал…

— Я говорю не об этом, Молли, — огрызается Патрик, вскакивает с кровати и включает лампу, комната наполняется ярким белым светом. Я еще

сильнее закутываюсь в простынь. — Я говорю про десятый класс, когда ты *трахнулась с моим гребаным братом*, как какая-то грязная шлюха.

Как какая-то…

Хорошо.

Патрик качает головой, и мы оба на грани слез, точно наконец уничтожили друг друга, наконец съели друг друга живьем. Мы никогда не восстановимся после этого, я знаю точно. Слишком далеко зашли.

Патрик тоже это знает, я вижу это по его лицу, мой Патрик, которого я любила всю свою жизнь.

— Мне пора, — говорит он и тянется к помятой футболке. И захлопывает дверь так сильно, что я вздрагиваю.

День 74

Следующим утром прихожу на работу и вижу Дези и Фабиана, которые устроились на полу кабинета и играют в «Карамельный замок». Пенн просматривает за столом счета. Дези подскакивает, заметив меня, и молча заползает по моим ногам, как худенькая белочка на дерево.

— Привет, Дези, — говорю я ей, поднимаю на руки и улыбаюсь, когда она крепко обхватывает меня ногами за талию. Честно говоря, я очень рада такому отвлечению утром: мое лицо опухло от слез и выглядит не очень. Прижимаюсь крепким поцелуем к ее макушке. — Привет, ребята.

Но Пенн совсем не смешно.

— Слезай оттуда, Дез, — рявкает она. Пока я работаю здесь, ни разу не слышала, чтобы она так разговаривала с детьми. Пенн поднимается из-за стола и вытягивает руки. — Иди сюда.

— Я в порядке, — уверяю ее, качаю головой и перекидываю Дези на одно бедро. — Она может пройтись со мной, если хочет, ничего страшного.

— Ну уж нет, — парирует Пенн, тянется и сдирает с меня Дези. — Я беру своего ребенка, ты бери

свой блокнот, как насчет этого? — Она отдает мне блокнот, с которым я обхожу гостиницу и территорию в начале каждой смены, чтобы понять, на кого и на что следует обратить внимание. — Но, пока ты не ушла, я хочу с тобой поговорить. Хочу отправить тебя в Хадсон выбрать стулья в лобби. Их придерживает для меня один знакомый продавец антиквариата, и они дорогие, но я не знаю, обманывает он меня или нет, и не могу так долго ехать с детьми в машине, чтобы самой это выяснить.

— Я… Хорошо, — медленно говорю ей, стараясь понять, что здесь происходит. Меня как будто за что-то наказывают, словно отправили в свою комнату, а я и не знаю, за что. Умом понимаю, что это никак не связано с Патриком и Гейбом, но все равно так кажется, точно весь мир видит черноту во мне, точно от меня волнами исходят стыд и позор. Такое ощущение, что даже Пенн не может сейчас смотреть на меня. — Конечно. Когда?

— Завтра? — Пенн ставит Дези на ковер и равнодушно смотрит на меня. — Поездка дальняя, вероятно, с ночевкой, поэтому согласуй с мамой. И можешь взять с собой Тесс. Я дам вам кредитку, чтобы снять номер в мотеле.

Очевидно, ей больше нечего сказать — нет, *я*

доверяю тебе, нет, *я отправляю тебя потому, что знаю, какая ты ответственная.* Смотрю на Дези, которая молча наблюдает за мной.

— Конечно, — говорю я, засовываю блокнот в карман джинсов и вытираю влажные ладошки о штанины. — Без проблем.

День 75

— Ладно, ладно, — говорит Имоджен, смотрит, прищурившись от солнца, в зеркало заднего вида и меняет полосу на безлюдном шоссе. — Я могу назвать.

У нее два выходных подряд, и она решила отправиться вместе с нами в Хадсон, чтобы проверить мебель, непреднамеренно, но очень вовремя спасая меня от ночевки с Тесс. Мы втроем забились в ее «Фиат» и играем в «Переспать, выйти замуж, убить», пока темные благоухающие сосны проносятся по обеим сторонам машины. — Харрисон Форд, Роберт Редфорд, Пол Ньюман.

— Мы всегда знали, что Имоджен любит постарше, — дразнюсь я, а Тесс в этот момент спрашивает:

— Который знаменит благодаря заправкам для салата?

— И попкорну, — напоминаю ей с заднего сиденья. Она молчит весь день, лишь ранее обронила, что Патрик ведет себя странно и последние пару дней как-то отстраненно отвечает на сообщения. Я что-то пробормотала в знак поддержки и отвер-

нулась. С этим извращением, безумием, ужасом, что происходил между мной и ее парнем, покончено навсегда. — И лимонаду.

— И миллиону классических фильмов! — протестует Имоджен.

— Но в основном благодаря заправкам, — отмечаю я.

— Мне нравятся заправки для салатов, — заявляет Тесс. — Так как насчет того парня из *One Direction*…

— Какого парня из *One Direction*? — перебиваю я.

— Который одевается небрежно.

— Они все одеваются небрежно.

— Самый небрежный! — заявляет со смехом Тесс и ругается, когда мы наезжаем на ямку, и она расплескивает на себя воду из бутылки. — Парень из *One Direction*, Джастин Бибер и кто-то из *Backstreet Boys* на ваш выбор.

— Убить Джастина Бибера, — в унисон говорим мы с Имоджен и начинаем хихикать. Я боялась этой поездки, но удивлена, как мне легко находиться с ними в машине, вытянув ноги на заднем сиденье. Мои волосы небрежно скручены в пучок на макушке. Такое ощущение, что все, произошедшее ранее, не имеет значения. Как будто я

могу начать все с чистого листа.

— Нет-нет, подождите, у меня самое лучшее предложение, — говорит Имоджен, подталкивает очки на носу и делает паузу. — Переспать, выйти замуж, убить: Гейб Доннели, Патрик Доннели, Джулия Доннелли.

В машине на секунду становится тихо, слышится лишь рокот итальянского двигателя и помехи на радио, когда мы проезжаем мимо гор.

А потом мы все взрываемся смехом.

День 76

Комната освещается ярко-фиолетовым свечением от старого телевизора, по которому крутят повтор серии «Друзей»; Тесс вырубается около полуночи, небрежно раскинув руки и ноги звездочкой на кровати. Я нисколько не устала.

— Схожу к торговому автомату, — говорю Имоджен, выскальзываю в коридор и спускаюсь по бетонной лестнице. Влажный ночной воздух давит со всех сторон.

Достаю из шортов доллар, беру себе упаковку лакричных конфет подешевле и иду обратно к нашему номеру. Но вместо того, чтобы зайти, на минуту прислоняюсь к перилам, тупо смотрю на неоновые огни вывески мотеля и «Бургер Кинга» через улицу и пытаюсь игнорировать бесконечно раздающийся в голове хор голосов Джулии, Конни, Пенн, Патрика — самый громкий. Не знаю, сколько стою здесь, как вдруг за моей спиной открывается дверь.

— Ты здесь? — спрашивает Имоджен, вытаскивает задвижку, чтобы дверь не закрылась, и присоединяется ко мне на площадке. В воздухе

висит легкий запах сигарет. — Я думала, тебя убили.

— Извини, — говорю ей и протягиваю пакет с конфетами. Она в старомодной пижаме с розовыми и белыми полосками. — Просто думала.

— Насчет чего, а? — спрашивает Имоджен, достав из упаковки лакричную полоску. — Ты весь день какая-то мрачная.

— Это не так! — протестую я. Серьезно? Я старалась вести себя нормально — думала, что вела себя нормально, — но она знает меня лучше, чем я предполагала.

— Ладно, — говорит Имоджен, скривив лицо а-ля «Отличная попытка». — Вы с Тесс обе нюни.

Да.

— Так и написано в моих правах, — говорю ей, прислонившись к перилам.

У желтого фонаря, прикрученного к стене, сталкиваются мотыльки.

— Мгм-м, — произносит Имоджен с улыбкой. — Что стряслось?

Я минуту не отвечаю, размышляю. Заправляю растрепавшиеся волосы за уши. Вспоминаю, что в прошлый раз ей не доверилась, что носила секрет, как камень в туфле, и в итоге он все равно выпал.

В этот раз я рассказываю ей все.

Когда заканчиваю, Имоджен с непроницаемым выражением лица смотрит на меня. А потом качает головой.

— Это хреново, — говорит она мне. — Блин, какого черта ты мне все это выложила, Молли?

Моргаю.

— Я думала… — начинаю я, но внутри уже расцветает то же ужасное неприятное предчувствие, как той ночью с Патриком, будто я все и всех неправильно поняла. — Не надо было?

Имоджен снова качает головой.

— Нет-нет, беру свои слова обратно. Конечно, я хочу, чтобы ты со мной делилась, но…

Она оглядывается на дверь в наш номер, слегка приоткрытую. Подходит чуть ближе и садится на грязный цементный пол. Я инстинктивно сажусь напротив нее, наши согнутые колени похожи на две пирамиды, и каждому, кто пойдет мимо, придется переступать через нас.

— Тесс — моя подруга. И я думала, она *твоя* подруга тоже.

— Так и есть!

— Правда? — Имоджен выгибает брови. — Потому что это похоже на серьезное нарушение Женского кодекса.

— Знаю, — с несчастным видом произношу я, прислонив голову к стене. — Знаю. Я облажалась. Я конкретно облажалась, Имоджен.

— Это да, — констатирует она. — Ты конкретно облажалась. Но и Патрик тоже. Ко всему прочему, мне кажется, девственность — устаревшее понятие, верно? Типа если парень засунет его в тебя, ты изменишься как человек?

— Мне кажется, тут дело в потере девственности с Гейбом, а не в моей девственности вообще, — отмечаю я.

— Это справедливо, — вздыхает Имоджен. — Слушай, ты знаешь, я никогда не считала, что ты поступила плохо, переспав в прошлом году с Гейбом. В смысле, это *нехорошо*, но ты же никого не убила. Но дело в том, что на меня не стоит рассчитывать, если дело касается промахов с девушками.

— Знаю, — признаюсь я. Имоджен всегда была такой, смесью чересчур жалостливого характера и семнадцати лет, проведенных в молитвах Богине. — Я тоже хочу выйти из этого. Все закончилось. Я официально не в деле.

— Обещаешь? — спрашивает Имоджен и поднимает мизинец. Я обхватываю его своим и произношу клятву.

День 77

«Ты дома?» — пишу Гейбу, как только возвращаюсь в Стар-Лейк, запрыгиваю в машину и еду по обрамленной деревьями дороге к фермерскому дому. За последние десять лет я путешествовала по ее крутым поворотам пешком, на велосипеде, а однажды, что незабываемо, на старинных роликах Конни, которые мы с Патриком нашли на чердаке.

Сегодня я даю газу.

«Конечно, — пишет в ответ Гейб, когда я заезжаю к ним на подъездную дорожку. — *Ты приедешь?»*

«Уже здесь».

Он выходит в боковую дверь только после душа, волосы мокрые и закручиваются над ушами.

— Что, скучала по мне или что-то… — начинает он говорить, но замолкает, когда я бросаюсь в его объятия.

— Скучала, — говорю ему, крепко обнимаю за шею и прижимаюсь губами к его. — Но теперь вернулась.

День 78

— Я могу с тобой поговорить? — спрашивает меня Пенн, когда я прихожу следующим утром, закрывая за нами дверь. На ней светло-розовая блузка с рукавами три четверти, на запястье мужские часы.

— Конечно, — отвечаю ей, немного волнуясь — мы созванивались насчет стульев, пока я была в Хадсоне, но после того, как она была резка со мной тем утром, мы почти не общались. — Что случилось?

— Кажется, я должна перед тобой извиниться.

Я моргаю. Кабинет Пенн — практически единственное место в гостинице, которое не подверглось обновлению: на стульях розовые подушки с цветами, а на стене висит газета с фото парусной регаты. Раскраски Фабиана лежат на дешевой книжной полке из прессованного картона.

— Серьезно?

Пенн кивает.

— Я странно повела себя в той ситуации с Дези, — говорит она и делает глоток кофе. Потом устраивается на краешке загроможденного стола,

вместо того чтобы сесть за него. — Перед тем, как отослала. Она привязана к тебе, и меня это немного разозлило, извини.

— Нет, нет. — Удивленно качаю головой. — В смысле, я тоже к ней привязана. Мне очень жаль, если я перешла границы.

— Ты не перешла, — прямо заявляет Пенн. — Слушай, мы с детьми пережили тяжелый развод. Я купила эту землю, потому что нуждалась в новом старте, и я думала, детям он тоже нужен. Но мы приехали сюда, и Дез почти перестала разговаривать. — Она машет рукой, словно пытается разогнать сигаретный дымок или какой-то яд в воздухе, который мешает ей дышать. — Возможно, я не права, не знаю. Но мне не понравилась мысль, что Дез сблизится с человеком, который уедет, и я старалась уберечь ее от этого. И, возможно, пыталась защититься сама. — Она прикрывает глаза. — Я во многом здесь полагаюсь на тебя, понимаешь? Ты помогаешь мне управлять этим местом и скоро уедешь отсюда. — Она допивает кофе и ставит пустую чашку на стол. — Не самый обдуманный поступок в моей жизни, но уж что есть. Вот почему я тогда была так резка с тобой. — Пенн вздыхает. — В любом случае надеюсь, я тебя не настолько напугала, чтобы ты

перестала общаться с Дез. В конце концов, моей девочке нужно много заботы, верно?

Я улыбаюсь, затем под влиянием момента подступаю к ней, чтобы обняться.

— Да, — наконец говорю я. — Да, мне кажется, нужно.

День 79

Получаю е-мейл от отдела размещения, оповещающего, что моя соседка — Рошин О'Мэлли из Саванны, Джорджия.

— Там написано Рейзин[8]? — интересуется Тесс, заглядывая в компьютер, ее коса мокрая после бассейна, и вода с нее стекает на мою спину. — Рейзин О'Мэлли?

— Да, — смеюсь я, закрывая браузер. Рабочий день почти закончился, и я планирую поужинать в «У Банчи». — Именно так там и написано. Моя соседка — высушенный виноград.

[8] Примечания: 8
Изюм по-английски raisin, а соседку Молли зовут Roisin.

День 80

Когда следующим утром прихожу на работу, в кабинете на столе меня ждет огромная упаковка калифорнийского изюма.

— Вы, девочки, такие странные, — говорит Пенн.

День 81

После ужина иду с чашкой кофе в комнату и сажусь за стол, стоящий под доской и картиной. Вхожу в личный кабинет абитуриента и пролистываю страницы, пока не нахожу выпадающий список специальностей: архитектура и история искусства, образование и технологии. Прокручиваю список и добираюсь до изучения бизнеса, пальцы зависают над тачпадом ноутбука.

Глубоко вдыхаю и выбираю.

День 82

Следующим вечером иду к Доннелли, чтобы посмотреть какой-то канадский сериал, от которого Гейб в восторге, где все носят одежду в клеточку и все время говорят, коверкая слова. Его длинные пальцы играют с моими волосами. Когда заканчивается серия, распахивается дверь на кухню, и по дому разносится хихиканье Джулии. Через мгновение она появляется на пороге гостиной. За ней раздаются шаги, и я боюсь, что они принадлежат Патрику, но это Элизабет на каблуках и с мороженым.

— О, привет, — говорит Джулия, переводя взгляд с Гейба на меня и обратно. — Я не знала, что вы здесь.

— Мы здесь, — спокойно отвечает Гейб, но мне интересно, чувствует ли он, как свело мышцы на моих руках, спине и плечах: мне неловко, что я так вольготно устроилась на диване. Сколько раз Джулия заставала такую же картину? Только я лежала на изгибе руки Патрика, а не Гейба.

Но если она и считает это странным, то ничего не говорит.

— Хотите мороженого? — спрашивает она. А потом, не дождавшись ответа: — Лиззи, можешь принести еще две ложки?

И вот я в итоге делю мороженое с Гейбом, Джулией и девушкой Джулии, они обе сидят на полу и уже примерно час щелкают каналы. Мы посмеиваемся над нелепой рекламой автострахования и передаем туда-обратно мороженое. Элизабет время от времени пародирует Уильяма Шетнера.

— Я слышала, ты уговорила Пенн закатить в конце лета вечеринку для персонала, — говорит она, собираясь уходить и надевая туфли. — Это круто.

Это не совсем *«Извини, я истязала тебя на работе»*, но и так сойдет. Гейб подталкивает меня в спину со всей незаметностью большого духового оркестра.

— Да, — отвечаю ей, игнорируя его и улыбаясь. — Должно быть весело.

Вскоре после этого Гейб провожает меня. В воздухе повис тяжелый запах дождя.

— Это было что-то из параллельной вселенной, — говорю я, качая головой. — Серьезно, мне приснился весь этот вечер?

Гейб пожимает плечами.

— Смирись с этим, Молли Барлоу. Мы с тобой

— устаревшие новости.

— Наверное. — Удивленно улыбаюсь. Мы не говорили о чем-то важном, не ощущалось никакой неловкости, давления или странности. Все было… нормально.

Но Гейбу не интересно анализировать события этого вечера.

— Слушай, — начинает он, и сразу становится ясно, что у него на уме совершенно другое. — Ты помнишь моего приятеля Райана, у которого была вечеринка? Следующие пару дней он проведет на музыкальном фестивале в Нэшвилле. — Гейб пожимает плечами со слишком показной небрежностью, чтобы выглядеть равнодушным. — Он сказал, что трейлер свободен, если хотим воспользоваться им на ночь или на две.

Выгибаю брови и не могу скрыть улыбку, даже желудок совершает кульбит.

— Извини, — дразнюсь я, инстинктивно бросив взгляд на сарай, где темно и все закрыто. — Если мы захотим им воспользоваться для чего?

Гейб качает головой, все его безразличие растаяло, как мороженое на нагретом солнцем тротуаре.

— Заткнись, — бормочет он с улыбкой.

— Нет, правда, скажи мне, — подталкиваю его

лодыжкой. — Я хочу знать, для чего именно мы будем использовать шикарный передвижной дом Райана.

Гейб закатывает глаза и потирает подбородок.

— Ты злющая.

— Знаю, — отвечаю ему, все еще улыбаясь. — Расскажи мне.

Он сменяет тактику, засовывает палец в ременную петлю и притягивает меня к себе.

— Чтобы побыть наедине, — отвечает он.

— О, побыть *наедине*. — Притворяюсь, что задумалась — если здесь есть, о чем думать. Встаю на цыпочки и прижимаюсь к его губам. — Понятно.

День 83

В ветхом трейлере Райана отвратительный зеленый ковер с грубым ворсом. Уверена, что в нем существует своя экосистема, но мы с Гейбом все равно на него садимся. Я закидываю на него ноги, и между нами на полу лежит древняя шахматная доска. Он обводит пальцем мою лодыжку, кожу в том месте покалывает.

— Моему папе нравилось играть в шашки, — рассказывает мне Гейб, обходя красной шашкой две мои. На его айфоне играет песня группы *Young the Giant*, тихая и медленная. — Когда шел снег, мы все время устраивали поединки.

Я улыбаюсь ему.

— Знаю.

— Черт, конечно, ты знаешь. — Гейб качает головой. — Мне нравится, что ты знала моего папу, понимаешь? Я *люблю* тебя. — И продолжает, когда я удивленно перевожу взгляд с доски на него: — Правда. Так и есть. Знаю, что говорил такие же слова на «Падающей звезде», но так и есть.

— Я тоже тебя люблю. — Слова вырываются прежде, чем я обдумываю их, возможно, я впер-

вые сделала или сказала что-то, не беспокоясь, как буду при этом выглядеть. Но они правдивы, и я понимаю это, как только слышу. Такое ощущение, что все произошедшее после моего возвращения в Стар-Лейк — включая даже Патрика — вело именно к этому. — Эй, Гейб. — Я улыбаюсь и чувствую, как внутри меня что-то растекается, расплавленное и настоящее. — Я тоже тебя люблю.

— Да? — Он кажется удивленным и таким счастливым — так приятно и интересно приносить радость другим. Он склоняется над шахматной доской и целует меня. Я держусь за него как можно крепче.

День 84

Следующим утром просыпаюсь на узенькой кровати передвижного дома и вижу, что Гейб роется в мини-холодильнике, какой можно найти в общежитии колледжа под двухъярусной кроватью. В окна проникает светло-желтый солнечный свет, калейдоскопом играя на ковре.

— Привет, — говорю я зевая и ложусь на бок, чтобы лучше рассмотреть его загорелую безупречную кожу и футболку, в которой он спал. — Что делаешь?

— Оцениваю ситуацию с завтраком, — отвечает Гейб и улыбается, увидев мое сонное выражение лица. — Есть яйца. И ужасный растворимый кофе. А можно съездить в город и пойти во «Френч Роуст», если хочешь.

Я смотрю на него чуть дольше, на упаковку сомнительного сыра в руке и его утреннюю улыбку. Сказанное прошлым вечером *«Я люблю тебя»* звучит в моей голове, словно любимая песня на повторе. Я глубоко вздыхаю.

— Не хочу, — говорю ему и тянусь. — Иди сюда.

Гейб сначала не двигается, склонив голову, на

лице отражается вопрос.

— Хорошо, — отвечает он через мгновение и переплетает пальцы с моими. Упирается коленями в узкий матрас, волосы падают на лоб, когда он смотрит на меня. — Ты уверена? — бормочет он. Я изумленно смотрю в ответ и киваю.

День 85

Выставка Имоджен проходит с невероятным успехом, «Френч Роуст» набит друзьями и незнакомцами. Она объявила об этом событии в Твиттере и Инстаграме, оставила листовки в каждом магазине города, и это сработало. Куда ни посмотрю, везде картины с маленькими красными наклейками «ПРОДАНО», коллажи и каллиграфическая картина, серия картин с озером в сумерках. Очень многие любят Имоджен: мне нравится, как она ходит и со всеми разговаривает, рука Красавчика Джея небрежно лежит на ее плечах. Я горжусь ею.

— А она хороша, да? — спрашивает Гейб, когда останавливаемся перед рисунком Тесс в профиль. Выражение ее лица загадочное и недовольное. Он прав — прекрасная картина, верно прорисована коса, и чернила красиво впитались в плотную бумагу. Но я с трудом выражаю согласие, потому что открывается дверь и входит Тесс, длинные пальцы Патрика просунуты в петли ее джинсов. Он ловит мой взгляд и смотрит.

Я сглатываю. Впервые вижу его с той ночи в

моей спальне. Мы оба представляем из себя обломки кораблей: избегаем друг друга, кружим вокруг в нашем маленьком круге общения, словно магниты с разными полюсами.

— Что случилось? — спрашивает Гейб и проследживает за моим взглядом к лицу Патрика с каменным выражением.

Я пожимаю плечами и специально отворачиваюсь. Удивлена, что он не чувствует пленку вины, покрывающую мою кожу.

— Не знаю.

— Глубокая экзистенциальная тоска, непонятная окружающим, — ставит диагноз Гейб. — Хочешь поесть?

Не хочу. В такой толпе легко потеряться, можно бродить по кофейне, где полно больших столов с выпечкой, напитками и всего прочего, людей, с которыми можно поболтать. Но после появления Патрика создается ощущение, что мы с ним здесь одни, я, словно животное, чую его, куда бы он ни шел. Он тоже за мной следит; я чувствую это, его взгляд на моем теле похож на постоянный слабый зуд. Не отлипаю от Гейба и стараюсь не смотреть.

После в крошечной квартире Красавчика Джея проходит вечеринка. Мы втиснулись на диваны

и в его маленькую кухню, в холодильнике полно низкоалкогольного пива «Бад», а на стойке выставлены бутылки дешевого ликера. Переступаю целующихся на матрасе Джейка и Энни и наливаю себе клюквенную водку, которая больше смахивает на сок.

Заметив, что Патрик нырнул на балкон, оглядываюсь проверить, что Гейб и Тесс отвлечены, и следую за ним.

— Я — чемпион мира, — говорит Имоджен и, хихикая, поднимает бутылку пива. Тесс отвечает своей, и обе делают по большому глотку.

Патрик облокотился о перила и смотрит на разношерстный лес возле квартирного комплекса. Тонкие сосны окружают парковку.

— Есть минутка? — тихо спрашиваю я.

Патрик пожимает плечами.

— Это свободная страна, — говорит он мне. В детстве мы обычно произносили такую фразу с высокомерием. Вздыхает. — Чего ты хочешь, Молс? — спрашивает он так, будто устал от меня. — Правда, что тебе от меня нужно?

Он пьян, я замечаю это по тому, как он пытается сосредоточить взгляд. Не самые лучшие условия для решения проблем, но все равно надо попытаться. Надо попробовать выбраться из этого.

— Слушай, ты можешь со мной поговорить? — спрашиваю его, все еще пытаясь не повышать голос — вечеринка проходит бурно, но дверь приоткрыта. Я как будто все лето провела, постоянно волнуясь, что кто-то подслушает. — Лето почти закончилось, понимаешь? И я не… Я *люблю* тебя и беспокоюсь о тебе, и не хочу…

— Ты любишь меня и беспокоишься обо мне. — Патрик фыркает. — Хорошо.

— Да! — восклицаю я, раздосадованная таким пренебрежением. — Тогда какого черта я занималась с тобой всем этим? Зачем мне рисковать Гейбом?

— Я не знаю. Почему ты сделала это в прошлый раз? — спрашивает Патрик. — Потому что тебе нравится внимание. Вот в чем дело. Ты — отрава, ты хочешь…

— Можешь говорит потише? — шиплю я, но слишком поздно — Тесс распахивает дверь до конца, в руке новая бутылка пива.

— У вас все хорошо? — спрашивает она.

Позади нее Гейб.

— Что происходит? — спрашивает он.

Патрик сосредотачивает все свои силы на ответе.

— Почему бы тебе не спросить об этом свою

девушку? — злобно предлагает он. — И пока ты здесь, почему не спросишь ее, какого черта она делала, пока все это время трахалась с тобой?

Замираю в полном ужасе. Патрик проталкивается мимо нас. Но Гейб хватает его за руку, чтобы не ушел, и младший брат бросается на него, его кулак с тошнотворным хрустом вписывается в лицо Гейба, как в каком-то фильме. Тесс кричит. Гейб бьет в ответ. И я делаю единственное, что приходит мне в голову, единственное, что мне отлично удавалось всю мою жизнь.

Я бегу.

День 86

Я не могу…
Я не хотела…
Боже мой, боже мой, боже мой.

День 87

За ночь во мне как будто взрывается что-то тяжелое и ядовитое, гнойник или опухоль. Просыпаюсь, рыдая в матрас, и не могу остановиться.

Я все испортила, все уничтожила.

Ты — отрава. Грязная шлюха.

Лежу, свернувшись в клубок и сотрясаясь, как дурацкий герой трагедии Шекспира, безумная Офелия, которая ест свои волосы. Но в итоге из-за всех этих слез чувствую себя отвратительно, как будто вот-вот стошнит, поэтому заставляю себя сходить в ванну. Там меня и обнаруживает мама, когда поднимается ко мне несколько минут — или часов — спустя, не знаю точно.

— Что случилось? — сразу же спрашивает она, забегает внутрь и падает на пол рядом, затем обхватывает меня за плечи и крепко обнимает. От нее пахнет сандаловым деревом, кардиган кажется мягким и прохладным на моей влажной покрытой пятнами коже. — Молли, детка, что произошло? Что случилось?

Я удивленно смотрю на нее сквозь слезы, моргая: даже до того, как наше общение в этом доме

сошло на нет, мы особо не обнимались. Это совокупность всего физического контакта за целое лето, и от этого мне еще больше хочется плакать, еще сложнее отвечать ей. Мое дыхание похоже на дрожащий хрип, меня как будто физически раздавили, как поступали с ведьмами в Массачусетсе, когда им на грудь складывали каменные плиты. Я словно бегу марафон, к которому совсем не готовилась.

— Молли, детка, — повторяет она. Чувствую ее теплое дыхание на виске. Ее как будто охватил странный прежде спящий инстинкт: она гладит мои волосы и спину, а такого не было с тех самых пор, как я была очень, очень маленькой. — Тс-с. Все хорошо, — обещает она. — Я здесь, твоя мама здесь. Все в порядке.

Твоя мама здесь. Все в порядке.

То же самое она говорила тем вечером, когда я рассказала ей про Гейба. Я сломалась и пришла к ней в кабинет, чувствуя себя последним человеком на земле. Я думала, что именно это опрокинуло все костяшки домино, что этого не случилось бы, если бы она не использовала меня.

Теперь же я не уверена.

Похоже, наши мысли сходятся, потому что ма-

ма отстраняется и качает головой.

— Можешь не рассказывать, — тихо говорит она, и это похоже на отпущение грехов. — Можем просто посидеть здесь. Можешь не рассказывать.

И мы, две представительницы семейства Барлоу, просто сидим на полу возле ванны, на прохладной и чистой плитке. Слезы наконец высыхают. Никто из нас не произносит ни слова.

День 88

Грустная и вялая, спускаюсь на пробежку следующим утром. Туман клубится над озером, словно облака. Едва успеваю выйти за дверь, как уже замерзаю.

В этот раз не яйца покрывают мамин дом, липкие и мерзкие. А туалетная бумага.

Туалетная бумага, которая вымокла за ночь.

Сажусь на лужайку, заметив ее: рулоны супервпитывающей двухслойной бумаги промокли и комками липнут к черепице, ставням и витиеватому орнаменту. Она засоряет все водостоки. Свисает с деревьев.

— Ну-у, — говорит мама, попивая кофе; она вышла, услышав в открытое окно мой смех, безумный хохот, который не похож на мой обычный. Я всхлипываю разок, когда она выходит за порог, чтобы осмотреться, и беру себя в руки. Мокрая трава намочила все шорты. — Мы должны дать ей очки за постоянство.

– *Мам*, — огрызаюсь я, и в этот раз она смягчается. Протягивает мне руку, чтобы помочь подняться. — Можешь позвонить Алексу, — го-

ворю ей. — В этот раз можешь вызвать его. Я сдаюсь.

Мама с сочувствием смотрит на меня, ее тонкие руки оказываются на удивление сильными.

— Знаешь, что приходится решать, когда пишешь книги? — спрашивает она, когда я поднимаюсь. Мокрая трава прилипла к ногам.

— Превратить сексуальную жизнь дочки в бестселлер или нет? — отвечаю я. Это своего рода рефлекс, но уже остаточный, и мама это понимает. Закатывает глаза, но по-доброму, все еще держа меня за руки.

— Какие романы обрубить в конце, Молли, — говорит она мне. — А какие оставить с открытой концовкой.

Я смотрю на нее, на эту женщину, которая выбрала меня восемнадцать лет назад. Которая воспитывала меня, сломала и только что подняла с земли.

— Можно я задам тебе вопрос? — начинаю я, чувствуя себя глупо и смущенно, но еще как будто ее ответ — жизненно важная информация, которую мне стоило узнать задолго до сегодняшнего дня. — Какие у тебя любимые цветы?

Мама удивлена — наверное, моим вопросом или, возможно, тем, что я этим интересуюсь.

— Лилии, наверное. Мне нравятся лилии.

Я киваю.

— Лилии, — повторяю я, словно никогда не слышала этого слова. — Хорошо.

День 89

Утром нахожу Тесс на улице, поливающую шезлонги, которые выстроились на солнце вдоль бассейна, словно солдаты. Приходится заставить себя спуститься с крыльца. Вблизи она выглядит ужасно: лицо опухло, блестит от слез, на щеке выскочил прыщ. Ее волосы распущены и грязные. Я, наверное, выгляжу еще хуже.

— Привет, — говорю я, неловко махнув рукой, как будто сейчас снова начало лета, а она — незнакомка, которую я боюсь. Или словно я — незнакомка, которую она, возможно, ненавидит. — Можно с тобой поговорить?

Я не ошиблась: Тесс смотрит на меня, по опухшему перекошенному лицу проскальзывает удивление.

— Нет, — отвечает она.

— Тесс…

— Не надо, Молли, — перебивает она и качает головой. Тянет шланг по цементу и начинает сматывать его. — Правда. Я не хочу это слышать, не могу.

— Мне так жаль, — все равно пытаюсь я. — Тесс,

серьезно, пожалуйста, выслушай меня…

— Нет, это ты меня выслушай! — взрывается она. Я впервые за все лето слышу, чтобы она повысила голос. — Я была добра к тебе, когда все отвернулись, понимаешь? Мне говорили остерегаться тебя, но ты мне понравилась, поэтому я наплевала на все. — Она качает головой, в глазах стоят слезы. Я чувствую себя самым худшим человеком на земле. — Вот почему ты со мной подружилась? — спрашивает она высоким и хриплым голосом. — Чтобы, типа, подставить?

— Нет! — восклицаю я. — Нет, клянусь. Ты тоже мне сразу понравилась. Ты все лето была мне хорошей подругой, и я…

— Решила отплатить мне, забавляясь с моим парнем? — спрашивает она.

— Я… — Беспомощно замолкаю и оглядываюсь проверить, не слышал ли кто ее слова, как сделала в первый раз, когда обнаружила записку Джулии на машине. Я стыжусь себя, это правда. И нет прощения тому, как я поступила с Тесс.

— Пожалуйста, уходи, — просит Тесс, безуспешно стараясь распутать упрямую петлю на шланге. — Серьезно. Просто… если ты хочешь сделать хоть что-то в своей жизни не для себя. Правда. Пожалуйста, уходи.

В июне я смотрела документальный фильм про сердца-призраки, которые готовят для трансплантации, убрав все клетки, пока не остается лишь соединительная ткань, пустая, белая и бескровная. Не знаю, почему сейчас думаю об этом.

— Конечно, — наконец говорю я и киваю. Разворачиваюсь и ухожу от нее.

День 90

Сижу на кровати, обхватив прижатые к груди колени, и смотрю документальный фильм про Мэри Шелли, которая годами после смерти мужа хранила его сердце в ящике стола. Немного плачу. И прячусь.

День 91

От Гейба и Патрика ни слова не слышно — я и не ждала, но маленькая часть меня все еще надеется, что Гейб ответит на одно из тысячи сообщений, в которых я просила у него прощения. Я звонила, но он не ответил. Прошлым вечером я собрала всю волю в кулак и поехала к Райану, где он сейчас жил, по словам Имоджен, но никто не открыл мне дверь, хотя его универсал был припаркован на полянке. Я сидела там несколько часов, в холоде и темноте, в ожидании, но он не вышел. Теперь я пишу его имя в поиске на Фейсбуке и смотрю на его загорелое улыбающееся лицо.

Пока здесь, добавляю в друзья Рошин, затем целый час просматриваю ее фотоальбомы. *«У Рейзин довольно сексуальный парень!»* — написала бы я Тесс, знай я, что она когда-нибудь снова захочет со мной общаться. Вместо этого продолжаю щелкать: Рошин и ее команда по софтболу в Саванне, Рошин в платье на выпускном. Она выглядит воспитанной, популярной, милой и дружелюбной.

На ее месте я бы не захотела иметь со мной

ничего общего.

День 92

Следующим утром вытаскиваю себя на пробежку. К счастью, у озера никого нет. Дует прохладный ветерок, кажется, первый за все это лето — напоминание, что приближается осень. Огибаю скопление деревьев и резко останавливаюсь — в мою сторону движется «Бронко», сверкая на солнце.

На секунду меня охватывает невероятно странный, настоящий страх, холодное осознание того, что я здесь совершенно одна. И умом понимаю, что никто из Доннелли не причинит мне вреда — сама мысль об этом безумна, — но не уверена насчет заносчивой Микаэлы или Элизабет. Люди иногда совершают безумные поступки. Не знаю, всегда ли я была таким человеком, чей первый позыв — убежать, или это лето сделало меня такой. Мне такое качество совсем не нравится.

В любом случае за рулем не Джулия и ее ковен, выжидающий нужного момента, чтобы кинуть что-то в окно или выскочить и поколотить меня.

Это Конни.

— Сразу тебя узнала, — говорит она, остановив-

шись рядом со мной, и смотрит на меня в боковое окно. Ее седые волосы убраны в обычный короткий хвостик. — Хочешь, запрыгивай, я довезу тебя до дома?

Это уничтожит поставленную цель моей пробежки, к тому же кажется, я достигла предела в общении с Доннелли этим летом, но и не похоже, что она спрашивает.

— Эм… конечно, — слышу свой ответ, открываю пассажирскую дверь и забираюсь на сиденье. Чувствую запах пота, прилипший к моему телу. — Спасибо.

— Не за что, — говорит Конни, и мы отправляемся вдоль озера в ту сторону, откуда я прибежала. Сначала едем молча, лишь хрипит радиостанция, которую они с Чаком всегда слушали, когда подвозили нас или забирали. — Осталось несколько дней, да? — спрашивает она, остановившись на светофоре на перекрестке Лейк-роуд и Четвертого шоссе. — Я на следующей неделе повезу Джулию в Бингемтон.

— Да, — уклончиво отвечаю я. Так непривычно, прям до смятения, сидеть с ней в машине, гадать, что она слышала, думает и чувствует. — Мы говорили об этом.

После этого мы снова молчим. Отзывающа-

яся эхом тишина как будто растягивается на несколько дней. Солнечные лучи отскакивают от широкой деревянной приборной панели. Конни заговаривает первой.

— Слушай, Молли, — говорит она, вздохнув. — Я не знаю, что этим летом происходило между тобой и моими мальчиками. И не хочу знать. Они мои мальчики, ясно? Я всегда буду за них горой. Но, честно говоря… — Конни замолкает. — Честно говоря, последние несколько месяцев тебе самой пришлось нелегко.

— Я… — Понятия не имею, как ответить, это не вопрос. Такое ощущение, что мне оторвало голову. — Я в порядке, — наконец говорю ей, потому что этот ответ кажется самым лучшим и, возможно, самым правдивым. — Я справилась.

— Это так. — Конни кивает. — Раньше я выдавала вам пластыри и мороженое на палочке, — продолжает она. — Другого и не требовалось.

Не знаю, что на это ответить. Она как будто пытается что-то сказать, но я не понимаю, что. Мы приближаемся к моему дому, едем по длинной подъездной дорожке; я могла бы за то же время добраться до дома сама. Конни останавливается в начале, не везет меня до конца.

— Спасибо, что подвезли, — говорю я.

— Не за что, — говорит она, кивая. — Береги себя, Молли.

Я стою на месте, наблюдая, как исчезают задние фары машины.

И тут вспоминаю.

Это произошло до того, как Патрик расстался со мной, до всего, что случилось с Гейбом. Я заскочила к Доннелли после пробежки в школе и обнаружила Конни на кухне, она готовила обед.

— Кажется, они в сарае, — сказала она, поднимая с бумажного полотенца кусок бекона. — Скажи им, что все почти готово, хорошо?

— Конечно, — пообещала я, но не успела даже пересечь двор, как услышала их громкие голоса.

— ...Ты не можешь пустить все на самотек, верно? — спросил Патрик. — Отвали, брат, я серьезно.

— Не тебе решать, ясно? — Это был Гейб. Я остановилась у сарая, все еще раскрасневшаяся после пробежки, ноги утопали в грязи. Из-за чего они ссорились? Мне казалось, отношения между ними укреплялись вот уже несколько месяцев — или даже дольше, со смерти Чака.

— Не мне решать? — парировал Патрик. Я не видела его, но отлично могла представить, как он распластался на диване. — Это что, вызов?

— Называй, как хочешь, — сказал Гейб. — Она большая девочка. И сама может сделать выбор.

Стою в самом начале подъездной дорожки: не совсем дома, не совсем ушла. Мне так долго казалось, что это я встала между Патриком и Гейбом, что была той, кто разрушил их идеальную семью. И, возможно, так и есть.

Но, может быть…

Это что, вызов?

Глубоко вздыхаю и иду по подъездной дорожке. Отпираю дверь и захожу в дом.

Той ночью я не сплю, просто лежу, мысли крутятся в голове, как ураган: Патрик, Гейб, моя неверная оценка, эта тихая ссора в сарае во время мороза.

Грязная шлюха, грязная шлюха, грязная… Достаточно.

Поднимаю голову с подушки и открываю глаза в темноте: сначала как будто слышу голос Пенн или, возможно, мамин. С мгновение думаю, что это Имоджен.

Но потом понимаю: здесь только я.

Довольно.

Довольно. Довольно.

День 93

Я собираюсь пропустить вечеринку персонала гостиницы в честь окончания лета — показаться на ней сродни самоубийству, но Пенн останавливает меня, когда иду к двери, и у меня не хватает духу (или смелости) отказать ей. Эта дурацкая вечеринка была моей идеей, когда казалось, что это лето пройдет нормально. Не хочу, чтобы Пенн на прощание запомнила, что я слиняла.

Но как только появляюсь у бассейна, сразу понимаю, что совершила ошибку эпических масштабов: здесь Тесс, заносчивая Микаэла, болтающая ногами в воде, Джулия и Элизабет Риз у стола с едой. Я надеялась, Джей приведет с собой Имоджен — даже написала ей сообщение: *SOS*, но она сегодня работает, а значит, я сама по себе. Сглатываю и расправляю плечи, стараясь не казаться зеброй среди голодных львов. Я имею столько же прав находиться здесь, сколько и все они.

Вот в чем я пытаюсь убедить себя.

Официанты шумно играют в Марко Поло на глубине, и я, поздоровавшись с Джеем и осталь-

ными работниками кухни, наблюдаю за ними, стараясь вести себя так, будто мне интересно. Достаю из кармана телефон, пытаясь игнорировать обрывки фраз Джулии, в которых, возможно, присутствует слово «шлюха». Мое лицо краснеет. Я чувствую на себе взгляды, как физические прикосновения, как будто меня схватили со всех сторон. *Двадцать минут*, обещаю я себе, даже установив на телефоне будильник, словно могу его пропустить. *Останься еще на двадцать минут, а потом уйдешь.*

Я наливаю себе в стакан диетическую колу, но не потому что хочу пить, а чтобы чем-то себя занять. Тут кто-то толкает меня в спину, и липкая газировка заливает мои шлепки. Вскидываю голову, мимо проходят Микаэла и Джулия.

— Смотри, куда прешь, Молс, — говорит Джулия, ее голос слаще колы, обволакивающей мои ноги и лодыжки. И добавляет тише: — Шлюха.

Разворачиваюсь к ней и выпрямляюсь в полный рост. С меня хватит. Я в гневе.

— Знаешь, что, Джулия? — огрызаюсь я. — Заткнись.

Она удивленно смотрит на меня и останавливается.

— Что, прости?

— Ты меня слышала. — По моим венам бежит что-то горячее и ядовитое, и я через мгновение понимаю, что это храбрость, что впервые — за все лето, возможно — порыв подраться сильнее порыва убежать. — Меня уже тошнит, что ты и все остальные ведут себя так, словно твои братья — идеальные ангелы, которых я развратила. Все было совсем не так. А даже если и так, это не твое дело. — Поворачиваюсь к заносчивой Микаэле: — И это уж *точно* не твое дело. Поэтому больше не хочу ничего слышать. — Мои руки трясутся, но голос спокойный и ясный. — Довольно, — говорю я, повторяя слова, которые слышала вчера поздно вечером в своей комнате. — С меня хватит.

Джулия смотрит на меня, открыв рот. Тесс тоже. Я сосредотачиваюсь на Джулии и Микаэле, вскинув брови. *«Идите ко мне*, — хочу сказать им. — *Я больше не позволю себя обижать»*. Возможно, это правда, а возможно, и нет, но в этот момент я чувствую себя неуязвимой, полной сил и решимости.

Только собираюсь сказать что-то еще, как в кармане вибрирует телефон — время вышло. Мне можно идти домой. И, поставив на стол стакан и направившись в лобби, понимаю, что не убегаю. Меня провожает молчание вокруг бассейна.

С меня хватит. И я ухожу.

День 94

— Я слышала, ты на вчерашней вечеринке дала Джулии отпор, — говорит Имоджен. Мы стоим на расшатанных стремянках во «Френч Роуст» после закрытия и снимаем ее работы, чтобы упаковать и отправить в новые дома. Она продала больше половины выставленного. Будь она моим ребенком, я бы ею гордилась.

— Не то чтобы, — оправдываюсь я, снимая со стены коллаж с журнальными вырезками, похожий на прибрежную полосу озера ночью, и осторожно опускаю его на деревянный пол. Из колонок играет *Bon Iver*. — Точнее… Ладно. Я нанесла небольшой ответный удар.

– *Кхм-м*, — отвечает она, с помощью молотка вытаскивая из стены гвоздь и бросив его в чашку к остальным. — Именно так я и подумала.

— Мне кажется, что они имеют право меня ненавидеть, — признаюсь ей. — В смысле, Тесс точно имеет право, и Джулия, возможно, тоже. Но они должны ненавидеть не только меня. Это какие-то двойные стандарты, не знаю. Я разозлилась, и из меня полилось.

— Это и есть двойные стандарты, — говорит Имоджен и тянется к рулону пузырчатой пленки. — Я рада, что ты им ответила. Равенство возможностей.

— Именно! — хихикаю я в темноте. Шесть дней до отъезда в Бостон, и кажется, что больше ничего не надо делать.

Ладно, есть еще кое-что.

— Все равно я тобой горжусь, — говорит Имоджен. — То, что ты сказала им, было смело. Мне кажется, Эмили Грин тоже тобой гордилась бы.

Отвечаю громким наигранным звуком рвоты.

— О господи, ужас!

— Я в том смысле, что… книга была неплохой, — защищается Имоджен. — Ты должна это признать.

Качаю головой и, передвинув стремянку, забираюсь на нее, чтобы снять висевший вверху холст.

— Не признаюсь, — противлюсь я. — По крайней мере, вслух.

Имоджен громко и знакомо смеется. Даже после всего случившегося я рада, что вернулась. Странно думать, что через несколько недель у нас будут совершенно другие жизни, что мы сплотились этим летом, чтобы вовремя попрощаться

друг с другом.

— Ага, нечего разводить тут сантименты, — говорит Имоджен, словно читает мои мысли. — Ты сама говорила, Бостон и Провиденс не так уж далеко. — Она тянется и дергает меня за рубашку, чтобы я знала — она со мной.

— Мы будем соседями, — отвечаю ей и улыбаюсь.

День 95

– *Не надо*, — сразу же говорит Патрик, когда я на следующий день прихожу в магазин. Колокольчик над дверью звенит, волосы зачесаны назад гребнем, который стянула у мамы. Хотела выглядеть серьезно. Это настолько важно, что растрепанные волосы бы не подошли. Патрик стоит за стойкой, все его тело напрягается и становится твердым, как прутья в птичьей клетке. На его лице красуется зелено-желтый синяк.

– *Патрик*, — ахаю я, когда вижу, хотя знала о нем, но есть разница между тем, чтобы услышать про стихийное бедствие и увидеть разрушения самому. — Это после…

— Я сказал, *не надо*, Молли. — Патрик качает головой, голос тихий, каким я никогда его не слышала. За столом у окна уплетают куски пиццы парни из средней школы, на стульях бок о бок устроилась парочка пожилого возраста. — Все уже сделано, ясно? Все закончилось. Не стоило сюда приходить.

— Это не так. — Глубоко вздыхаю. Я только об этом и думала с тех пор, как Конни подобрала ме-

ня у озера. Мне надо получить от него ответ. — Все дело было во мне? — спрашиваю я и чувствую, что из меня как будто вышел весь воздух. — Это лето, все, что произошло? Или это было каким-то соревнованием с Гейбом?

Патрик смотрит на меня, словно я сошла с ума.

— Все, что *произошло*? — повторяет он. — Как будто ты в этом не участвовала.

— Я не об этом говорю! — Получается так громко, что пожилые люди поднимают головы, но я слишком далеко зашла, чтобы смущаться. Слишком далеко зашла для всего, кроме этого. *Я — девочка из книги*, хочу сказать им. *Давайте, смотрите.* — Я говорю совсем не об этом. Я уже большая, — выпаливаю, повторяя слова его мамы. — Я сделала выбор. Но то, что мы сделали — признайся, Патрик. Это произошло не потому, что ты скучал по мне, не потому, что это мы и ты хотел все исправить, что бы там ни было. Это произошло из-за того, что ты хотел увести меня у своего брата. Ты хотел победить.

— Я хотел *тебя*, — парирует Патрик, и этот ответ звучит хуже любого ругательства. — Я, черт возьми, любил тебя, Молс, как ты этого не понимаешь?

— Любил так сильно, что все лето дурил меня и

унизил перед всеми, кого мы знаем?

Патрик смотрит на меня с другой стороны стойки. Затем вздыхает, словно у него не осталось сил.

— Я не знал, как тебя отпустить.

Смотрю на него — между нами пропасть больше, чем за все время, пока я была в Темпе, мое сердце истекает чем-то таким едким, что мне кажется, он учует этот запах среди соуса и пеперони. Рассматриваю его красивое лицо и серые, как шторм, глаза, стиснутые зубы, но он… он не здесь. Мой Патрик, которого я знаю, помню и люблю, пропал. Я испортила то, что было между нами. Мы оба это сделали. Я думала, мы сможем это исправить — считала, то, что происходило этим летом между нами, исправит положение, и мы снова будем вместе. Но не все поддается ремонту. Не знаю, действительно ли верила я в это до нынешнего момента. И от этого осознания появляется ощущение, будто мою грудную клетку распирает изнутри.

— Я не должен был говорить тебе того, что сказал, — наконец говорит он. — В твоей комнате той ночью не стоило называть тебя… — Звенит колокольчик над дверью, заходит большая семья. Патрик кривится и морщит желтовато-зеленое

лицо. А когда снова заговаривает, заклинание разрушено. — Слушай, Молли, — продолжает он, словно я — покупатель. Прохожая с улицы. — Мне надо работать.

Из меня выходит весь воздух, как будто где-то открыли клапан. Я вдруг так устала, что едва могу стоять.

— Я уезжаю через несколько дней, — наконец сообщаю ему. Глубоко вздыхаю. — Я буду по тебе скучать.

Патрик кивает.

— Да, Молс, — говорит он, и этот разговор похож на точку невозврата. — Я тоже буду скучать.

День 96

После ужина надо собрать кучу вещей, моя старая сумка стоит открытая на кровати. Я устроилась здесь, как дома: из ящиков вываливается одежда, на рабочем столе раскидана помятая бумага из гостиницы.

Вспоминаю, как собиралась вот так в последний раз, хватала носки и нижнее белье и засовывала все в сумку, чтобы увезти в Аризону. Все заняло двадцать минут и завершилось в полной тишине: я выключила телефон и компьютер, чтобы сдержать напор сообщений, е-мейлов и оповещений по Фейсбуку: они сыпались одно за другим, но от Патрика ни слова. Я больше не нужна была Бристольской команде по бегу, хотя мне предложили пройти отбор осенью, однако они все равно согласились взять меня — единственную новенькую выпускницу в класс из шестидесяти пяти человек.

Год спустя я не тороплюсь, собираю джинсы, ботинки и резинки для волос; беру с собой картину и коллаж с прибрежной полосой озера, который прислала мне Имоджен. Я заплакала,

когда она вручила мне его. А через минуту и она заплакала.

Компанию мне составляет Netflix, низколетящий беспилотник, который переправлял меня через лето, и я смотрю документальный фильм про тайную жизнь птиц, когда звонит мой телефон. На экране номер, которого я не знаю. Отвечаю с какой-то тревогой, думая, что это звонит очередной желающий наговорить мне гадостей.

— Алло?

— Молли?

— Да.

— Это Рошин, — произносит незнакомый девчачий голос, делающий ударение на букве «о», и после этого добавляет: — Твоя соседка.

И тут до меня доходит.

— О господи, Рошин! — восклицаю я. И продолжаю, не желая объяснять, что я все лето неправильно произносила ее имя. — Извини. У меня тут голова идет кругом.

— Дело в имени? — догадывается она и посмеивается. — Ты… точно не единственная. Я смогла произносить его по буквам только в седьмом классе.

Мы несколько минут болтаем о родителях, есть

ли у нас братья и сестры, решаем, кто привезет телевизор (я), а кто — мини-холодильник (она).

— Ты выбрала себе специальность? — спрашивает она.

— Буду изучать бизнес, наверное. — Мне впервые задали этот вопрос, а у меня готов ответ. — Наверное, бизнес.

— Правда? — спрашивает Рошин. — Я всегда думала, что это так круто, когда люди могут ответить на этот вопрос. Понятия не имею, чем хочу заниматься в жизни, поэтому все эти е-мейлы, которые декан отправлял мне каждые три секунды, были супернеоценимыми.

— Уф, понимаю, — смеюсь я. У нее южный акцент, у Рошин из Джорджии. Мило. — Он очень нетерпелив.

— Я сказала себе, что выясню все этим летом, — продолжает она, — но вместо этого погрузилась в драму со своим парнем. Расскажу тебе подробности, когда встретимся. Но очень тяжело принять, что твой родной город — не единственное место в мире, понимаешь?

И тут до меня внезапно доходит. Я смотрю на зеленые деревья на улице. Через пять дней я буду в Бостоне, в месте, где у меня нет никакой репутации. Где все, не только я, будут свежими,

чистыми и новыми.

— Да, — медленно говорю я, прижимаясь лбом к холодному стеклу. — Да, понимаю.

День 97

Я остаюсь после рабочего дня, чтобы подготовить все бумаги для человека, который будет работать вместо меня. Солнце уже садится, Пенн и дети давно уехали. Я выхожу на парковку и понимаю, резко втянув воздух, что на капоте моей машины кто-то сидит и ждет.

Гейб.

— Привет, — выдавливаю я. Мои глаза неожиданно застилают слезы, когда я вижу этого парня, ведь его лицо каждый день этого лета поднимало мне настроение. Хочется обнять его, крепко сжать и держать. Но вместо этого я обхватываю себя. — Что ты здесь делаешь?

— Не знаю. — Гейб качает головой, скрещивает руки и кажется раздраженным на самого себя или, возможно, на меня. На голове бейсболка, красивое лицо скрывается в тени от золотисто-розового света. — Хотел тебя увидеть. Я идиот, но это так.

— Ты не идиот, — говорю я, мой голос чуть надламывается. В уголке его рта порез, губа немного опухла — последствия драки все еще видны. В

моей груди крутится что-то острое и болезненное. — Извини. Мне жаль, я облажалась.

Гейб пожимает плечами.

— Ты могла мне рассказать, — говорит он и, господи, кажется расстроенным. — Мы все лето… ты могла бы… Я признался, что люблю тебя, Молли. — Он разочарованно выдыхает. — И я не сумасшедший, знаю, что это было быстро, но…

— Так ли это было? — вдруг перебиваю я его. — В смысле, ты действительно меня любил? Или тебе просто надо было уделать Патрика?

– *Молли*. — Гейб качает головой, касается языком пореза и смотрит на что-то за моим плечом. — Возможно, все началось именно так.

— Это отвратительно, — сразу же говорю я и отступаю, чувствуя, как краснеет лицо и щиплет глаза из-за подступающих слез. — Это *отвратительно*, Гейб.

— Ты думаешь, я не знаю? — спрашивает меня Гейб. — Жить с тысячей чувств к девушке моего младшего брата, словно у него было то, чего нет у меня, и я…

— Я не *вещь*! — выпаливаю я, взбешенная его бестактностью. — Ради всего святого, Гейб, я *человек*, и это привело к огромным последствиям для меня, а ты просто…

— Я это знаю, — перебивает меня Гейб. — Конечно, знаю. И это, скорее всего, в самом начале было лишь из-за моего брата. Но факт в том, что я провел это лето, влюбляясь в тебя, и если ты все это время знала, что никогда не полюбишь меня в ответ, то…

— Но я тоже тебя люблю, — говорю ему. — Это хуже всего, ты не понимаешь? Люблю. — Забираюсь на капот рядом с ним, металл теплый после проведенного на солнце дня. Глубоко вздыхаю. — Патрик был первым, кого я полюбила, но ты… Я все лето гадала, каково было бы, если бы я с самого начала встречалась с тобой, — признаюсь ему.

Гейб вздыхает.

— Я тоже.

Мы сидим так некоторое время, наблюдаем за закатом. В деревьях стрекочут сверчки. Сейчас конец августа, весь мир замер в ожидании. Я не чувствую той неловкости, которую должна чувствовать.

— Когда ты уезжаешь? — спрашиваю его. — В Индиану?

— Послезавтра, — отвечает он. — Я не получил место в МБ. Хотя это не имеет значения. — Он пожимает плечами. — Говорят, я могу попробовать следующей весной.

Я вспоминаю все свои фантазии, как он везет меня на своей спине сквозь листья Новой Англии. И понимаю, что буду по нему скучать, в груди появляется что-то похожее на тоску.

— Считаю, что ты должен, — говорю ему. — Я имею в виду, попробовать следующей весной.

Гейб выгибает брови, на его красивом лице проскальзывает интерес.

— Правда?

— Да, — уверяю я, — правда.

Гейб кивает, как будто подумает об этом. И слезает с капота.

— Увидимся, Молли Барлоу, — тихо говорит он. Целует меня в щеку и уходит.

День 98

Следующий день — мой последний рабочий в гостинице, все готовятся к закрытию сезона, и я обхожу земли со своим преемником — парнем из общественного колледжа по имени Хэл. Пенн и дети подарили мне в качестве прощального подарка записную книжку, уже заполненную наполовину чувственными заметками в стиле Пенн вроде: *«Держись подальше от мясных продуктов в столовой»* и *«Очисти свой мозг»*.

— Я люблю вас, — говорю ей, встаю на цыпочки и очень крепко ее обнимаю, понимая, что это правда, когда слова срываются с губ. От мысли, что придется покинуть гостиницу, сдавливает грудь, как будто резинка моего бюстгальтера уменьшилась на размер.

— И я тебя люблю, Молли, — тихо отвечает Пенн. Она обхватывает мое лицо и целует меня. — Иди, делай добро.

Обнимаю на прощание Фабиана и поворачиваюсь к Дези, которая стоит в углу, засунув палец в рот, и наблюдает за мной своими большими темными глазами.

— Что скажешь, Дез? — спрашиваю я, присаживаясь, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. — Хочешь попрощаться?

Дези мрачно смотрит на меня, и на мгновение мне кажется, что сейчас все получится, что она откроет рот после стольких месяцев молчания. Задерживаю дыхание и жду. Она молча целует меня в кончик носа.

Я уже выезжаю с парковки, когда вспоминаю, что забыла в кабинете свой чек, и тихонько ругаюсь. Мне удалось дожить до конца смены, ни с кем не столкнувшись. Меньше всего хочется, чтобы меня на прощанье послали куда подальше.

Вместо того чтобы доехать до двери персонала, подъезжаю к главному входу и включаю аварийку. *Заберу чек и тотчас же свалю оттуда*, обещаю я себе, потные ладони скользят на перекладине двери. После этого я исчезну навечно.

Дерьмо.

Джулия, Элизабет и — о господи — *Тесс* сидят у камина в лобби, скрестив ноги и держа в руках банки с лимонадом. Пенн не нравится, что мы здесь собираемся, говорит, это отталкивает гостей. Но она уехала, и вот они все здесь, устроились на тех самых стульях, за которыми пару недель назад ездили я, Тесс и Имоджен. Такое

ощущение, что это было очень давно. Заметив меня, они тут же замолкают, как пластинка в каком-нибудь старом фильме.

— Я просто пришла за чеком, — сообщаю им, вскинув руки и чувствуя, как краснеет лицо: теперь по моим венам не струится тот задор, что был на вечеринке. — Можете не… Я сейчас уйду.

— Отлично, блин, — достаточно громко говорит Джулия, чтобы я услышала. Вот тебе и нанесла удар. Вспоминаю, что сказала мне по телефону Рошин: *«Легко забыть, что твой родной город — не вся вселенная».* Жаль, нет способа убедить себя, что это правда.

Проскальзываю в кабинет и достаю свой чек из ящика, на котором уже стоит отметка «Хэл». Удивительно, как все быстро может измениться. Засовываю его в карман и иду к двери — и тут вижу Тесс.

Она стоит в коридоре, гладкая коса, футболка Барнарда, и выглядит в тысячу раз собраннее, чем в тот день у бассейна.

— Привет! — выпаливаю я, сработала мышечная память, ощущение, что *это моя подруга.* И краснею. — В смысле, привет.

Тесс не улыбается.

— Я рассталась с Патриком, — сообщает она

мне, скрестив руки на груди. — В этот раз навсегда.

— Правда? — Подсознательно повторяю ее позу и тут же опускаю руки. Вспоминаю, как виновато забилось мое сердце, когда я услышала эту новость в прошлый раз. Сейчас ощущаю лишь оцепенение и усталость. — Мне очень жаль.

Тесс качает головой.

— Нет, — говорит она слегка нетерпеливо. — Я тебе не поэтому говорю. Просто… — Она замолкает на мгновение. — Мы с тобой никогда не будем подругами, Молс, ясно? Мы не дружим. Но я просто хотела сказать тебе, что ты права. Насчет того, что сказала на вечеринке. Что не только ты облажалась, и очень плохо, что мы вели себя так, будто все дело только в тебе. — Она выгибает брови. — Включая меня.

Я просто таращусь на нее и ничего не понимаю. Такое могла бы сказать Имоджен. Наверное, Имоджен и сказала ей, но, когда я слышу эти слова, меня как будто ударяют с разрушительной силой, мое сердце точно разбивается на половинки. Я никогда их не заслуживала, Тесс и Имоджен. И я это исправлю.

— Спасибо, — наконец говорю ей, сглотнув слезы — кажется, их уже не должно было остаться.

Внутри все сжимается. — Правда. Спасибо.

Тесс пожимает плечами.

— Береги себя, Молли, — говорит она. Затем машет и уходит.

День 99

Мы с мамой уезжаем в Бостон утром. Закидываем мою сумку в багажник ее машины, а еще телевизор, мои тапочки для душа и накрахмаленные длинные простыни в крошечный горошек.

— О, еще кое-что, — говорит мама, бежит в дом и возвращается с самой большой коробкой лакричных конфет, что я когда-либо видела. Их достаточно, чтобы пережить хотя бы один семестр.

— Забегала в Costco, — сообщает она и улыбается.

Прощаюсь с Витой и чешу Оскара под подбородком, затем застегиваю толстовку — по утрам теперь прохладно, ветерок с озера напоминает об осени — и беру свой рюкзак, мысленно проверив все, что могла забыть. Утром в моем телефоне было два сообщения: закономерность этого лета, но вместо двух посланий от парней Доннелли я получила сообщения от Имоджен и Рошин: «*Удачи!*» и «*Не могу дождаться!*».

— Готова? — спрашивает мама, положив руку на мою, пока мы стоим на подъездной дорожке.

Смотрю на викторианскую сирень, затем на верхушки деревьев. Солнце греет затылок.

— Готова, — говорю ей и улыбаюсь. Сжимаю ее ладонь, и мы садимся в машину.

Благодарности

Ох, во второй раз не становится проще. Столько людей дают мне возможность заниматься этим делом, которое я просто обожаю, и каждому из вас принадлежат мое сердце и истинная благодарность.

Спасибо Алессандре Блейзер за твою зоркость и умелое руководство — благодаря тебе я хочу стать лучше, и я имею в виду, стать лучшим писателем. Спасибо Каролине Сан, Эли Лисноу, Эмили Польстер и всем-всем из Balzer+Bray и HarperCollins за вашу бесконечную энергию и великолепие. Для меня честь находиться с вами в одной команде.

Благодарю Джоша Бэнка, Джоэля Хобейка, Сару Шэндлер и всех из Alloy: я чертовски вас всех люблю. Вы — чемпионы мира.

Спасибо Кристе Дезир и Джулии Мерфи за ваше бесстрашие; Курту Стивенсу за твое сердце; Жасмин Варге за проницательность и воодушевление на этих страницах.

Нашей компании из четырнадцати человек, которые всегда следят, чтобы я не оставалась одна.

Рейчел Хатчинсон, самой-самой.

Всему семейству Котуньо за то, что отправили меня в этот невероятный полет, и семейству Коллеран за то, что выделили безопасное место, чтобы приземлиться.

Об авторе

Кэти Котуньо в 2011 году была номинирована на премию Pushcart Prize[9], ее работа появилась в «Миссисипи Ревью», «Апалачи Ревью», «Айова Ревью» и «Аргест», а также в других литературных журналах. Ее первый роман под названием «Как любить» был назван «Энтертейнмент Уикли» «ярким, блестящим романом о первой любви и вторых шансах». Узнать больше о Кэти можно на www.katiecotugno.com.

[9] Примечания: 9

The Pushcart Prize — одна из лучших международных литературных премий.